

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

РЕИНКАРНАТОР

Таинственная история
о карме и перерождении

ЮЛИЯ РЫЖЕНКОВА

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

РЕИНКАРНАТОР

Таинственная история
о карме и перерождении

ЮЛИЯ РЫЖЕНКОВА

Юлия Рыженкова

Реинкарнатор

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и граждансскую ответственность.

© Рыженкова Ю., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Глава 1

– Стой! Сворачивай! Во двор! Я почуял.

Митя резко крутанул руль и включил мигалку. Ночной город вздрогнул, шарахнулась оказавшаяся на пути легковушка. Они съехали с хорошо освещенного шоссе и будто пересекли границу живых и мертвых. Вместо гладкого асфальта под колесами оказались колдобины и лужи; свет фар пронирался сквозь темень, как сквозь джунгли, выхватывая то чуть тронутые ржавчиной железные качели, то пустые сейчас скамейки, то двери подъездов. В окраинных районах дома представляли собой похожие друг на друга панельные коробки, причем исключительно многоподъездные. Беда для оперативника в таких работать!

Яму они не увидели, но уж ощутили – будь здоров! Машина чиркнула брюхом об асфальт, Митя сквозь зубы выругался, но Костя вообще ничего не заметил. Впрочем, шофер не удивился: раз сказано «я почуял», значит, начинается странное. Все они, когда чуют, становятся странными, будто уже и не людьми.

Костя указал, где остановиться, схватил чемоданчик и выскочил из машины, едва та затормозила. На мгновение замешкался. Два подъезда рядом. В какой? Времени на раздумье не было, и пришлось выбирать наугад.

Подъезд приветствовал запахом кошачьей мочи, окурками и полумраком. Это иногородние уверены, что в Москве везде неоновые огни, дорогие автомобили и сплошной праздник жизни. Те, кто уже пожил в столице, знают, что такая нищета, как в этом городе, мало где встречается. Впрочем, и такая роскошь тоже. Одних это закаляет, других ломает и лишь на дежурных оперативников действует как духовная практика, после которой к жизни начинаешь относиться философски. Сложно стремиться к деньгам и власти или бояться бедности, когда одно сменяет другое со скоростью маленькой желтой машинки, мотающейся по городу по вызовам и провожающей в последний путь нищих и миллионеров, работяг и поэтов, убийц и их жертв.

Запах вел лучше любого фонаря, ноги сами перемахивали через две-три ступени, а в голове стучало «успеть-успеть-успеть!». Слишком мало времени оставалось. Пятый этаж. Это должно быть здесь. Костя вдавил кнопку звонка, еще и еще раз. Залаяла собака, затем раздались шаркающие шаги, звяканье ключа...

– Кто там? – послышался старческий голос. Из-за двери сочилось недовольство. Все они поначалу недовольны, раздражены, пока не поняли, пока не поверили в то, что происходит.

– Фохао. Реинкарнация.

Сдавленный вздох услышать было невозможно, но Костя знал, что он есть. Всегда бывает.

Дверь распахнулась, но, против ожиданий, запах не усилился. Испуганные глаза, взъерошенные седые волосы, полосатая пижама... нет, от этого старика не пахло смертью. Тогда кто же?

– Вы за мной? – пролепетал он.

Костя гаркнул:

– Кто еще в квартире?!

– Я один живу...

Пес жался к ногам старика, не переставая отчаянно, до хрипоты, облавивать странного незнакомца, что ввалился среди ночи, напугав хозяина.

Стоило реинкарнаторам почуять смерть, и окрестные псины сходили с ума от злости и страха. А вот кошки плевали на все с высокого дацана. Говорят, недавно ученые выяснили, что и реинкарнаторы, и кошки живут на границе миров, между жизнью и смертью, а собаки как хранители жизни терпеть не могут проводников смерти. Вот и бесятся и от тех и от других. Сами реинкарнаторы в этот бред не верили, тем более фамилий «ученых» под исследованием не стояло. Зато пресса активно обсасывала новость. У кошек, понятное дело, комментарии получить не удалось.

– Ох... вы что же, за моим Графом? Нет ведь, правда? – обнял стариk лохматого сеттера.

Костя даже отвечать не стал. Это первые годы, в начале работы, ему казалось нужным и важным просвещать, отвечать на идиотские вопросы, объяснять, развеивать мифы. Потом стало ясно: все без толку. Народное творчество сильнее всех доводов, фактов и логики. И пусть. Хотят люди считать, что реинкарнаторы – мифические существа с

черными крыльями, острыми зубами и когтями? Пусть. Уверены, что те питаются кровью и человеческими мечтами? Тоже пусть. Думают, будто способны наслать на врагов смерть и лично от Князя Смерти получают указания? Да пусть! Лишь бы не мешали работать.

А то впадут в истерику от страха и потратят драгоценные минуты на ерунду. В том году один псих при виде Кости стал убегать от него – по всему подъезду бегал в чем мать родила, орал и отмахивался, так что даже пришлось вызвать шофера на подмогу. Только вдвоем удалось скрутить полоумного и привязать к стулу. Так и помер, бедолага… Но хоть не дрался! Тяжелей всего работать с теми, кто защищается, кто уверен, что сражается за свою жизнь! Вроде с детства всем вбивают в голову правила первой помощи умирающим, объясняют, что делать, если приехала Скорая реинкарнаторская, но большинству это как колокольный звон: в одно ухо влетело, в другое вылетело. Выучил – сдал – забыл. Старик вот считает, будто реинкарнаторам есть дело до домашних питомцев…

Костя не заметил, что прошел насквозь коридор, гостиную и спальню, и очнулся, лишь когда уперся в стену, из-за которой несло чуть сладковатым запахом смерти. В народе его как только не называли: и запахом трупа, и смесью одеколона «Шипр» с жженым сахаром, и даже запахом жареного мяса. Ужасное сравнение, ставшее с легкой руки писателей штампом. Реинкарнаторы от него морщились, все, кого ни спросишь. Грубо очень, наотмашь, и неверно. Смерть пахнет чуть слышно, тонко, она и сама крайне деликатная особа, приходит мягко, как снег, но бескомпромиссно. С жареным мясом честнее сравнивать жизнь. Ни у кого она не бывает, как говорят англичане, well done. То с кровью, то с болью, а то и в печь приходится лезть да по горячим углям ходить. Души иначе не закаляются.

– Что там? – рявкнул Костя, уперев палец в стену.

Старик вздрогнул:

– Квартира в соседнем подъезде, там живут…

Но Костя уже не слушал, ринулся прочь, обратно по лестнице вниз, перепрыгивая ступеньки. «Успеть-успеть-успеть…» – билось в его мозгу.

Он не заметил, как выскочил на улицу, рванул дверь в соседний подъезд и взбежал на пятый этаж. В этом состоянии реинкарнаторы вообще окружающий мир почти не замечают. Тот размывается, будто

смотришь через толщу воды: ткань бытия истончается, уходит на задний план, и лишь запах пульсирует, словно вена, соединяющая умирающего с реинкарнатором. Спроси его потом, где был, что видел, – он лишь недоуменно пожмет плечами. Смерть видел, что ж еще?

Эта особенность убирает все эмоции, в том числе страх. О, сколько пафосных книг и стихов написано о героях, ради слепка кармы пересекающих линию фронта или бросающихся в горящий дом! Люди восхищаются их бесстрашием, принимая его за самоотверженность. Сами же реинкарнаторы считают, что прославлять их смелость – все равно что восхищаться отвагой умственно отсталого: ни тот ни другой просто не ощущают опасности, не видят ее, не понимают.

Костя снова вдавил кнопку звонка и снова услышал вопрос «кто там?». Ответ все тот же: «реинкарнация», и опять тяжелый вздох. Раньше он пытался угадать, кто откроет дверь: мужчина или женщина, молодой или пожилой, но результаты не выходили за рамки «статистической погрешности», как их оценил друг Женька. Другими словами, ощущение смерти никак не связывало с личностью умирающего. Реинкарнаторы понятия не имеют, за кем пришли, пока не сталкиваются с этим человеком нос к носу.

Дверь открыла невысокая стройная женщина. На ночную рубашку накинут халат, пальцы теребят узел пояса. Нет, с ней все хорошо... Правда, «хорошо» продлится недолго, еще две минуты и сорок семь секунд. Он запретил себе жалеть родственников еще лет пятнадцать назад, иначе просто невозможно, иначе надо уходить из профессии. Самое сложное не в том, чтобы каждый день слышать последний вздох умирающего; гораздо тяжелее выдерживать горе оставшихся в живых.

Женщина уже поняла, что пришла беда, но признавать все еще отказывалась. Она смотрела снизу вверх на высокого худого мужчину в черной форме, так похожей на военную, на сосредоточенные зеленые глаза, резко очерченные скулы и темные лохматые волосы. Так выглядела смерть. Для нее.

– За кем? – прошептала, с ужасом перебирая в голове варианты. Из детской раздался плач, и пальцы непроизвольно стиснули пояс халата.

Но на разговоры времени не оставалось совсем. Костя вихрем ворвался в квартиру, отпихнув хозяйку.

– Светка, кто там? – открыл дверь комнаты и прошлепал босиком по коридору отец семейства. Жить ему оставалось какие-то крохи. Вместе с запахом из мира исчезали и краски, и сейчас лишь этот полноватый мужчина лет сорока в семейных клетчатых трусах казался нестерпимо, чрезмерно ярким и реальным. Натянутые Костины нервы чуть отпустило: успевает! Остальное не важно.

Многие называли реинкарнаторов бесчувственными, лишенными эмоций, а то и извращенцами, получающими удовольствие от чужой смерти. Это, конечно, ерунда. Они обычные люди, с разными чувствами, так же радуются и печалятся, бывают добрыми и злыми. Просто к смерти относятся спокойно. Но это тоже не уникальная особенность: далеко не все боятся умереть.

Странно: почти пятьсот лет как на Земле появились Купола, тьма народу живет по второму, третьему, а то и четвертому разу, и при этом до сих пор многие считают смерть чем-то ужасным. Ну да, это не прогулка в театр, но сходить с ума от горя?! Костя не мог этого понять. Наверное, потому, что он, как и все реинкарнаторы, с рождения знал, что такое смерть, чувствовал ее, видел ее глазами.

В два года в гостях маленький Костя спокойно произнес, что «деда чичас умрет». В памяти не остались ни взволнованные взгляды родителей, ни сжатые добела губы деда, ни беготня. Зато тот первый запах, запах, сопровождающий его жизнь, он запомнил очень четко, навсегда. Откуда он знал, чем пахнет? Просто знал.

Родители не хотели верить... В конце концов, с дедушкой он мог просто угадать: тот давно болел, последнее время не вставал с постели. А пахло... может, лекарствами. Увы, через несколько лет мальчик вновь «угадал». Мать потом долго рыдала в спальне, а отец ходил кругами по квартире, будто верующий вокруг ступы. Это уже позже Костя понял, чего это они. Тогда же просто пожал плечами и выбросил из головы. Ну подумаешь, чует смерть. Верка вон помнит своего убийцу, поэтому в бассейн не ходит. Воды боится до одури. Дядя Леша объяснил, что это панические атаки, а про убийцу Маринка всему классу растрепала, а еще подруга называется! Хорошо, Верка не в курсе, что все уже знают... А раз он, Костя, чует смерть, значит, он еще и беспамятный – никогда не вспомнит своей прежней жизни, жизни до рождения.

– В комнату! Живо! – Костя втолкнул умирающего за дверь, бросился на колени, быстро, но бережно положил перед собой чемоданчик и щелкнул замками. Краем глаза увидел в дверном проеме знакомый халат и, не поворачивая головы, приказал: – Вон отсюда!

– Нет! – жена из оцепенения сорвалась в истерику. – Вы не можете! Это ошибка! Он здоров! У нас дети! Так нельзя!

– Будите детей! Закончу – попрощаетесь! – Костя подскочил, выпихнул ее из комнаты и захлопнул дверь, мысленно добавив: «Если успеете...»

– Значит, я сейчас умру? – растерянно пробормотал мужчина, сидя в одних трусах на смятой кровати, где только что спал в обнимку с женой.

Ответа он не услышал. Лишь лампочка на кармографе на мгновение мигнула зеленым, а затем стала красной.

Костя отошел на два шага, чтобы не смазался слепок. Черные хромовые сапоги громко цокали о паркет в тишине.

– Мне страшно... – Мужчина задыхался, разевая рот, как рыба. На несколько секунд ему удавалось прийти в себя, и тогда он говорил. Видимо, это придавало сил пережить следующий приступ.

– Не бойтесь, это не самая плохая смерть. У вас она будет быстрой и легкой.

– А что дальше?

Костя развел руками:

– Будто не знаете! Переродитесь как миленький. Я же успел!

– Да... все никак не привыкну умирать. Тошка, Машка... они же еще в садик ходят, как Светка с ними справится без меня?

Костя вместо ответа спросил имя и фамилию – потом потребуется для отчета.

Кармограф пискнул, и лампочка вновь стала зеленою, как Костины глаза. До последнего он сомневался, что успеет. Слишком поздно почувял, времени почти не оставалось.

– Прощайтесь! – крикнул он, распахивая дверь.

В спальню влетели жена и двое детей и замерли в ужасе. Папа стоял на карачках, задыхался, хватал ртом воздух, нелепо размахивал руками в попытках схватиться за что-нибудь. Лицо уже начало синеть.

– Помогите ему! – закричала женщина, но Костя разбирал кармограф и будто не слышал. Симптомы походили на тромбоэмболию

в легочной артерии, а это однозначная смерть. Впрочем, диагноз абсолютно не важен. Если появился запах, то все уже не важно.

Пока жена бессмысленно сутилась, а дети ревели, Костя вышел из комнаты и вызвал «скорую» медицинскую помощь. Именно она зафиксирует смерть. Затем ушел, пока на него никто не обращал внимания.

Женский отчаянный крик, переходящий в вой, был слышен даже на улице, а для Кости мир наконец обрел свой объем, запах и цвет. Преобладал черный. Цвет ночи.

Машина нашлась по огоньку сигареты: Митя вовремя вылез на перекур.

– Едем? – приготовился он выбросить окурок.

– Погоди.

Косте нужно было очухаться, подышать холодным осенним воздухом, подождать, пока сердце перестанет стучать, как у жокея на скачках, и адреналин уйдет из крови. Он не боялся смерти, но до ужаса боялся не успеть. У Кости, как и у коллег, иногда на руках умирали по-настоящему. Без слепка кармы. Значило ли это, что они больше не перерождались? Неизвестно. Весь штат московского НИИ реинкарнации не мог ответить на этот вопрос. Считалось, что умершие без слепка рождались вновь, но не помнили прошлую жизнь.

Оставались ли они теми же самыми личностями? Над этим вопросом до сих пор ломают головы философы, для простых же людей смерть без слепка кармы – окончательная, настоящая. Если живешь в другом теле, в другой семье, может, даже в другой стране и ничего не помнишь о себе прежнем – ты уже другой человек, прежний ты умер. Умер не только для всех родных и друзей, но в первую очередь для себя.

– Ладно, хватит мерзнуть. Поехали, – вздохнул Костя.

Они забрались в тепло салона, и двигатель ожил. Желтая машинка с надписью «Скорая реинкарнаторская помощь» тихонько, чтобы не разбить подвеску о колдобины, поехала на патрулирование по Москве. На капоте красовался символ Министерства реинкарнации: круг, прерывающийся в трех местах. Он же был на чемоданчике с кармографом и на вороте кителя сотрудника «скорой».

Костя достал свой рабочий коммуникатор. Машину потряхивало, и палец то и дело попадал в соседние буквы. Это бесило, но

останавливаться не хотелось. Надо всего лишь записать имя, адрес и время слепка, и опыт подсказывал, что лучше это сделать сейчас, пока помнишь. Без этих записей в статотделе не примут пластины с кармой, сиди потом, насилий память.

Покончив с бюрократией, он включил радио. Пощелкал и остановился на новостях. «Президент нанес официальный визит в Королевство Раттанакосин...», «Два человека погибли во время демонстрации за независимость Сенегала от Франции...», «Российские хоккеисты вышли в полуфинал...».

Митя поморщился, но смолчал. По негласной привычке во время дежурства реинкарнаторам никто не смел перечить, они выбирали дорогу, радиостанцию, темы для разговоров и даже кофейню, где под утро, когда спать хотелось сильнее, чем жить, покупали обжигающее горячий кофе в бумажных стаканчиках. Впрочем, Константину Юрьевичу вообще мало кто осмеливался перечить: семнадцать лет работы на «скорой» – это не шутки!

Его неоднократно звали к себе частные фирмы, но он отказывался, несмотря на мизерную зарплату и выматывающий график сутки через двое. Формально, конечно, через трое, но оперативников всегда не хватало, так что часто приходилось затыкать дыры. Вот как сегодня. Все знали: самые тяжелые смены – с ним. Ни отдыха, ни продыха. Он будто гончая, взявшая след. Закончить пораньше хоть на полчаса? Ха! Забудь. Спасибо, если еще не задержишься на час-другой.

Новости на радио сменились болтовней об отмене обязательной реинкарнации. Законопроект рассмотрели уже со всех сторон, о нем высказались не только политики и экономисты, но даже артисты, певцы и спортсмены. Лишь российская буддистская община молчала, будто дала священный обет. На окончательное решение по законопроекту, при горячей поддержке правительства и категорическом неприятии Ордена реинкарнации, могла повлиять именно позиция общины – позиция третьей силы. По радио проправительственный экономист сулил огромную экономию бюджетных денег. Вот только не уточнял, что экономия предполагалась за счет увольнения реинкарнаторов и еще большего снижения и так скучного финансирования «скорой» помощи. Молчал и о том, что в частных компаниях цены за слепок кармы сразу бы подскочили вдвое, а то и втрой, что закрывало возможность

перерождения беднякам, а это несколько миллионов россиян. Зато о пополнении казны за счет налоговых отчислений разливался соловьем.

Костя злился, когда слышал эти аргументы, но через секунду все это стало не важно.

– Газу! Газу!

Шофер вздрогнул, вдавил педаль в пол, врубил мигалку и крутанул руль. К счастью, разворот на сто восемьдесят градусов с заносом прошел без инцидентов: Рязанское шоссе по случаю глубокой ночи и начала праздника Огней пустовало. Будь Костя сейчас в нормальном состоянии, Митя бы ограб. Ну кто так водит?! Врезались бы – и машину угроили, и к пациенту не успели бы. Но он не заметил опасного маневра и привычно ткнул пальцем в карту на коммуникаторе. Точка замигала красным, сообщая диспетчеру Скорой реинкарнаторской, куда они едут.

К первому запаху внезапно примешался второй, еле ощутимый, но все же вполне четкий. Костя ткнул снова в коммуникатор, и вторая точка, будто гематома в порванной артерии, запульсировала, сообщая еще об одной смерти. В этот момент ожила рация:

– Четвертый, видим ваши сигналы, куда поедете?

На выбор оставалось несколько секунд. Костя мог спасти лишь одного: между двумя умирающими чуть больше километра, и оба долго не протянут. Но у второго все же время смерти позже, и есть небольшой шанс, что к нему успеет другой оперативник.

– К первому.

– Вас понял.

Через несколько секунд второй запах пропал: Костя вышел из зоны восприятия. Утопив педаль газа в пол, шофер гнал к тому, кто умрет раньше.

Желтая машинка нырнула в очередной двор, вспугнув кота, но не остановилась у домов, а пролетела дальше, к мусорным бакам и железной дороге.

– Тормози. Дальше не проедешь, – скомандовал Костя и обхватил ручку черного чемоданчика.

Под сапогами хрустело битое стекло. Ветер мотал полиэтиленовый пакет, зацепившийся за торчащий из земли железный прут. Воняло тухлятиной, как обычно на помойках, но сладковатый запах смерти все перебивал. На самом деле реинкарнаторы не осязали его в прямом

смысле слова, это был внутренний «запах», узконаправленный, он чувствуется тем сильнее, чем ближе находишься к умирающему. Метров за семьсот-восемьсот можно поймать этот «луч» и идти по нему, ощущая всем телом, как компасом. Запахом его называли лишь оттого, что за все столетия существования Куполов так и не придумали лучшего слова.

Костя прорался через мокрые кусты, под ногами захлюпала жижа. Кто-то стонал, привалившись к стенке мусорного бака, но в темноте не разглядеть. Костя вытащил фонарик и осветил длинную рану через весь живот, которую бродяга зажимал руками. Смерть тут уже нетерпеливо переминалась с ноги на ногу в ожидании нового гостя.

Жестяная банка из-под «Праны» под сапогом со скрежетом смялась, привлекая внимание. Очумевший взгляд бродяги сфокусировался, уставился на черную форму. В темноте не рассмотреть ни нашивку Министерства реинкарнации, ни шеврон «скорой» помощи, но все же умирающий моментально понял, кто перед ним. Сухие, обветренные губы пошевелились, а затем с хрипом выплюнули:

– Иди в ад, отродье!

Костя, будто и не слыша этих слов, продолжал собирать прибор прямо на мягкой и липкой от дождя земле.

– Прочь! Не имеешь права!

Лампочка на кармографе загорелась зеленым, продемонстрировав готовность прибора к работе, и Костя поднялся.

С резким гудком пронесся поезд дальнего следования. Фары на миг осветили помойку, и этого бродяге оказалось достаточно. Тот вдруг очутился сзади Кости, встал вплотную и обвил его шею правой рукой; левая продолжала сжимать края распоротого брюха. Запах давно не мытого тела и крови ударили так, что на мгновение перешел запах смерти. Горло сдавливало все сильнее, воздуха почти не осталось; видно, бродяга не раз пользовался этим приемом, вот только для его успешного проведения требовались обе руки.

Нападение было абсурдным, Костя его не ожидал, за что сейчас и расплачивался. За годы работы чего только не случалось! Это не первая попытка его убить. Инструкция для таких случаев однозначна, и Костя, не колеблясь, выполнил ее: вместо того чтобы пытаться освободиться от захвата, он что есть мочи ударил нападавшего в

живот. Раздался всхлип, босые ноги подкосились, и дерущиеся упали в грязь. Бродяга оказался сверху, но шею не отпустил, наоборот, сдавил ее из последних сил. Костя дернулся, попытался освободиться, но оказалось, что не так-то просто сбросить с себя семьдесят килограммов живого пока еще веса. Тогда он врезал кулаком в голову нападающему. Одного раза оказалось недостаточно, а с третьего бродяга потерял сознание.

Из-под обмякшего тела выбраться удалось не сразу. Отдышавшись, Костя проверил пульс на шее своего пациента. Жив. Хорошо. Хотя инструкция предписывала бить на поражение, убивать не хотелось. Да тот и так вот-вот умрет, но пусть все же не от его рук. Реинкарнаторов учили самообороне, экзамен по рукопашному бою по сложности ничуть не уступал экзамену по медицине. Выбить из рук неподготовленного человека нож или пистолет – не проблема. Один на один Костя бы справился со многими. Однако нужно не только справиться, нужно сделать это быстро, обездвижить и успеть снять карму. Это уже получалось не у всех и не всегда.

Перемазанный грязью и кровью, оскальзываясь на картофельных очистках, Костя подтащил кармограф поближе к бродяге и врубил запись. Для нее нужна всего лишь минута! Минута, за которую умирающий не выползет из радиуса действия прибора. Иначе все впустую. Иначе зря он торопился, рисковал жизнью, дрался. Иначе – он не спас еще одну личность от забвения. Костя хорошо знал, что такое жить, не помня ничего; совершать ошибки на ровном месте, руша дружбу и любовь из-за детской незрелости; познавать с нуля мир, людей, себя – все то, что перерожденные уже давно знают, что выучили в прошлых жизнях.

Нет, ни этот бродяга и никто другой такого не заслужили. Этому несчастному сейчас кажется, что лучше начать все с чистого листа. Наверняка за жизнь сделал столько дерьяма, что знает: в следующей жизни ему ничего хорошего не светит. Вот и пытается сбежать. Но он просто не понимает, что от кармы это не избавит. Причинно-следственную связь невозможно обмануть, и ей все равно, помнишь ты что-то или нет. Тебе, твоим врагам и твоим друзьям воздастся по заслугам твоими руками – эти законы работают, даже если о них не подозреваешь. Просто будешь молотком. Невежественным, ничего не понимающим молотком. Как беспамятные.

Сидя прямо на мокрой и холодной земле, Костя держал кармограф и был готов в любой момент рвануть вслед за идиотом, который хочет покончить жизнь самоубийством. Осталось досчитать до шестидесяти.

На счет тридцать пять бродяга заворочался и захрипел. На счет сорок три – попытался подняться, но рухнул лицом в грязь.

– Гад, дай мне просто сдохнуть! – всхлипнул он. – Я не хочу продолжать!

На счет пятьдесят три бродяга наконец сообразил, как можно избежать слепка, и пополз, но тут лампочка поменяла цвет с красного на зеленый. Готово. Надо уходить, причем быстро, пока измученному жизнью и болью не захотелось отомстить. Сколько раз Костя собирали и разбирали кармограф! Он мог это делать с закрытыми глазами, на ощупь, как солдат собирает и разбирает автомат. Нормативы на время в «скорой» помохи не сдавали, но за годы работы всем оперативникам пришлось научиться действовать предельно быстро. Костин личный рекорд сборки – сорок секунд. Но тогда его хотели застрелить...

Едва различимые проклятия замолкли, и в следующее мгновение на него обрушилась вся реальность мира: холод, запахи, темнота, тишина и страх.

– О боги Тушита! Вам помочь?

– Ага, выведи из сансары... – попытался улыбнуться Костя своему водителю, но увидел недоуменный взгляд и махнул рукой. Шутки у него дурацкие, как говорил Женька, и если уж друг их не понимал, чего ожидать от юнца с пушком вместо усов? – Вода еще осталась? Салфетки? Тащи.

Первым делом – тщательно обтереть чемоданчик. Тот, конечно, защищал прибор от влаги, грязи и ударов, но все же лучше перестраховаться. Поломка кармографа – это трагедия. И даже не потому, что тот стоит, как квартира в центре Москвы, а потому, что его никто не умеет чинить. Без кармографов реинкарнаторы бесполезны. Что толку чуять смерть? Надо ведь успеть записать карму.

После возни с чемоданом дело дошло и до себя. Заезжать переодеваться – только время терять, уже и так конец смены, пришлось лишь умыться и сполоснуть руки. Форма от налипшей грязи не отчищалась, все телодвижения с салфетками оказались бессмысленными, так что Костя просто попинал колесо левой и правой ногой, стряхивая с сапог налипшие комья грязи, и постелил на

сиденье пакеты, чтобы не испачкать салон. С трудом стянул тяжелый от влаги китель, швырнул его на пол машины, к заднему сидению, оставшись в белой рубашке.

Митя вопросов не задавал. Знал, что босс на них не ответит.

Машина медленно выезжала на шоссе по разбитому асфальту. В салоне запахло тухлой рыбой и кровью, но Костя не хотел открывать окна, чтобы не выпускать тепло, наоборот, выкрутил печку на максимум. Аккуратно закатал рукава почти до локтей, чтобы скрыть измазанные кровью манжеты. Движения головой отзывались болью, видимо, шея скоро превратится в один сплошной синяк.

Светало. Из-за вечно серого, затянутого тучами и смогом неба рассвет скорее угадывался, но в желтой машине поняли, что конец смены близок и скоро на базу. Там еще писать отчет, но хотя бы можно принять душ и переодеться. Насыпать себе чаю из жестяной банки и, пока закипает чайник, грызть шоколад, закинув ноги на стол, – все равно в такую рань в кабинете никого, кроме дежурных.

Коммуникатор мигнул красным, и вместе с ним ожила радиация.

– Четвертая, прием, четвертая, вы меня слышите?

– Слышим, – ответил Костя.

– Только что пришел вызов с Народной улицы. Вы сейчас ближе всех. Примете?

Митя тяжело вздохнул. До конца смены оставалось минут пятнадцать, можно отказаться, никто слова не скажет, но он знал своего босса.

– Да. Минут через десять будем.

И вновь на желтой машине включились проблесковые маячки.

Ночные дежурства были непредсказуемы, зачастую опасны, но зато продуктивнее дневных. Сколько раз реинкарнаторы торопились по вызову и в бессилии сжимали кулаки, передвигаясь в потоке со скоростью пешехода! Сколько оскорблений, жалоб и угроз на плохую работу службы выслушивали диспетчеры! А с чего ей быть хорошей? Низкие зарплаты отбивали у обычных людей все желание устроиться в службу «скорой» помощи, беспамятных же не хватало. Те, кто был, мотались без продыха по всему городу, точнее, стояли в столичных пробках. Так что в Москве лучше было умирать ночью.

Костя у дома поймал нить запаха, и записанный в коммуникатор номер квартиры не понадобился. Конечно же, в кирпичной башне

подъезд оказался всего один. По закону подлости многоподъездные дома встречаются именно тогда, когда нет адреса и очень мало времени.

Этот район оказался приличнее предыдущего, хотя и не столь шикарный, как в центре. Садовое кольцо невидимым куполом надежно отгораживало действительно богатых людей от всех остальных. Впрочем, большинство и не рвалось перейти эту границу. Зачем? Нос при входе в подъезд зажимать не надо, кнопки в лифте не прожжены сигаретами, лампочки все целые, шприцы и банки из-под «Праны» не валяются, хулиганы не пристают, во дворе можно спокойно отпускать детей. Что еще надо?

Костя не заметил ни новеньких почтовых ящиков, ни чистого лифта, ни цветов на подоконнике общего коридора. И хотя нужная дверь оказалась приоткрытой, он для проформы постучал, хотя дожидаться ответа не стал. Квартира оказалась большая, но запах вел лучше любого навигатора.

– Фохао. Реинкарнация. Леонхард Янович?

– Да. А вас как величать? – Старик закашлялся и схватился за грудь. По бледному лбу скатились капли пота. Приступ продлился всего несколько секунд.

– Константин Юрьевич Колесов.

– Хорошо, Костя, надеюсь, ты умеешь пользоваться этой штукой, – кивнул он на кармограф, разглядывая мрачного реинкарнатора в несвежей белой рубашке с закатанными рукавами, черные сапоги оставляют комья грязи на дубовом паркете.

Костя молча положил чемодан на пол и щелкнул замком; он давно не реагировал на подобные подначки даже в обычном состоянии, а уж когда шел по запаху – и подавно.

Леонхард Янович явно хотел умереть. В бледно-голубых глазах не отражалось ни капли страха или волнения, только любопытство. Сколько ему лет? Восемьдесят? И он все еще сохранил любопытство? Обычно оно уходило, стоило ребенку вспомнить прошлую жизнь.

Был период, когда дети долго не взрослели, познавали мир, восхищались банальными вещами, открывая их для себя. Но длилось то время недолго. Если в Средние века детям рано приходилось впряженяться в тяжелую работу, чтобы выживать, то с появлением Куполов стало нормой лет в десять, а то и раньше резко повзросльеть.

У всех память возвращалась по-разному, у одних мозаика по чуть-чуть складывалась в пазл и финальный рисунок проявлялся лишь к юности. На других воспоминания обрушивались в одночасье, как снежная шапка на безрассудного горнолыжника. Но все стояли перед выбором: принять старую личность или стать кем-то другим, продолжить прежнюю жизнь или начать новую. Однако что ни выбери, а прошлые опыт, навыки и отношение к миру перейдут по наследству, от них не отмахнешься. Сыщик в новой жизни забудет, как чистить зубы, но внимание к деталям и недоверие к людям останутся на подкорке. Воришко в юном теле не вспомнит таблицу умножения, но руки сами залезут в карман попутчика за бумажником. Никого уже не удивляет, когда семилетний ребенок проводит интубацию отцу, переставшему дышать.

Любопытство в этом мире сохраняли лишь журналисты и учёные. А детство – только беспамятные.

Костины пальцы привычно собирали кармограф, взгляд скользнул вдоль стен по стеллажам, заваленным передатчиками, трансформаторами, а также разными деталями: от транзисторов до компьютерных плат. В голове мелькнула мысль, что старик – радиолюбитель, это объясняло, почему он спокоен. Сильно увлеченные делом часто снимали себе ячейку в банке памяти. Смерть – лишь небольшая помеха, пауза между жизнями. Да и помеха ли? Старое тело уже неспособно продолжать полноценно жить: руки трясутся, голова не соображает, болезни выматывают.

Изредка реинкарнаторов встречали с радостью. Всего лишь умереть, и через несколько лет у тебя молодое, крепкое тело, много энергии и наработки всей прежней жизни. В банках памяти оставляли коды от сейфов с деньгами, акции, документы на недвижимость, научные исследования, недописанные романы – все, с чем не хотелось расставаться после смерти. Да, такие банки незаконны, но кого это волнует, если на кону возможность сохранить что-то действительно ценное? С людьми, которые так относились к перерождениям, работать проще всего. Увы, их меньшинство.

Косте долго казалось странным, что большинство не готовятся к новой жизни заранее. Банально, но деньги не помешают. Кто знает, в какой семье родишься? Можно ведь рискнуть и оставить себе накопления. Да, есть вероятность, что государство найдет и закроет

банк, в котором твоя ячейка, но вдруг нет? Потом он понял. Просто посмотрел, как люди относятся к собственной пенсии. Лишь двое из его знакомых копили на старость. И дело даже не в том, что остальных устраивали гарантированные государством выплаты – прожить на такие копейки невозможно. И не в том, что не было денег. Были. Больше или меньше, но копить могли многие. Просто не планировали на тридцать-сорок лет вперед. Даже двадцать лет казались ужасно долгими и нереальными. Было бы странно ожидать от таких людей планирования следующей жизни.

Леонхард Янович вновь дернулся от приступа и закашлял так, будто собрался выхаркать легкие.

– Костя, сколько мне еще?

– Минут десять. Не волнуйтесь, успею.

Хорошо, когда есть возможность работать наедине, в спокойной обстановке. Люди непредсказуемы. Кто знает, что в следующую секунду выкинет тихая старушка, увидев, что карму ее мужа записывают на тонкую стальную пластину? Ведь именно от этой записи зависит новое перерождение. Метнется с запоздалыми объятиями, чем запорет снимок? Или возьмет молоток и вдарит изо всех сил по кармографу? И такие случаи были...

Эта минута пробежала намного быстрее, чем у мусорных баков, и когда лампочка мигнула, Костя традиционно выдохнул. Успел.

– Ну вот и все. – Он мазнул взглядом по пациенту и вздрогнул.

Глаза старика стали другие. Теперь в них отражалось то ли безумие, то ли восхищение, даже цвет сменился с блекло-голубого на бирюзовый, будто кто-то почистил озеро. Старик начал озираться, словно впервые увидел собственную комнату, поднялся повыше на подушку, чуть не наполовину высвободившись из-под одеяла. Он оказался совсем невысоким, щуплым, ребра выпирали из-под тонкой кожи, живот ввалился, видимо, болезнь в последние дни мешала поесть. Но при этом выглядел не вымотанным и измученным приступами, а наоборот – энергичным и упругим, будто каучуковый мяч попрыгунчик, что долго не может остановиться, если его бросить на пол. Костя никогда не видел такого преображения.

– Вы в порядке?

– Я... я не знаю, что считать порядком. Могу только сказать, что это... изумительно! Да-да, изумительно! Благодарю вас!

– Не за что... – пожал плечами Костя. – Удачи в новой жизни.

Это было традиционное пожелание, только не всегда реинкарнаторы успевали его произнести.

– Благодарю, но мне она уже не понадобится. Это моя последняя жизнь. – В бирюзовых глазах мелькнуло... торжество?

Леонхард Янович – Будда или псих? На мгновение показалось, что он действительно Просветленный, выходящий из сансары. Но это же невозможно! Костя себя одернул. То, что он, Костя, не верит в Будду, не означает, что прервать цепочку перерождений невозможно. Вот только этим занимались монахи в монастырях и дацанах, и Министерские реинкарнаторы туда не допускались. Изредка Косте встречались мирские гуру, уверяющие, что они архаты или бодхисаттвы, – это помогало набирать учеников. Но за минуты до смерти, один на один с реинкарнатором, гуру срывающимся голосом задавали извечный вопрос: а что там, после жизни? Помнить посмертие не дано никому.

Впрочем, это не важно. Будь стариk хоть Просветленный, хоть псих, Костя свою работу сделал, дальнейшее от него не зависит. Он убрал кармограф в чемодан и щелкнул замками.

Леонхард Янович улыбнулся и произнес с такой теплотой в голосе, будто обращался к лучшему другу:

– Прощайте, и удачи. Вам она как раз понадобится.

Костя ничего не ответил, взял чемодан и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. На тумбочке рядом с телефоном и ключами от квартиры сиротливо валялась раскрытая книга, обложкой вверх: «Теория карма-поля».

Смерть зачастую приходила к людям неожиданно, и вдруг оказывалось, что вещи и домашние питомцы пережили своих хозяев. Книги оставались недочитанными, шарфы – недовязанными, животные – в одночасье брошенными. Раньше эта обыденность пугала Костю. Потом он привык, хотя ощущение неправильности осталось. В такие минуты он отчасти понимал древних египтян, отправляющих в могилу вместе с фараоном все его имущество.

Но пока горечь не ощущалась. Леонхард Янович еще жил, а значит, Костя не способен ни сочувствовать, ни радоваться, ни бояться. Он просто шел к лифту, не обращая внимания на подсохшую грязь, сыплющуюся с сапог. Пора вызывать медиков, пока доедут...

Машина нашлась не по включенным фарам – ее вдруг стало видно. Входная дверь дома то и дело хлопала: жильцы торопились на работу до утренних пробок.

В салоне играло что-то бодрое: шофер в отсутствие босса включил музыкальный канал. Костя аккуратно положил чемодан на заднее сиденье, сам плюхнулся на переднее и выключил радио. Хотелось тишины. Митя ничего не сказал, просто вдавил педаль газа и с пробуксовкой рванул с места.

– Мы никуда не торопимся. Не жги сцепление, – хмуро отчитал его Костя.

Мир вдруг обрел свои краски, и лучше бы он этого не делал. Заболела шея, сапоги стали тяжелыми и грязными, брюки и китель воняли тухлятиной. Навалились усталость и сонливость. Сколько он уже на ногах? Больше суток? Костя закрыл глаза и открыл их лишь после резкого торможения перед шлагбаумом, преграждающим путь на Станцию скорой реинкарнаторской помощи им. А. А. Скоробогатова Департамента реинкарнации города Москвы. Вахтер приветливо махнул, пропуская знакомую желтую машину, и через мгновение показался трехэтажный особняк с облупившейся фасадной штукатуркой.

Митя кипел от возмущения и умотал в гараж, даже не попрощавшись. Сегодня они приехали позже на полтора часа. Такие переработки не оплачивались, и многих бесили регулярные задержки и форс-мажоры, так что текучка среди вспомогательного персонала обеспечивала кадровиков постоянным занятием. Лишь реинкарнаторы работали на одном месте десятилетиями. Если первый год продержался, не бросил это дело, не ушел к частнику или, на худой конец, в больницу, значит, останешься тут на всю жизнь.

Сначала Костя полез в душ. Долго стоял под горячими струями, смывая не только грязь, но и налипшие, будто плевки, ненависть, страх, мольбы, проклятия – все, с чем возвращался с дежурства. Даже научившись не принимать чужие эмоции на свой счет, не допускать их до сердца, после смены он чувствовал себя опустошенным.

Мыслей не было, лишь привычные движения. Вылить шампунь на ладонь. Намылить волосы. Смыть. Выдавить гель. Намылить тело. Ладони скользили по плечам, груди, животу, ощущали маленький треугольный шрам, скользили дальше. Шрам казался несерьезным,

однако стилет, что его оставил, чуть не забрал жизнь. Остальные отметины больше пугали, чем угрожали. Подумаешь, полоснули перочинным ножиком по плечу! Ну перенервничал тогда пациент, решил, что его убивать пришли. Еще рубец – это ткнули заточкой в ногу. Мелкие хулиганы, хотели кармограф отобрать, потом для них же пришлось медиков вызывать: не бросать же с переломами рук на улице. В общем, у Кости все нормально, Женьке вот не повезло гораздо больше.

Какое же наслаждение после суток в тяжелых сапогах и казенной форме постоять под горячим душем и влезть в тапочки, удобные хлопковые брюки и рубашку!

Комната оперативников оказалась пустой: отработавшая смена уже ушла домой, а новая разъехалась на дежурства. Костя щелкнул кнопкой чайника, чуть сыпанул пуэра из банки в большую красную чашку с драконом – Женькин подарок на тридцатый день рождения. Ох и чумовое получилось отмечание! Только этот балагур мог раскрутить хмурого трудоголика и интроверта на поход по барам и ночным клубам! Костя так и не вспомнил, как тогда оказался дома и откуда взялась в его постели Джун... Эх, Женька, Женька! Как же тебя не хватает!

С обжигающим глотком чая пришли знакомые горечь и сладость, запах чернослива и кожуры грецкого ореха. Нет, все же Костя не понимал тех, кто выбирал кофе. Пуэр бодрит не хуже, но насколько интереснее, разнообразнее его вкус! С каждым глотком сила разливалась по телу, сон уходил, шея переставала болеть и жизнь казалась вполне терпимой.

В комнату ввалился уставший и злой, как асур, Самдан: тоже задержался на дежурстве. Кивнул и уткнулся в свой отчет. Задавать вопросы о том, что случилось во время смены, у оперативников было не принято. Кто захочет – сам расскажет.

В отличие от большинства коллег Костя к отчетам относился спокойно, даже с приязнью. Подробно описывать дежурства изо дня в день, из года в год – это как писать сагу. И хотя даже копии отчетов никому показывать не разрешалось – «скорая» помошь, конечно, не разведка, но и у нее есть секреты, – Костя надеялся, что когда-нибудь расскажет о своей работе всю правду. Он не питал иллюзий насчет больших тиражей: честная книга о реинкарнаторах – это даже хуже,

чем честная книга о войне. У военных хоть иногда встречается что-то героическое, а тут сплошная боль, кровь, слезы, грязь, ненависть и смерть. На войне есть шанс выжить. У тех, к кому приходят реинкарнаторы, такого шанса нет. Если появился запах, значит, человек умрет. Так или иначе. Что бы кто ни делал. Причины могут быть разные, финал один. Но все же мысль о том, чтобы на пенсии засесть за роман, грела.

Положив чемодан на стол, Костя вынул из него тонкие листы стали формата А4. Обычная сталь превращалась в носитель информации, на который можно записать карму человека. Почему именно она? Увы, в НИИ реинкарнации не знали ответа. Экспериментировали со всеми известными материалами, но ни один больше не подошел.

На каждом листе при записи кармограф выбивал символный код, не похожий ни на один известный язык. Говорят, он послужил прообразом штрих-кода. Символы так и не расшифровали, но все же некоторые закономерности найти удалось. Первый блок, уникальный для каждого, как отпечатки пальцев, идентифицировал личность. Насколько проще жилось бы оперативникам, если бы его расшифровали! Никаких отчетов!

Увы, пока приходилось все записывать самим, вручную, что не всегда удавалось. Как узнать имя бродяги, который бросается на тебя с кулаками? Оперативники бурчали, что занимаются бюрократией, мол, кому вообще нужны все эти имена, если в следующей жизни будут другие? Это не надо ни мертвым, ни живым, лишь отделу статистики.

Подробно описав в отчете нападение бродяги с объяснениями, почему пришлось применить силу, Костя зевнул. Бодрость после душа и пуэра прошла, вновь навалилась усталость, причем такая, что боязно моргать: закроешь на мгновение глаза – и уснешь. Пора домой.

Он попрощался с Самданом и спустился на первый этаж. В одной руке – чемоданчик, в другой – пластины. По ступеням лестницы цокали черные хромовые сапоги, с них осыпалась подсохшая грязь, оставляя следы: так в сказках дети бросали рисовые зерна, чтобы потом найти дорогу назад. Тут же нахлынули воспоминания о драке, заболела шея. Давно уже на реинкарнаторов не нападали, в столице к ним обычно относятся уважительно, как и к врачам «скорой» медицинской помощи. И те и другие пытаются спасти жизнь, только разную. Вот Костя и расслабился.

Небольшое окно в двери с надписью «Хранилище» было закрыто, и Костя постучал. В ожидании ответа выглянуло во двор. Отвыкшие от солнца за два месяца слякотной и дождливой осени глаза тут же заслезились. Внезапно погода решила побаловать москвичей, подарив им голубое небо и тепло. Костя даже пожалел, что весь сегодняшний день проспит, но после суточного дежурства сил ни на что иное не осталось.

Из хранилища никто так и не выглянул, и он постучал еще раз, погромче. Навалившись на деревянный подоконник под закрытым окном приемки, отколупнул потрескавшуюся и съежившуюся белую краску, покрывавшую дверь как кора сухого вяза. Кусочек краски отскочил сразу, будто совсем не держался. Ремонт в этом крыле не делали никогда. В Департаменте реинкарнации Москвы хронически нет денег.

Раздался щелчок, и в окне появилось знакомое лицо. Можно было догадаться, что сегодня ее смена: из-за возраста и лишнего веса она ходила медленно, все делала неторопливо, правда, тщательно. В отличие от напарницы всегда знала, где что лежит, какой номер кармографа за каким реинкарнатором сегодня закреплен, кто не сдал отчет и сколько пластин поступило за смену.

– Здрасте, Нинванна! – Костя плюхнулся перед ней чемодан с эмблемой Министерства.

– Здрасте, здрасте, вы с Самданом себе по второй смене взяли, что ли? Последние остались! Где дружок-то твой?

– Отчет мучает...

– Ох, а кармограф-то где так измазюкал?

При солнечном свете стало заметно, что влажные салфетки помогли слабо. Разводы покрывали весь чемодан, грязь забилась в тиснение в форме прерывистого круга.

– Да так получилось... Вы уж извините, не успел помыть.

– Ты сам-то цел? – нахмурилась приемщица, внимательно посмотрела на Костя и охнула, зажав рукой рот, поскольку шея реинкарнатора опухла и наливалась синим.

– Цел, Нинванна, не переживайте. До свадьбы заживет.

– Больничный возьми, слышишь? А то загонишь себя до смерти!

Костя кивнул. Никакой больничный он, конечно, не возьмет, но спорить – себе дороже.

Приемщица покачала головой и перевела взгляд на пластины, по инструкции это называлось «первичный осмотр». Соответствующий пункт гласил, что «каждая пластина должна быть целая, без повреждений, на ней должна визуально просматриваться запись». Это значит, что на стальном листе можно рассмотреть бороздки, как дорожки на граммофонной пластинке. Пластина без записи будет гладкой на ощупь.

Вопросов не возникло, Нина Ивановна шлепнула в толстой книге печать «сдано», Костя расписался и собрался уходить, но приемщица попросила подождать немного. Торопливо переваливаясь попингвины, она скрылась в недрах хранилища, но тут же возвратилась с кульком в руке.

– Нинванна! Ну что вы!

– Держи-держи, голодный небось! – сунула она ему самоса. – Жены нет, живешь бобылем, кто ж тебя покормит?

Костя улыбнулся одними уголками губ и поблагодарил. Это уже стало традиционной игрой: она регулярно приносила для него кулек, а он всегда отнекивался, но в итоге брал. Пирожки у нее были вкусные, с разными начинками: с тыквой, с картошкой, со шпинатом, даже с крапивой, смешанной с сыром!

Солнце, видимо, перепутало времена года и решило, что сейчас лето, так что и в расстегнутом пальто оказалось жарко. Костя неторопливо шел к трамваю, опустошая на ходу кулек. Запах съестного кружил голову, организм внезапно вспомнил, что его не кормили часов двенадцать, и требовал еды – любой и побольше.

Добраться до дома на метро быстрее и проще. От трамвайной остановки же придется еще минут двадцать топать пешком, но именно этого сейчас и хотелось. Побыть обычным бездельником, бесцельно брести по улицам, глазеть на витрины, слушать чириканье воробьев. Может, даже посидеть на лавочке, щурясь от ярких лучей. Мысль спуститься в подземку и спрятаться от внезапного подарка погоды казалась кощунственной.

Полупустой трамвай весело звенел на перекрестках, обгоняя молодую маму с коляской, гогочущую компанию школьников, проезжал мимо жилых высоток и одноэтажных чайных, мимо йога-клубов, оформленных в восточном стиле, и современных европейских магазинов. Витрины украшали гирлянды огней, на подоконниках квартир то и дело мелькали свечи, и Костя вспомнил, что сегодня пятое ноября, а значит, в полночь начнется Лхабаб дүйсэн – праздник тысячи огней.

От самоса с картошкой и созерцания города отвлек детский плач. Девочка лет шести с двумя белыми бантиками, в ярко-зеленом распахнутом пальто и нарядном платьице наверняка ехала с утренника, посвященного грядущему празднику. Мать ей что-то втолковывала, но это вызывало еще больший крик.

– Не хочу быть девчонко-о-ой, – ревела та, размазывая слезы. – Я боевой офице-е-ер... Я в арми-ийу-у... хочу!

– Боевой офицер, а плачешь! В армии тоже плакал? – подключилась соседка по трамваю, поняв, что мать не справляется.

– Я никогда-а-а не пла-а-акал! А сейчас оно само! Не могу остановиться! Это потому, что я теперь девчо-о-онка-а!

– Ну-ну, не переживай. Привыкнешь. Я вот тоже в прошлой жизни мужчиной была, хлеб выращивала. Ты любишь пирожные, печенья?

– Не-е-ет!

– Лиза, ну вот теперь тебе, офицеру, особое задание: научиться жить девочкой. Вот увидишь, это очень даже интересно! – Замученная мама придумала еще один аргумент. Похоже, все более разумные уже озвучивались, и не раз.

– Не хочу-у де-е-евочко-о-ой!

Соседка вздохнула, шепнула матери, но так громко, что даже Костя услышал:

– Давно она вспомнила?

— Два дня как. Ревет без перерыва. Не думала, что это случится в один момент и так рано. Не представляю, что теперь делать. Наверное, надо к психологу сходить.

— Отведи ее в дацан, пусть с ламой поговорит, — предложила свой вариант соседка, но тут обнаружила, что трамвай стоит на ее остановке, подхватила сумку и бросилась к открытым дверям.

Костя молчал, не вмешиваясь. Что он мог сказать, ведь он-то ничего не помнил. Но это не печалило. Возможно, Будда, карма, мироздание или просто случайные стечения обстоятельств вручили ему царский подарок, лишив памяти. Кто знает, не превратилась бы его жизнь в ад, вспомни он себя. Но если это был подарок, то его тут же свели на нет, всучив в нагрузку способность чуять смерть.

Тренькнув в последний раз, трамвай спрятался за поворотом, оставив Костя на остановке. Сон отступил, но не ушел, лишь притаился. Пустой кулек полетел в мусорное ведро, а ноги сами понесли домой длинной дорогой, через парк, где в десять утра встречались лишь пенсионеры. День хоть и предпраздничный, укороченный, но все же рабочий.

Костя любил ходить мимо дацанов из-за чудесных парков и садов, разбитых в обязательном порядке местными монахами. Никакая другая религия не была так тесно связана с растительным миром, с красотой природы, как буддизм. Что парки! Буддийские монахи разводили вокруг своих монастырей целые рощи! На это у них хватало и времени и желания. В свое время традиция создавать храмовый сад перекочевала из Индии в другие буддистские страны, а затем охватила и весь мир. Суровый русский климат, конечно, накладывал свои ограничения, но это лишь развивало садовое искусство, а не ущемляло его. Японцы создали «сад камней», а русские — хвойный сад.

Выложенная плитами дорожка петляла между небольших елочек причудливой формы, по краям живым забором раскинулся золотистый можжевельник. Иногда Костя наталкивался на целые композиции хвойных деревьев, но больше всего в этом парке он любил два высоченных кипариса, метров двадцать в высоту. Они росли рядом, как семейная пара, и смотрели свысока на прочие хвойные. Тут, в самом сердце парка, царили такое спокойствие и безмятежность, что легко забывался шум мегаполиса. Казалось, это не Москва, а чудесный сказочный лес.

Но вот показались гирлянды из разноцветных молитвенных флагов, натянутые меж высоких деревьев, а значит – близко дацан и пора сворачивать в другую сторону, на дорожку, которая ведет за территорию храма, к дому.

У подъезда соседка с первого этажа украшала домик духов. Молодая сиамка хоть и была ровесницей, выглядела намного младше. Такой образ создавался из-за ее небольшого роста, в сравнении с Костей и вовсе крошечного, худенькой фигуры и испуганных раскосых глаз, а при виде реинкарнатора Константина Юрьевича она всегда пугалась и становилась похожей на мышонка. Вот и сейчас: обернувшись на звук шагов, сиамка отшатнулась и что-то пробормотала, наверное, охранную мантру.

– Фохао, – поприветствовал ее Костя, стараясь лицом не выдать презрения. Он с уважением относился к верующим, но не ко всем.

Костя изучал буддизм и по большей части принимал его как философскую концепцию, поддерживал идею отсутствия единого Бога-Творца, Спасителя и непознаваемость Высшего. Но категорически не верил в гору Сумеру – центр Вселенной, пантеон богов и демонов, что постоянно вторгаются в мир человека для помощи или помехи, и подобную сверхъестественную чушь, как он это называл. Но если классическую религию еще можно было принять, то «народный эзотерический буддизм» раздражал. Подобное язычество, выросшее в разных культурах и позже не отброщенное, а вплетенное в буддизм, казалось Косте неимоверно глупым.

Вот эта сиамка... кажется, ее зовут Нит. Она с мужем приехала в Москву, в этот дом, из Королевства Раттанакосин года четыре назад и тогда же построила домик духов у подъезда: чуть больше метра в высоту, простой, в виде деревянной беседки в восточном стиле. Она сама красила его в белый цвет, а замысловатые узоры затем покрывала золотистой краской. Сиамцы считают, что в таких домиках живут духи – защитники жилища, и их нужно ублажать: кормить сладостями, окуривать благовониями, на праздники – украшать цветами, фонариками. Если этого не делать – духи прогневаются и будут мстить. Подобная ерунда весьма распространена у приверженцев тхеравады и не имеет никакого отношения к буддизму. Вместо того чтобы самому заняться своими делами, развивать разум и тело, как учит религия, множество псевдобуддистов занимаются вот такой

ерундой: подкармливают духов дома, молятся рекам и горам, вешают подкову над дверью «на счастье», сверяются с гороскопом и плюют через левое плечо, если черный кот переходит им дорогу.

– Фохао, – сложила ладони перед грудью Нит и поклонилась, но на всякий случай сделала еще один шаг назад. Зачастую именно подобные псевдобуддисты считали реинкарнаторов спустившейся на Землю Смертью, не людьми в черной форме на службе Министерства реинкарнации, а демонами, асурями, по собственной воле отбирающими жизнь.

Костя с удовольствием бы не общался с людьми и вообще не выходил из дома. Все, что надо, у него в квартире есть. Но кто тогда будет спасать жизнь умирающих? Или следует спасать только везунчиков, которые отправляются в посмертие из дома, в окружении родственников, способных вызвать службу реинкарнации? Да, в этом случае чующие смерть не нужны, слепок кармы сделает любой болван, только научи его правильно вставлять пластину в кармограф и нажимать кнопку. Но как быть с теми, кто умирает ночью в глухой подворотне? Или теми, кто вскоре погибнет под колесами автомобиля или в переполненном вагоне метро от тромба, закупорившего артерию? Им не способен помочь никто, кроме Кости и таких, как он. Никто, кроме них, не знает о смерти за двадцать минут до того, как она придет.

Введение обязательной записи кармы для всех граждан обсуждали в России неоднократно, последний раз – на Костиной памяти, но все упиралось в деньги. Кармографы в крупных больницах работали круглосуточно, без перерывов, выходных и праздников и еле успевали обслужить лишь тяжелобольных и тех, кому предстояла операция. Этим пациентам слепок гарантировался законом. В мелких больницах же приборов просто нет, так что будь ты хоть трижды тяжелобольной, вот тебе направление на слепок и добирайся до федерального медцентра как хочешь.

У «скорой» даже в столице кармографов не хватало, впрочем, как и реинкарнаторов. Вот и приходилось работать на полторы-две ставки, а в регионах и того больше. Увы, но НИИ реинкарнации могло собрать сколько угодно приборов, если только для этого найти сердечники. Кармограф без сердечника – все равно что автомобиль без двигателя.

Как ни улучшай аэродинамику и подвеску, но без мотора это просто груда железа.

Костя вошел в квартиру, стянул грязные сапоги, швырнул пальто на пухик в коридоре и, расстегивая на ходу рубашку, направился в комнату. Кажется, он заснул еще до того, как рухнул на диван.

Полночь он встретил у сковороды, где шкворчал кусок мяса, щедро посыпанный специями. Аромат стоял такой, что живот урчал в предвкушении, напомнив, что за прошлые сутки в нем ничего не было, кроме самоса и чашки пуэра. С зарплатой реинкарнатора стейки можно было покупать только по праздникам, но сегодня как раз он. В окнах дома напротив горели огни. Люди выставляли на подоконники свечи, лампады, украшали квартиры электрическими лампочками в честь Лхабаб дуйсэна. Для верующих это особый день, сошествие Будды с небес Тушита, но Косте какое дело до этого? У него совсем другой повод для праздника. Он налил себе рюмку водки и выпил за то, что остался жив.

Шея, если не дотрагиваться, не болела, но выглядела ужасно. Достать, что ли, шарф, чтобы народ не пугать? Впрочем, на дежурстве ему будет плевать, а просто так он не планировал выходить из дома.

Поужинав, Костя plюхнулся на диван и нажал кнопку на пульте. Если бы кто из коллег сейчас увидел, что выбрал рациональный и серьезный Константин Юрьевич, то очень бы удивился. Экранизация комиксов? Шутите? Нет, Колесову такое не может нравиться! Но это были не расхожие комиксы, а новый фильм про Орден реинкарнаторов. Костя еще в детстве запоем прочел все, какие нашел, книги об этой легендарной организации, правда, тайком, пряча их среди учебников. Родители не одобряли его мечту стать членом Ордена.

В Орден, как и в госбезопасность, нельзя прислать резюме и попроситься на работу. Можно только ждать и надеяться, что твой заинтересуются и предложат пройти отбор. В первую очередь обращали внимание на беспамятных на госслужбе: оперативников «скорой» помощи, штатных реинкарнаторов в больницах и так далее. На тех, кто принял свою ношу, связал с ней жизнь и готов и дальше ее нести, несмотря ни на что.

На экране красавец мужчина показывал чудеса тхэквондо, один сражаясь с армией врагов, стремящихся уничтожить Купол. Дурацкий

фильм. Сценаристы то ли не удосужились прочитать ни одной книжки об Ордене, то ли решили пожертвовать достоверностью ради зрелицности. Любой другой столь же глупый боевик Костя давно уже выключил бы, но не этот.

Впрочем, фильм он так и не досмотрел: уснул. На экране магистр Ордена лично вручал главному герою медаль за героизм, а в кабриолете его ждала длинноногая стройная блондинка. Косте же тем временем снилось, будто он никак не может найти нужный подъезд и с ужасом осознает, что уже не успевает сделать слепок кармы.

Глава 2

Звонок разбудил в девять утра. Определитель показал рабочий номер, и Костя напрягся. С работы звонили крайне редко, лишь когда возникали проблемы. Последний раз это было год назад, тогда сообщили, что Женьку убили.

– Алло, алло, Константин Юрьевич, вы меня слышите?! Это Полина из регистратуры! – прокричала она в трубку. Костя наморщил лоб, вспоминая, кто это: девчонка, полгода как пришла работать после какого-то училища или колледжа.

– Слышу. Что случилось?

– Ох, приезжайте быстрее. Сергеич рвет и мечет! Вас вызывает. Срочно!

– Еду.

Со стороны казалось, что Костя, как обычно, спокоен, только чуть больше собран и хмур. Три минуты – одеться, пять минут – дойти до метро. Пока поезд стучал колесами, в голове проносились мысли о том, что могло произойти. Что-то не так с отчетом? Ограбление? Кого-то убили? Впрочем, гадать бесполезно.

Коридоры Станции Скорой реинкарнаторской помощи им. А. А. Скоробогатова были пусты: большинство вспомогательного персонала по причине праздника не работали, оперативники в это время на дежурствах. В этой звенящей тишине шаркающие шаги раздались особенно громко. Конечно, это шаги приемщицы. Костя направился на звук.

– Ох, чего делается, чего делается... Сергеич белый как полотно. Говорят, звонил в Орден... – запричитала Нина Ивановна, увидев его. Обычно ее сплетни утомляли, то сейчас Костя их жадно слушал. После слов об Ордене внутри что-то тренькнуло, будто заглушка слетела с пружины.

– Нинванна, да расскажите, что произошло!

– Да я толком не пойму. Дождалась Самдана, сдала все ваши пластины, а к вечеру позвонили из технички и запросили твой кармограф. Говорят, надо проверить, барахлит, что ли. Ну, я выдала, конечно, сама уж нервничаю, чего бы ему барахлить? Все твои листы в

норме же! Сегодня с утра нестерпела, сама звоню, спрашиваю: ну что? Ответили, что прибор в порядке, но надо еще кое-что проверить. Больше ничего не объяснили, но тут все забегали, засуетились. Потом уж мне шепнули, что Сергеич в Орден звонил.

– Так. Сергеич сейчас у себя?

– Да уж ждет тебя!

Костя кивнул приемщице и взбежал по лестнице на второй этаж, перемахивая длинными ногами через ступеньки.

Нина Ивановна прошептала в удаляющуюся спину: «Помоги тебе Будда».

Перед дверями, обитыми бордовым дерматином, Костя остановился, чтобы успокоить дыхание. Табличка гласила, что это кабинет заведующего Станцией Скорой реинкарнаторской помощи Зайцева Кирилла Сергеевича. Оперативники не часто сюда заходили, Сергеич обычно сам к ним спускался, и это означало, что надо взять еще одну смену. Вздыхали, но брали. Понимали, что надо. Да и за переработки платили по двойному тарифу, а при их зарплатах это хорошие деньги. Заведующий был неплохой мужик, его поддерживали и даже сочувствовали: не всякий сможет с таким скучным бюджетом поддерживать нормальную бесперебойную работу станции.

Костя вспомнил, как в двенадцать лет стоял перед похожей дверью в кабинет директора и боялся ее открыть. Думал, что его исключат из школы. Чего сейчас бояться? Увольнения? Смешно. Костя даже чуть улыбнулся этой мысли и уже спокойно потянул дверь на себя.

Секретарша, увидев его, сразу подняла телефонную трубку:

– Кирилл Сергеевич, Колесов подошел.

Лишь потом поздоровалась кивком и позвала:

– Заходи, он ждет.

Сергеич оказался не один. Гостья выглядела большим боссом какой-то крупной компании, сдресс-кодом, четкой иерархией и высокими зарплатами, и совершенно непонятно, что она делала здесь и зачем ей понадобился реинкарнатор. Заведующий выглядел обеспокоенным. Старше Кости всего лет на десять, сейчас он казался усталым стариком. Китель с шевроном «скорой» висел на спинке стула, а белая рубашка, обычно идеально выглаженная, сейчас напоминала рубашки реинкарнаторов после полутора суток дежурства.

— Фохао, — поздоровался он с Костей и перевел взгляд на гостью. — Знакомьтесь: Константин Юрьевич Колесов, один из наших лучших специалистов, Эльвира Рашидовна Мирзоева — командор Ордена реинкарнаторов.

Симпатичная татарка протянула руку для приветствия, при этом рукав пиджака чуть задрался, обнажив запястье, украшенное символом Ордена: оранжевым узелковым браслетом, сплетенным особым образом. Тайна плетения держалась все века в секрете, и даже те, кому удавалось выкрасть сам браслет, так и не смогли скопировать его.

Ладонь оказалась узкой и холодной, а Костю бросило в жар. Неужели его пригласят в Орден?

— Константин Юрьевич делал тот самый слепок, — продолжил заведующий.

Костя вопросительно посмотрел на него, но тот перевел взгляд на Мирзоеву, ожидая ее разрешения рассказать. Она кивнула, и лишь после этого Сергеич пояснил:

— На одной из твоих пластин нет кармы.

— Не может такого быть! Я лично проверял! Символы, бороздки — все на месте!

— Все верно. Запись есть, только пустая, как если записать тишину на грампластинку.

Костя открыл рот, словно ребенок, впервые увидавший салют. Это что же, он снял карму у Просветленного? Да быть того не может! Если Просветленные и существуют, в чем он сомневался, то они не вызывают районного реинкарнатора. Во-первых, в монастырях свои реинкарнаторы и других туда и на порог не пускают, во-вторых, Просветленному не нужен слепок кармы, у него ее просто нет.

В памяти пронеслись пациенты последнего дежурства, все, к кому он приезжал. Костя вспомнил бирюзовые глаза и странные слова.

— Это пластина Леонхарда Петмансона?

Заведующий кивнул, а Мирзоева ожила:

— Вы что-то можете про него рассказать? Что случилось во время записи?

— Да ничего особенного. За исключением слов, что у него была последняя жизнь. Я тогда решил, что старик просто уже не в себе.

— Он так и сказал — «последняя»? Это все?

– Я пожелал удачи в следующей жизни, он ответил, что она ему не понадобится, потому что нынешняя жизнь – последняя для него.

– Мы с таким никогда не сталкивались, – снова заговорил Сергеич. Он явно устал и хотел спать. Небось глаз не сомкнул со вчерашней смены, когда техники обнаружили проблему. – Это не сбой прибора, это именно нулевая карма. Так, по идеи, должна выглядеть запись у Просветленного. Ну в теории. Никто никогда еще не пытался снять карму с Будды.

– Да, Будда к нам не заглядывал последние две тысячи четыреста пятьдесят девять лет [1], – попытался съязвить Костя, но никто не отреагировал.

– В общем, мы передаем это дело под юрисдикцию Ордена, – вздохнул заведующий то ли от облегчения, что проблемой займутся другие, то ли от огорчения, что вмешиваются в дела его конторы.

Изначально Орден создавался для организации процесса записи кармы и передачи пластин в Купола, но с годами это бремя перешло на правительства стран, чему Орден активно способствовал. Создание Министерств реинкарнации, государственной «скорой» помощи и прочих подобных ведомств по всему миру – это тоже их дело. Так что у них остались лишь функции контроля. Контроля над тем, чтобы все шло правильно.

– Эльвира Рашидовна хотела бы, чтобы расследованием этого дела занялся ты, – закончил заведующий.

– Я? – обалдел Костя. – Но я ведь даже не состою в Ордене!

– Это поправимо. Предлагаю вам вступить в него, – чуть улыбнулась «бизнес-леди».

О боги с небес Тушита! Ему действительно это предлагают? Он не ослышался? Костя от неожиданности превратился в каменное изваяние: не мог ни пошевелиться, ни сказать что-либо, даже мысли будто оцепенели. Так же он реагировал, когда узнал, что Джун ушла. Так реагировал, когда его вышвырнули из Института реинкарнации. Но сейчас ведь радостная весть, тогда откуда эта паника? Легендарная организация, чью власть признавали все государства и религиозные течения, организация, о которой не знали почти ничего конкретного, ибо ее тайны хранились не менее рьяно, чем тайны спецслужб. Организация, куда Костя с детства мечтал попасть. Он готов был пешком дойти до Тибета, чтобы вступить в нее, а сейчас...

– Я никогда не занимался расследованиями, особенно подобных дел, – озвучил он сомнения, хотя на самом деле переживал не об этом.

– Мы поможем. У нас целая структура, и вся она будет в вашем распоряжении. Аналитики, безопасники, другие инспекторы – можете обращаться за помощью, к кому потребуется. И ко мне, конечно. Я буду вашим куратором, – успокоила Мирзоева.

Внезапная мысль пронзила Костю:

– Мне придется уйти из «скорой» помощи? – Он растерянно посмотрел на Сергеича. У того и так с людьми проблема, а если еще и он уйдет...

Заведующий хмыкнул:

– Кто ж тебя отпустит? Просто не будешь по полторы ставки брать. Освободим тебя от дежурств, когда скажешь.

Костя пытался осознать столь щедрое предложение, а Сергеич его молчание воспринял по-своему:

– Насчет денег – не переживай. Насколько я знаю, Орден своих не обижает, у них там финансирование получше, чем у нашего Министерства, я прав? – обернулся он к Мирзоевой.

Та кивнула.

– Я согласен, – спохватился Костя, поняв, что от него до сих пор ждут ответа.

– Хорошо, – снова кивнула Эльвира Рашидовна. – Тогда поедем в офис, там все оформим. Паспорт с собой?

Костя кивнул, торопливо вслед за своим новым куратором пожал руку Сергеичу и вышел из кабинета.

Солнце решило, видимо, развлечься на Лхабаб дүйсэне и второй день не пряталось от москвичей за серыми тучами. Наоборот, играло с ними, превращая в узкоглазых китайцев, отправляло веселых зайчиков малышне, высушило грязь и лужи и обмануло воробьев, поверивших, что пришла весна.

– Прошу, – махнула рукой Эльвира Рашидовна в сторону обычного темно-синего седана. Костя почувствовал укол разочарования родом из детства: тогда казалось, что члены Ордена – это супергерои из любимых комиксов про Анзана. И они, конечно, должны ездить на круtyх черных машинах, носить мантию с застежкой в форме уробороса, прикрывать лицо капюшоном и взглядом превращать врагов в камень. Но, очевидно, лучшая маскировка – это не

тонированные стекла и капюшон, а офисный костюм и вот такой хороший, но не элитный автомобиль. Тогда достаточно снять с руки оранжевый браслет, чтобы раствориться в толпе.

Проснувшегося в Косте ребенка сейчас больше всего интересовало, где находится офис Ордена. И хотя адрес и телефон знали не только посвященные, но и главврачи больниц, заведующие станциями «скорой» помощи и многие другие, в интернет они его несливали.

Эльвира Рашидовна проехала станцию метро «Таганская» и затормозила, не доехав до «Лхасской». Симпатичный трехэтажный особняк красного кирпича выглядел как отреставрированное здание прошлого века: тогда как раз вошел в моду тибетско-китайский стиль с загнутыми вверх законцовками крыш и украшениями в виде ступ. Входную дверь окаймляли стилизованные тигры и драконы, обрамленные причудливыми узорами. Подобных домов много осталось внутри Садового кольца, хотя далеко не все в таком хорошем состоянии.

Внутри Костя ожидал увидеть фигуры божественных существ, скульптуры Будды и прочие украшения, характерные для этого стиля, однако перед ним предстал классический европейский офис. Чем-то он напомнил станцию «скорой» помощи. Правда, для полного соответствия не хватало ободранной краски на косяках дверей, дешевого дерматина, унылых зеленых стен и ощущения упадка. Здание скорее походило на офис процветающей торговой компании: светлые стены с фотографиями и картинами, большие окна, цветы на подоконниках, на полу – ковровые дорожки.

– Он со мной, – кивнула куратор охраннику на входе, и тот протянул Косте карточку с надписью «Гостевой пропуск». Первой сквозь рамку прошла Мирзоева, лампочка над головой мигнула оранжевым, а вот на Костю она отреагировала зеленым цветом. О том, что пропуск служит не только для прохода в офис московского горкома, но является опознавательным знаком члена Ордена, Мирзоева рассказала по дороге в кабинет. Офисы по всему миру оборудованы специальными рамками, встроенный сканер считывает информацию, и если карты нет, то датчик не срабатывает, лампочка не загорается и очевидно, что посетитель – не член Ордена. Простая идентификация личности.

О принципе работы сканера Костя спрашивать не стал, постеснялся, но для себя решил, что вряд ли карта магнитная: Эльвира Рашидовна упомянула, что запись на ней невозможно стереть или повредить – если, конечно, сам носитель цел. А еще она обмолвилась, что более сложные сканеры считывают не только уровень доступа, но и личную информацию: имя, должность, возраст и Будда знает что еще.

Встречные в коридоре здоровались с Мирзоевой, косились на новенького, но вопросов не задавали. Все выглядели старше него, но это ожидаемо: младше тридцати пяти в Орден просто не принимают. По одной из версий, это правило связано с возрастом, в котором Сиддхартха Гаутама стал Буддой, хотя прагматики больше склонялись к версии, что к тридцати пяти годам человек окончательно взрослеет и успокаивается. Кому нужны взбалмошные юнцы, готовые поставить под удар организацию из-за гормональной бури или желания стать героем? Так или иначе, но звали в Орден (если звали) только после тридцати пяти. Впрочем, мало дождаться предложения, нужно еще доказать свою пользу организации. Звали-то многих, оставались единицы.

– Через мое ведомство все проходили, – одними уголками губ улыбнулась куратор и кивнула на табличку на двери кабинета. Помимо имени и фамилии там была написана и должность: командор Управления по связям с внешними организациями.

Костя задумался: сколько Мирзоевой лет? Выглядит на пятьдесят, но у татарок сложно определить возраст по внешности.

Эльвира Рашидовна жестом предложила войти и располагаться на мягком кожаном диване, сама же опустилась в компьютерное кресло, будто села на табуретку.

Кабинет выглядел уютным и стильным: никаких ярких цветов, в основном черные, серые и белые, как Костя и любил. На стенах висели уникальные фотографии: Купола с разных континентов, реинкарнаторы за работой, причем кадры явно архивные, прошлого и даже позапрошлого веков. Каждый казался произведением искусства, его хотелось рассматривать, изучать детали, наслаждаться работой мастера, показавшего красоту привычного мира. Но взгляд пришлось отвести, сейчас не до фотографий.

Эльвира Рашидовна в сером костюме казалась частью этого кабинета, и Костя решил, что это правильно. Орден – это не работа, куда ходишь с девяти до шести пять дней в неделю, это жизнь, в которую врастешь, пускаешь корни и не можешь уже их вытащить. Семья, друзья, родные, хобби и все прочее уходило на второе-третье место. Сколько раз люди умирали за дело Ордена! Удивляло большое число женщин: за годы работы на «скорой» он привык, что реинкарнаторы – это крепкое мужское братство, а женщины... они встречались редко и казались совершенно непонятными. Костя не ожидал от них ничего хорошего и избегал их общества.

Однако сейчас именно красивая женщина предлагала ему стать инспектором Ордена. Ему! Инспектором! Инспекторы были «голубой кровью», и лишь в самых смелых детских мечтах Колесов рассчитывал на эту должность. Никто не знал, по каким критериям новичков отбирают для того или иного управления, но большинство сходилось во мнении, что роль играют психоэмоциональные особенности кандидатов. С его нелюбовью к общению он рассчитывал на место в архиве.

О процедуре приема в Орден, о которой рассказывала куратор, Костя знал давно. Теперь на три месяца у него испытательный срок, он считается кандидатом со всеми правами и обязанностями полноправного члена Ордена. Командор загрузит его работой, а затем оценит не только качество и скорость ее выполнения, но и эмоциональное состояние, взаимодействие с коллегами и асур знает что еще. Эдакая игра в инспектора с полным погружением. Во время этого испытательного срока ему придется работать со всеми управлениями Ордена, и соответствующие командоры также будут его оценивать. Через три месяца за него должны поручиться минимум два члена Совета московского горкома Ордена. Если нет, то все, игра окончена. Большинство кандидатов вылетают именно на этом этапе, и второй шанс им уже никто не дает. Если же поручители найдутся, то испытательный срок продлится еще девять месяцев. За это время надо заручиться поддержкой двух третей членов Совета, и только в этом случае он станет полноправным членом Ордена.

– Все так сложно, потому что уйти из Ордена можно лишь в течение этого года, после – невозможно, – пояснила куратор. – Именно поэтому так долго длится период взаимной притирки, узнавания,

принятия решения. И мы, и вы должны быть абсолютно уверены, что устраиваем друг друга. Есть какие-то вопросы?

Один вопрос у Кости все же нашелся:

– Как мне узнать, кто входит в Совет? Ну чтобы заручиться его поддержкой.

– Никак, – улыбнулась Мирзоева, и в это мгновение из холодной бизнес-леди превратилась в живого человека. – Не надо никого уговаривать выступить поручителем. Вообще на три месяца забудьте об этом. Просто делайте свою работу так, как можете, все остальное – наша забота. Не беспокойтесь, члены Совета найдут способ оценить вас.

Костя кивнул. Разумно. Орден создает эдакое стекло с односторонней прозрачностью: кандидата видно отлично, сам же Орден скрыт в тени – это решает сразу несколько задач. Причем невозможность выслужиться перед высокими чинами – не главное. Скорее дело в безопасности организации, нежелании раскрывать своих людей и тайны перед теми, кого тут не будет после испытательного срока.

– Если возражений нет, то заполните заявление с просьбой вступить в Орден. – Эльвира Рашидовна протянула ручку и пододвинула бланк. Костя пробежал его глазами: «...прошу рассмотреть мою кандидатуру... выражают желание вступить...» Оставалось лишь вписать свое имя, номер паспорта, поставить дату и роспись.

– И еще подпишите соглашение о неразглашении. Вы подтверждаете, что ничего из относящегося к секретной информации никому не расскажете. Думаю, вы понимаете: нам не нужна открытость.

Эльвира Рашидовна пододвинула еще одну бумажку. Костю интересовали пункты об ответственности. Штраф за нарушение соглашения составлял его годовую зарплату.

– А что относится к секретной информации?

– Об этом подробно расскажут ваш командор и юрист. Кстати, в ближайшее время нужно будет съездить на двухдневные начальные курсы для инспекторов. Недалеко, на нашу базу в Подмосковье. Точную дату я скажу позже, пока сама не знаю.

Костя черкнул подпись и вернул документ.

– Это ваш пропуск на вход. Носите его всегда с собой, – Эльвира Рашидовна протянула белую карту безо всяких надписей, похожую на гостевой пропуск. – Завтра я выдам вам безлимитную банковскую карту. Зарплаты как таковой у нас нет, мы не коммерческая и не государственная организация, но это не значит, что члены Ордена должны голодать.

Костя мысленно присвистнул. Ничего себе! Безлимитная карта! Похоже, его восторг отразился на лице, так что Мирзоева предупредила:

– Чересчур не радуйтесь. В конце месяца придется отчитываться по всем расходам и за нецелевое использование прилетят такие штрафы, что сто раз пожалеете! Ладно, на самом деле я вас пугаю и все не так страшно, – одними уголками губ улыбнулась она. – Просто тратьте в разумных пределах. На еду – без проблем, на одежду тоже. А вот покупать машину, отдых на Хайнане или коллекционное вино не стоит. Потом не расплатитесь.

Костя кивнул, вновь мысленно соглашаясь с действиями Ордена, который обеспечивал своих людей всем необходимым для нормальной жизни, чтобы они не отвлекались на другую работу ради денег. Роскоши не будет, но о базовых ежедневных потребностях голова не болит.

– Пойдемте, устрою небольшую экскурсию по офису. Покажу, где какое управление находится, расскажу, кто чем занимается.

Некоторое представление об общей структуре Ордена, о его лидерах имели все. Во главе Ордена стоял Совет из девяти магистров территориальных комитетов. Те хоть и не были публичными персонами, но нет-нет да и мелькали на телеэкране. В последнее время все чаще в связи с законопроектом об отмене обязательной реинкарнации. Магистры выступали категорически против, уверяя, что люди не представляют, чего лишают себя лично и человечество в целом. И в этом Костя их всецело поддерживал: кто, как не он, знал, каково жить без памяти!

Если бы Далай-лама выступил также против – законопроект бы сняли с голосования. Пусть не Далай-лама, но глава хотя бы одного из основных направлений буддизма. Увы, но религиозные деятели от комментариев отказывались, как и российская буддистская община. Ну спасибо, хоть не поддерживали сомнительный проект...

О структуре региональных комитетов, из которых и состояли территориальные, уже мало кто знал. Известно, что их возглавляли приоры, и все значимые решения принимались членами Совета соответствующего уровня.

По дороге на второй этаж Эльвира Рашидовна рассказывала о том, что Орден учредил несколько институтов по изучению реинкарнации и записи кармы по всему миру, в частности, московский НИИ реинкарнации.

Эльвира Мирзоева возглавляла Управление по связям с внешними организациями, то есть с госорганами, станциями «скорой» помощи, религиозными и другими подобными организациями. Так что звонок Сергеича мог прийти только к ней. Кроме того, ее управление занималось подбором и обучением кандидатов на вступление в Орден.

Половину третьего этажа занимал аналитический центр. Официально он назывался Управлением службы информации, но все использовали гораздо более простое и понятное название – архив. Мирзоева рассказала, что у них есть доступ к централизованной картотеке всех записанных пластин, а когда Костя узнал, что картотека включает в себя не только российские пластины, но и все мировые, то ахнул. Такой базы нет ни у одного Министерства реинкарнации ни в одной стране!

Орден вообще не ограничивал себя странами. Он вырос из буддизма и считался вне политики, хотя при этом выступал серьезным лоббистом своих интересов во многих правительствах. Теркомы занимались территориями, которые далеко не всегда совпадали с границами государств, наоборот, часто сразу несколько стран находились в ведомстве одного магистра. В этом проявлялась религиозная сторона Ордена. Тхеравады же придерживаются не только на территории Испании и Португалии, а махаяны – не только во Франции и Германии. Множество последователей этих и других буддийских школ рассредоточено по всему миру, и дацаны строят без оглядки на государственные границы.

Впрочем, Орден хоть и вырос из буддизма, развивался в другом направлении. Формально это до сих пор религиозная организация, однако духовными или философскими вопросами она не занимается, ее волнуют сугубо практические вещи: контроль и безопасность записи кармы и загрузки пластин в Купола. И поэтому вот уже почти пятьсот

лет она остается непререкаемым авторитетом для всех сангх и государств, хотя юридически не имеет никакой власти.

Управление расследований оказалось последним, куда его привела куратор. Мирзоева потянула ручку двери, и Костино сердце сделало несколько кульбитов. Ладони внезапно стали влажными, чего не случалось уже лет десять. Костя украдкой вытер их о штаны.

Он перешагнул порог и наступил на хвост уроборосу. Цветной мозаикой на полу был выложен полуметровый змей, кусающий себя за хвост, – символ Ордена реинкарнаторов. Чешуйчатое тело извивалось, образуя четыре лепестка, переливающихся от ярко-зеленого до черного. На эту красоту боязно было наступать, хотелось стоять и рассматривать, но взгляд жадно заметался по сторонам, пытаясь за несколько мгновений охватить всю картину. Заглянуть в святая святых, в Управление расследований Ордена, это все равно что побывать на Эвересте: мечта, осуществимая лишь избранными.

Справа от входа в просторном зале стояло больше десятка столов темного дерева, на каждом – компьютеры фирмы «Зингер». Они угадывались даже не по овальному логотипу со стилизованной буквой S, а по деревянному корпусу с вензелями, опирающемуся на четырех львов. Новомодные компьютеры навеяли тосклиевые воспоминания о месячной зарплате реинкарнатора. Костя ожидал увидеть здесь настоящих инспекторов, но наткнулся на тишину и черноту мониторов. Праздник же.

В эркере у окна располагалась то ли зона отдыха, то ли такая специфическая переговорная: фикус в кадке, шесть плетеных кресел и длинный добротный стол, который выдержал бы даже бурные танцы всех инспекторов разом. Несмотря на массивность, стол казался изящным, легким, видимо, из-за фигурных ножек и резьбы понизу. Этим он походил на коня породы шайр: мохноногого британского тяжеловоза, одного из самых мощных и высоких в мире, способного в одиночку тащить самолет, но при этом элегантного, как английский аристократ.

А вот аристократического порядка тут не наблюдалось. Чашки вперемежку с нэцке и сувенирными фигурками, ручками, книгами и даже чьими-то перчатками грозили вытеснить со стола настольную лампу с фарфоровым абажуром.

Костя посмотрел налево и уперся взглядом в стеклянный кабинет, похожий на большой аквариум. Боковые прозрачные стены стыдливо прикрылись опущенными изнутри жалюзи, а сквозь переднюю просматривался еще один стол, король столов в этом зале. В отличие от остальных – за ним кто-то сидел: очевидно, командор Управления расследований. Тот увидел гостей, приветливо махнул и вышел навстречу.

Эльвира Рашидовна улыбнулась ему так, как улыбаются женщины, симпатизирующая мужчине. Костя глянул на своего командора ее глазами. Худой смуглый бурят, чуть за пятьдесят, но определенно очень стильный. Бородка в стиле бретта добавляла ему брутальности. Черный пиджак а-ля китель расстегнут, рукава светло-серой рубашки подвернуты вместе с рукавами пиджака, на левом запястье – оранжевый браслет члена Ордена, на правом – крупные часы на кожаном ремешке.

Командор оказался модником: популярные в США джинсы только недавно стремительно ворвались в моду других стран и стоили недешево. Конечно, эта мода пришла из Синьту, граничащей с США на севере. Китайские колонисты облюбовали эти прочные штаны американских ковбоев и продолжали носить даже в метрополии. Азиатские дизайнеры быстро подхватили новинку, несколько известных домов моды выпустило свои коллекции джинсов, и началось безумие. В Россию оно дошло только в этом году и приняло самые странные формы. По крайней мере, Костю весьма удивляли джинсы в сочетании с фраком или поддетье под платья.

– Вот, привела тебе нового инспектора, – улыбнулась Мирзоева и представила обоих друг другу: – Амгалан Тумэнович Доржиев. Константин Юрьевич Колесов.

– Отлично! Людей катастрофически не хватает, – с легким акцентом произнес Амгалан и протянул руку. От него исходили спокойствие и приветливость, что очень располагало. Доржиев... Доржиев... фамилия казалась знакомой, вот только Костя не помнил, откуда он ее знает.

– Ну что ж, на этом моя экскурсия окончена. Амгалан Тумэнович – профи, он вас введет в курс дела и будет помогать с расследованием. Если что – мой телефон у вас есть. – Эльвира Рашидовна мельком

кивнула Косте и посмотрела на Амгалана так, словно последняя фраза на самом деле предназначались ему.

– Всегда рад встрече, – расплылся в улыбке бурят, а его узкие глаза и вовсе превратились в две щелочки. – Заходи почаще!

Мирзоева улыбнулась.

Косте казалось, будто прошла как минимум неделя, хотя на самом деле еще не наступил вечер. За этот день его вызвали в «скорую», рассказали о странностях с записью кармы, предложили вступить в Орден, поручили расследование, показали офис горкома, и вот теперь он стоит перед своим командром в ожидании того, что случится дальше. Впору взмолиться о том, чтобы хоть полчаса ничего не происходило!

Амгалан Тумэнович опустил взгляд и увидел Костины сапоги. Хромовые сапоги реинкарнатора.

– Я одно время тоже пахал на московской станции «скорой» помощи. Только вы на «Сухаревской», а я на «Юго-Западной».

– Долго работали?

– Несколько лет, когда в Москву переехал.

– И как?

– Нравилось. Только раздражали тяжелые сапоги. Тогда они были кирзовыми, – улыбнулся Амгалан Тумэнович и пригласил в свой кабинет.

– Чай? – вытащил он из буфета две белоснежные фарфоровые чашки.

Костя от удивления забыл все слова, лишь кивнул и завороженно смотрел, как в стеклянном чайнике распускаются скрученные маленькие шарики, словно просыпаются бутоны цветов. По кабинету поплыл чуть уловимый цветочно-фруктовый аромат. Костя мгновенно перебрал все возможные сорта чаев и решил, что это Бай лун чжу – Белая жемчужина дракона. Очень нежный белый чай, для его изготовления берут нераскрывшиеся почки и два самых верхних листочка. С названием связана китайская легенда. Якобы в одной из деревушек провинции Хэнань поселился добрый дракон, жил он с людьми в мире и согласии. И случился как-то засушливый год, когда чайные кусты погибали от жары. Тогда дракон взмыл в небо и загородил солнце своими крыльями. Урожай был не просто спасен – вкус полученного напитка стал настолько изысканным, что им

угостили императора. За каждую выпитую чашечку тот дарил крестьянам по жемчужине.

Меньше всего Костя ожидал встретить в Ордене ценителя чая!

Командор плеснул чаю и пододвинул чашу с шоколадными конфетами. Колесов вообще-то не очень любил сладкое, но сейчас съел аж три штуки: перегруженному мозгу нужно было кинуть топливо, а быстрые углеводы для этого подходят лучше всего. Тем временем перешли на обсуждение дела Петмансона, и командор делился своими соображениями:

– За все время существования Куполов в нашей базе нашлось лишь два подобных случая. Там, правда, все проще. В одном случае прибор оказался неисправен, и это обнаружилось сразу же, а вторая ситуация и вовсе к нам не применима. Она произошла около двухсот пятидесяти лет назад, во время бума изобретений кармографов. Собственно, это одна из самых успешных попыток: прибор что-то даже записывал, но, увы, все пластины с такой записью оказывались пустыми. Ни одного слепка он так и не сделал. Так что у нас, скорее всего, какой-то глюк кармографа или брак в пластине. Еще есть вероятность, что в квартире сбоят сигнал из-за работы какого-то устройства. Мне медики со «скорой» жалуются, что если рядом с домом проходят высоковольтные провода, то кардиограмму не снимешь, электромагнитное поле искажает картину. Про кармографы я ничего подобного не слышал, но все же нужно съездить в квартиру Петмансона, проверить.

С этими словами он достал из-под стола черный чемоданчик со знакомым кругом на крышке.

– Это кармограф? – обалдел Костя от того, что прибор вот так просто стоит под столом в горкоме Ордена.

– Ага. Тот самый, которым вы снимали карму Леонхарда Яновича. Съездите с ним в его квартиру, сделайте еще один слепок.

– С кого? – не понял Колесов.

– С себя. Увы, с Петмансона его сделать уже никак не получится. Хотя было бы крайне познавательно. Вдруг он действительно Просветленный? Да, за кармограф отвечает головой. Вернуть мне в целости и сохранности! Я взял его с вашей станции «скорой» помохи под свою личную ответственность.

– Понял.

– В квартире особо обращайте внимание на странности, непонятные вещи. Поговорите с соседями. Пусть они опишут этого Петмансона. Чем он занимался, кем был? Верующий ли? Возможно, причина в чем-то банальном, но, если есть хоть крошечная вероятность того, что это нечто иное, мы не имеем права сбрасывать ее со счетов. Даже если это кажется нам невозможным. Да, и я советую не откладывать расследование, а съездить на квартиру как можно быстрее, прямо сейчас. Из-за промедления даже в один день можно потерять все улики.

Очевидно, этот совет обсуждению не подлежал.

– Как мне туда попасть? Старик умер, дверь наверняка закрыта. Не ломать же ее, – спросил Костя.

– Зачем ломать? Не надо, конечно. Вы просто поедете туда как оперуполномоченный МВД, – огоршил его командор и пояснил: – Все легально. У нас есть договоренность с полицией, и все наши инспекторы оформлены в особом отделе. Вы тоже, с сегодняшнего дня. Так что не стесняйтесь доставать удостоверение, если надо, и настаивать на всяческом содействии в расследовании. – С этими словами он открыл ящик стола, пошарил в нем и протянул Косте удостоверение с его фамилией, именем, отчеством и фотографией.

– Ого! – только и смог тот вымолвить. О таком в интернете точно не писали.

Амгалан подлил еще чаю.

– Ключи от квартиры обычно хранятся вместе с другими личными вещами в морге, куда увезли тело. При виде «корочки» их обязаны выдать. Если что – побольше уверенности в голосе, обычно помогает, – хмыкнул командор, явно что-то вспомнив.

– А как узнать, в какой морг увезли Петмансона?

– Это в архив. Они знают все!

– Третий этаж, да?

Амгалан кивнул.

– Я сейчас звякну там кое-кому, попрошу его помочь. Данзар Александрович – высококлассный специалист, найдет что угодно в два счета. Советую с ним подружиться, потому что в архиве вам придется жить. – Из уст командора это прозвучало как факт, обыденность. – Информация – наше главное оружие. После мозгов, конечно.

Мозги кипели. Впечатлений хватало уже с лихвой, хотелось затормозить, отдохнуть, но некогда. Предстояло заниматься расследованием, и очень бы пригодилась свежая голова. Костя потянулся за четвертой конфетой.

– Данзар должен был уже собрать досье на Петмансона. Почитайте, подумайте, может, найдете какие-то нестыковки или что-то необычное.

Амгалан Тумэнович провел краткий ликбез о том, что можно и чего нельзя инспектору во время расследования. Все опиралось на здравый смысл и логику: просто так о деле не болтать, но если действительно необходимо рассказать – делать это без подробностей об Ордене. Колесов вспомнил, что подписывал документ «о неразглашении», так что отдельно задал вопрос, чего именно ему нельзя разглашать. Командор успокоил, что ничего секретного тот еще не знает, так что может работать совершенно спокойно.

– Ведите дело, как считаете нужным, как подсказывает интуиция.

Костя кивнул и сунул в карман еще две конфеты.

«Архив» поражал воображение. Сленговое название Управления службы информации сбивало с толку и не отражало истинных масштабов того, чем занимались его сотрудники. Никаких стеллажей с бумажными документами тут не было. Вообще, зал больше напоминал аналитический центр фантастического будущего, а не библиотеку. Первым делом в глаза бросилось трехмерное изображение Купола выше человеческого роста, которое крутилось в центре зала. Присмотревшись, Костя узнал его: тибетский Купол на горе Кайлас. Самый первый из обнаруженных. Несмотря на то что все семь выглядели, казалось, одинаково – как гладкие белые «ракеты» высотой с пятиэтажный дом, все-таки небольшие отличия имелись. В основном из-за характера гор, где они появились.

Купол на Кайласе более узкий и меньше остальных из-за слишком маленького плато, на котором одновременно помещаются лишь несколько человек. Если возле русского Купола, на горе Белуха, помимо исследовательской станции вырос еще и небольшой поселок, то на Кайласе такое попросту невозможно. Все станции, вся инфраструктура вынуждены довольствоваться подножием.

Костя оторвался от созерцания трехмерной модели и перевел взгляд на рабочие места «архивариусов». В отличие от Управления расследований тут вовсе не было столов, их заменяла странная

конструкция-трансформер из пластика. Больше всего это походило на кресло, совмещённое с компьютером. Видимо, каждый настраивал его под себя: большинство в нем полулежали, но некоторые сидели. Изогнутая конструкция не заканчивалась у ног, а вновь росла вверх, становясь держателем для монитора компьютера. Таким образом, архивариус мог лежать и видеть перед собой экран, а то и несколько: Костя заметил, что у некоторых было закреплено аж три. Судя по хаосу, каждый перетаскивал свое «кресло» в наиболее удобное ему место в зале.

Костя глубоко вздохнул, сжал кулаки и направился к людям. Он не очень-то легко сходился с незнакомыми, благо в работе реинкарнатора это и не нужно. Сейчас же все изменилось. Во-первых, ему поручили «подружиться» с каким-то Данзаром Александровичем, но самым страшным было во-вторых. Очевидно, что инспектору необходимо уметь убеждать, входить в доверие, угрожать, казаться милым и добрым – в общем, всячески общаться с людьми, чтобы выуживать информацию. Это пугало намного больше.

Взгляд скользил по «креслам»-трансформерам и пытался выхватить нужного человека. Многие «кресла» стояли пустые, в двух он заметил пожилых женщин, а затем наткнулся на... гору. Костя на мгновение опешил. Но гора его увидела и пробасила на весь зал:

– Ты, что ли, Колесов?

– Я.

– Меня зовут Данзар, – обрадовался толстяк и протянул руку. – Да-да, знаю, странное имя. Мои родители – яростные буддисты, и их ничего не смущало в сочетании Данзар Александрович Абрамов. Меня, понятное дело, не спрашивали. Я хотел поменять имя на Дениса, но потом плюнул. К шестнадцати годам, когда это можно сделать самому, стало не до того, да и привык.

Колесов не ожидал так внезапно обрушившейся на него истории имени. Удивительное дело, Данзар меньше чем за минуту умудрился заполнить собою все огромное пространство архива: он был громок, весел, трещал без остановки и размахивал руками.

– Давай сразу на «ты». Не люблю все эти пафосные реверансы и социальные расшаркивания. Тащи пузик, садись и рассказывай, зачем пришел. – Он ни на тон не снизил громкость своего баса, будто пытался докричаться до другого конца огромного архива.

У ближайшей стены обнаружилось множество пушников и кресел-мешков, видимо, для посетителей; Колесов принес один, плюхнулся в него и вкратце рассказал о совете командора съездить на квартиру. Данзар в это время задумчиво барабанил толстыми пальцами по подлокотнику, а затем те же самые пальцы, еще секунду назад казавшиеся неуклюжими, полетели, будто бабочки, по клавиатуре, прогоняя столбцы цифр и наименований. Костя даже прочесть их не успевал, не то что понять.

– Нашел. – Клацанье клавиш внезапно стихло. – Морг тридцать пятой больницы, адрес сейчас отправлю тебе. У них сегодня короткий день, так что поторопись. Пока будешь ехать – я им скину запрос от МВД, сообщу, что ты работаешь по этому заданию, а то на новенького могут и рявкнуть. Но потом обязательно расскажи, что найдешь в квартире этого Петмансона! Мы же теперь с тобой напарники, – пробасил Данзар и тут же услышал слева от пожилой сотрудницы:

– Данзар Александрович! Пожалуйста! Вы же не на стадионе!

Данзар сложил лодочкой ладони у груди, смиленно поклонился, будто китайскому мандарину, и пробормотал извинения, хотя было очевидно, что виноватым он себя совсем не ощущает. Затем развел руки, и Колесов оценил размах медвежьих лап.

– Говорят, я постоянно болтаю, причем громко. Вот уж не знаю, с чего они это взяли? Я всегда говорю только по делу! И не повышаю голос. Я ж не виноват, что у меня бас. Вот, помню, был один реинкарнатор, мы с ним работали по делу о пропавшей пластине, так у него баритон, но такой, что весь архив дрожал, а я всего лишь...

– Данзар Александрович! – снова воскликнула недовольная, а та, что сидела справа, лишь закатила глаза.

Костя улыбнулся. Кажется, проблема с коммуникацией решена. Хотя и странным образом.

Глава 3

До морга проще оказалось добраться на метро, так что Колесов нырнул в подземку на «Лхасской», а вынырнул уже через тридцать минут на окраине города. Дорога вела через небольшой парк, мимо дацана, чей блеск показался задолго до самого храма. Жидкое золото с крыши стекало на землю, превращаясь в маленькие огоньки; они танцевали вдоль дорожек, водили хороводы у входа, обнимали каждый столб. С началом Лхабаб дуйсэна огни мерцали везде, но особенно – в дацанах. Верующие спешили к началу хурала, будто ручейки вливались в расплавленное солнце. Каждый постарался принарядиться; из-за холода приходилось кутаться в теплые пальто, но из-под них виднелись яркие разноцветные одежды, особенно у женщин.

Три дня вся страна будет ходить друг к другу в гости, дарить подарки, буддисты примут участие в церемонии катхина, остальные проведут время с детьми и любимыми. Кому не нужны три дополнительных выходных? Наверное, только Косте. Все праздники, особенно религиозные, казались ему сумасшествием, и больше всего раздражал Сагаалган – буддийский Новый год, который, страшно подумать, длится аж месяц! К счастью, у реинкарнаторов не бывает праздников, люди умирают всегда.

Колесову пришлось, будто ледоколу, вклиниться в толпу верующих и пересечь ее поперек. На него удивленно оглядывались, но вежливо пропускали, притормаживая. На фоне пестрой одежды мирян и оранжево-желтых кашай монахов его пальто и высокие сапоги смотрелись черной кляксой посреди радуги.

В морге, спасибо Данзару, все прошло наилучшим образом, если не считать того, что пришлось побегать по всему зданию, отыскивая хоть кого-то, кто работает в этот праздничный день. Хмурый сонный дежурный – явно всю ночь отмечал – не задал ни одного вопроса, просто выставил на стол стандартный металлический пенал. Там вперемешку с часами, золотыми запонками, брелоком, кожаным кошельком и другими личными вещами нашлись и ключи.

Обратно до метро Костя решил пройтись медленно и спокойно. Хотелось подышать холодным воздухом и привести мысли в порядок. Ему в этом лучше всего помогала чайная церемония, но это дополнительные два часа, которых сейчас не было.

Старомодные часы на цепочке показывали час дня. Женька постоянно подшучивал над ним из-за этих часов, обзываая замшелым ретроградом. Несмотря на обеденное время, есть не хотелось, и он ограничился кофейней по дороге. Отхлебнул горячую черную жидкость из большой чашки и достал планшет, врученный Данзаром. Подобные выдают в библиотеках, в закрытых секциях: ни сохранить, ни скопировать, ни изменить информацию на нем невозможно, следует только прочесть, после чего вернуть планшет обратно. Данзар закачал туда все, что собрал о Петмансоне, и это стоило изучить до поездки в квартиру старика.

Дата рождения, дата смерти, номер пластины с кармой; с женой лет пятьдесят как в разводе, дочь умерла, но осталась внучка, причем уже взрослая, других близких родственников нет... – это все сейчас не особо интересно, не важно, а вот то, что Леонхард Янович хоть и вышел на пенсию, но продолжал работать в НИИ реинкарнации на кафедре приборостроения, заставило Костя вздрогнуть. Слишком много воспоминаний нахлынуло на него. Слишком много связано с этой кафедрой. И все это Костя давно забыл. Очень надеялся на то, что забыл.

Петмансон оказался профессором, известным специалистом в области кармографостроения, издал несколько научных книг, ездил по миру с лекциями, по его учебнику учились студенты. Колесов вспомнил, что сам читал его труды, они даже есть в его домашней библиотеке, в той половине шкафа, где стоят книги по исследованию кармы.

Информации о Петмансоне оказалось много, в основном энциклопедического характера. Конкретику по делу придется добывать самому. При всей своей усталости и нелюбви к общению Костя сейчас рвался вперед. И дело не только в том, что он хотел доказать, что достоин вступить в Орден, хотя он хотел это доказать. Костя считал, что смерть Петмансона – это его ответственность, его вина. Колесов помнил каждого, кого не смог спасти, всех, кому не успел записать карму. И это будто раны на его душе – со временем они рубцевались,

но продолжали ныть. И вот сейчас еще одна. Формально он сделал все, что мог, но реинкарнаторы знали, что их работа не в том, чтобы нажать кнопку на приборе, а в том, чтобы обогнать смерть. Они чувствовали ее, ежедневно бегали с ней наперегонки, и в этот раз Костя не справился: старуха с косой каким-то образом обхитрила его, повредив прибор или пластину. И он обязан узнать, что произошло, чтобы такого больше никогда не повторилось.

Колесов долго колебался, куда пойти вначале: тестировать прибор в квартире или расспрашивать соседей? Первое казалось проще и привычнее, поэтому он оставил это напоследок.

В файле кратко сообщалось о трех соседях Леонхарда Яновича по этажу. Семья из четырех человек, где мать – учительница в школе, отец – менеджер транспортной компании и двое детей – погодки, школьники. Холостяк сорока трех лет, безработный, перебивается случайными заработками. И одинокая старушка.

Костя прикинул, кто мог чаще всего общаться со стариком ученым. Семье явно не до него. Там работа, дети, школа, стирка, готовка. Такие обычно общаются с соседями, если у них дети подружились, тогда и взрослые друзьями становятся. Или же если сосед – немощный пенсионер, которому нужна помощь. Тогда учительница могла бы проводывать его, покупать лекарства, продукты. Но Петмансон был бодр практически до последних часов жизни. Сорокалетнему безработному вроде бы тоже без надобности общаться с пенсионером, пусть даже светилом науки. Будь он сам ученый или инженер – его могли заинтересовать разговоры с крупным ученым, но сосед подрабатывал то водителем такси, то грузчиком, то курьером. Вряд ли такой человек увлекался кармографостроением.

Оставалась пенсионерка. Примерно одного возраста с Леонхардом Яновичем, детей нет, сидит дома. Скучно, наверное. Шанс, что она периодически заходила на чашку чая к соседу, был высок.

Подъезжая к знакомой кирпичной башне, Костя уже знал, что делать...

– Фохао. Оперуполномоченный Колесов. – Он раскрыл удостоверение и поднес к щели между дверью и дверным косяком так, чтобы читалась фамилия. – Вы Василиса Степановна Мишкина? У меня к вам разговор... Я войду?

Испуганный взгляд был ему ответом.

– Да, конечно, проходите... – наконец словно очнулась седая сухонькая пенсионерка, с лязгом сняла цепочку и распахнула дверь. Черно-белая кошка высунула нос из комнаты, увидела чужака и юркнула обратно.

Костя только сейчас сообразил, что с последнего дежурства так и не помыл сапоги. И хотя грязь давно засохла, разгуливать в них по квартире, где пахло лекарствами, показалось невежливым. Он начал разуваться, но Василиса Степановна всполошилась:

– Что вы, что вы! Не надо! Идите так!

– Наследжу ведь.

– Ничего страшного!

Костя кивнул. По его опыту, споры со стариками занимали массу времени, а в итоге все равно приходилось делать, как им хочется, даже если это нелогично, неправильно, а то и вовсе вредно. Он лишь скинул в коридоре пальто и прошел вслед за хозяйкой на кухню.

– Хотите чаю? С печеньем. А еще у меня варенье есть, абрикосовое, без косточек, сама варила.

– Обожаю абрикосовое варенье! – соврал он. – Сто лет его не ел. Увы, его почти никто сейчас не делает, а в магазине не то, совсем не то.

– Кушайте-кушайте, у меня целая банка! – засуетилась старушка.

Костя придинул большую чашку с бледно-желтым чаем и вазочку с вареньем. Ничего. Если надо, он готов съесть даже пачку лакричных конфет и не поморщиться.

– Василиса Степановна, вы же общались с Леонхардом Яновичем?

– Мы соседи, как не общаться? То лампочка перегорит, а мне нельзя на табуретку залезать, голова кружится, то деньги надо собрать на ремонт двери в подъезде, то еще чего. Неужто его убили?..

В ее глазах плескался страх, разбавленный любопытством, и Костя понадеялся, что разговор пойдет легко.

– Вы понимаете, я не могу этого рассказать. Тайна следствия... – многозначительно посмотрел Колесов и отхлебнул чаю. Тот, конечно, оказался отвратным. Пенсионерка экономила на заварке. – Расскажите, пожалуйста, что он был за человек.

– Да что рассказывать... Хороший человек! Добрый. Хоть и профессор, а никогда не отказывал, ежели помочь нужна. Приветливый такой... и дверь подержит, и вперед себя пропустит, и сумки мне как-то доносил до квартиры.

– Странностей за ним не замечали?

– Каких странностей?

– Может, пропадал куда-нибудь надолго. Или приходил к нему кто необычный. Или, может, он говорил вам что-то странное. Что-нибудь про следующую жизнь или про прошлую...

Мишкина в растерянности теребила кухонное полотенце.

– Ничего такого не замечала. Ну пропадал, но он, говорят, часто на сиптозиумы ездил...

– Симпозиумы?

– Да-да. На них. Гости бывали, конечно, тоже, но я же не следила. Это вам лучше у Юлии Дмитриевны спросить! Она постоянно отслеживает, кто пришел, кто ушел. Ноги у нее болят, почти не ходят, вот и сидит сутками напролет у окна, пялится, все ей интересно, кто к кому ходит, кто о чем говорит, сплетни по всему подъезду собирает.

– Спасибо, спрошу. В какой она квартире?

– Да в первой. Как раз окна рядом с входной дверью.

Костя сунул в рот ложку с вареньем, покивал, мол, вкусно и продолжил:

– А Леонхард Янович был верующим? Ходил ли в дацан?

– Да я что-то не замечала. С праздниками поздравлял, но ни Будды, ни благих символов я у него в квартире не видела.

– Ни с кем не ругался в последнее время?

Мишкина пожала плечами:

– Не слышала. Он вообще ни на кого голос не повышал. Хороший человек был, как жаль, что вот так быстро, в один день, сгорел.

– В день смерти тоже ничего необычного не видели и не слышали?

– Я телевизор весь вечер смотрела, потом спать легла. Все как обычно.

Черно-белая кошка вбежала в кухню и прыгнула Косте на колени, включив урчалку.

– Маруся, да что с тобой?! Ты будто в детство впала, – Василиса Степановна смахнула ее полотенцем. Тогда Маруся начала тереться о Костин сапог.

– Иди, иди отсюда! – прогнала ее старушка и закрыла дверь на кухню. – Вот и в ночь, когда Леонхард Янович умер, эта егоза прыгнула на меня и давай башкой тереться. Не знаю, может, она так на

новый корм реагирует? Или правда в детство впадает. Сто лет ее такой возбужденной не видела.

Костя вздрогнул, но не показал виду. Это могло быть все что угодно. Начиная с того, что кошка просто почуяла смерть и реинкарнатора, заканчивая... реакцией на новый корм.

Колесов еще раз похвалил варенье, отказался от баночки с собой и рас прощался с пенсионеркой.

– Оперуполномоченный, говорите? Дайте-ка ваше удостоверение.

Костя просунул его в щель. Эта старушка оказалась не слишком-то приветливой. Впрочем, после изучения «корочки» дверь все же открыла, хотя и смотрела настороженно.

– Сапоги снимайте, нечего мне грязь разносить. – Голос у Юлии Дмитриевны оказался командный, громкий, он напомнил бас Данзара.

Чаю ему не предложили, хоть и провели на кухню. Впрочем, Костя лишь порадовался этому. Второй вазочки варенья он бы не пережил. Из окна действительно открывался прекрасный вид на входящих в подъезд.

– Говорят, вы знаете, кто к кому приходит, всех видите... – начал Костя, но Юлия Дмитриевна его перебила:

– Это вам Василиска напела? Да она больше меня сплетни собирает! Все про всех вынюхивает, а на меня ядом исходит. Конечно. Я-то могу увидеть, как все на самом деле, а ей остается лишь придумывать небылицы!

– Юлия Дмитриевна, меня интересует только Леонхард Янович. Как часто у него бывали гости? Что за люди приходили? С кем он общался? Был ли кто необычный?

– Да люди как люди. Он учений, кто к нему только не приходил! И студенты, и аспиранты, и другие ученыe, да кто угодно. Конечно, необычные тоже были. Особенно молодежь! Те вообще все странные. Мода, что ли, сейчас такая? Джинсы какие-то, волосы разных цветов, сами в безумных перьях, то ли мальчик, то ли девочка, не отличишь!

– Может, Петмансон ссорился с кем-то накануне?

– Может, и ссорился, я-то откуда знаю? С лестницы никто кубарем не скатывался, а остальное я не вижу. Это вон у Василисы спрашивайте. У нее одна стенка с его квартирой.

Пенсионерка явно не горела желанием помогать и хотела побыстрее избавиться от незваного гостя. Он сделал еще одну попытку и добавил в голос мольбы:

– Юлия Дмитриевна, очень вас прошу! Это крайне важно! Произошло довольно странное событие, связанное со смертью Леонхарда Яновича, и нам просто необходимо разобраться в этом. Если мы не поймем, что происходит, это может привести к большим проблемам для всех живых. Только вы можете нам помочь! Вы наша последняя надежда! Пожалуйста, постараитесь вспомнить, что происходило в день перед смертью Петмансона. Кто-то его навещал? Кошки странно себя вели? Сам Петмансон, может, был не в себе?

– Решили меня лестью подкупить? – нахмурилась пенсионерка, но Костя понял, что ее проняло. Она чуть расслабилась, поменяла позу на более открытую. – Накануне ничего такого не припомню. Ночью я спала. Но вот утром... кое-кто приходил. Часов в семь. У меня опять бессонница началась: сплю часа три-четыре, просыпаюсь и не могу уснуть. Так полночи маялась, под утро заснула, а разбудил рев. Гляжу: свет от фар пляшет по потолку. Ну, я к окну – глянуть, кто подъехал, а там машина реинкарнации. Выскочил мужчина такой, на вас похожий, высокий, и шасть в подъезд. Я все гадала, к кому он...

Костя напрягся. Еще не хватало, чтобы она его узнала! Но пенсионерка лишь скользнула по нему взглядом и продолжила:

– Он уехал, прошло минут двадцать, наверное. Я уже встала, чаю себе сделала – опять ревет мотор. Приехало такси, желтое, с шашечками. Из него вышел друг Леонхарда Яновича, уж не знаю, как его зовут, седой, с опущенными плечами. Удивилась еще, чего это он прямо с утра? Я только к обеду узнала, что профессор умер, тогда и поняла, чего друг-то его торопился. Не успел, бедняга.

Костя ухватился за новую информацию:

– Откуда вы знаете, что это был его друг?

– Константин Юрьевич, я пятьдесят лет живу в одном доме с Леонхардом Яновичем! И у него не так много друзей, чтобы я их не запомнила.

– Сможете составить его словесный портрет?

– Словесный – не знаю, а нарисовать, наверное, смогу, если еще не все забыла. Карандашом работала последний раз лет десять назад...

Вскоре Костя держал в руках вполне неплохой портрет пожилого мужчины с усталым осунувшимся лицом и грустными глазами. Ему можно было бы дать меньше шестидесяти, если бы не множество мелких морщин, паутиной покрывающих лицо и шею.

– Во что он был одет?

– В длинное серое пальто. И еще он нес чемодан, вот такой, как ваш, только коричневый, – кивнула Юлия Дмитриевна на кармограф, с которым Костя не расставался.

– Э-э... вы уверены, что коричневый? Не черный? – Костя знал, что коричневых чемоданов для приборов не бывает, и если друг Петмансона нес именно кармограф, что странно и маловероятно, то он мог быть только черного цвета.

– Молодой человек, – пенсионерка посмотрела с таким возмущением, что захотелось вжать голову в плечи, – я сорок лет проработала гримером на «Мосфильме»! Уж черный от коричневого я отличу даже на смертном одре!

– Но вы уверены, что чемодан такой же? Может, просто обычный дипломат? Они похожи размерами...

– Толще дипломата. Может, и не такой, как у вас, но очень похож.

– Он с ним приехал и уехал?

Юлия Дмитриевна наморщила лоб, вспоминая. Потом покачала головой:

– Выходил он точно с ним, держал в правой руке, а приехал ли – не помню. У меня ведь окна слева от подъезда, так что могла просто не видеть. Думаете, он украл чемодан у своего покойного друга?!

Тут Костя задумался о том, как вообще этот друг мог попасть в квартиру умершего. У него были запасные ключи? Или он успел еще до того, как дверь заперли?

– А не припомните, медицинская «скорая» и полиция подъехали до него или после?

– Помню. После.

«Значит, в квартиру он заходил, – понял Костя. – Дверь-то я не запирал, это должна была сделать полиция после того, как „скорая“ забрала труп».

Колесов поблагодарил пенсионерку, распрощался с большим облегчением и вновь вернулся на девятый этаж. Пора было зайти в квартиру профессора.

Ключ легко открыл дверь. При свете дня, без запаха смерти всеказалось другим, незнакомым, будто Костя тут и не был никогда. Нашум из комнаты вышла девушка и удивленно посмотрела на гостя.

– Вы кто?! – хором воскликнули оба, и девушка фыркнула, сдерживая смешок. – Вы первый!

– Я... ре... – начал было Костя, но осекся. – Оперуполномоченный Колесов. А вот кто вы?

– А сами-то как думаете? Кто бы мог находиться у старика Леона после его смерти?

– Вы его внучка?

– А вы сообразительный, оперуполномоченный, – съязвила она и тут же улыбнулась добной, открытой улыбкой и протянула руку: – Меня Аня Ступина зовут.

– Константин Юрьевич. Можно просто Костя.

Рукопожатие оказалось твердым, мужским. Да и сама Аня не производила впечатления нежной фиалки, скорее уж классической русской бабы: крутые бедра, большая грудь, выдающиеся скулы, на первый взгляд казавшиеся пухлыми щечками. Но если чуть присмотреться, лишнего веса нигде не найдешь, просто особенности женской фигуры и крепкие мышцы. Вдобавок к шикарному телу – роскошные волосы до лопаток песочного цвета и ярко-синие, будто океан, глаза.

– И вы только сейчас доехали до умирающего дедушки?

– Раньше не успела. Только удалось вырваться с работы.

– Что ж это за работа такая, что даже к умирающему не отпускают? – проворчал Костя, ощущив укол ревности. У этой девушки был тот, кто ее ждал, кто хотел ее видеть перед смертью. Впрочем, хотел ли?

– Ну мы с вами в некотором смысле коллеги, только вы оберегаете жизнь, а я спасаю ее.

– «Скорая» медицинская помощь?

Аня улыбнулась:

– Почти. Но с теми, кто поступает по «скорой», тоже приходится работать.

– Реанимация.

– Как догадались?

– По рукопожатию.

– Жму руку, как мужик? – хмыкнула она. – Да, мне это неоднократно говорили. Ну а теперь, когда про меня все выяснили, расскажите же, что в этой квартире делаете вы.

– Ну я... – Костя замялся, не зная, как объяснить кармограф в руках. Полицейские же не снимают карму. Аня заминку восприняла по-своему:

– Так. Давайте честно. Я не буду вас сдавать в полицию.

– Полицию? Вы думаете, я вор? – Костя аж поперхнулся от такого предположения. – Ёккарганай! Вот мое удостоверение.

Он достал «корочку» и протянул ей.

– Полиция, значит, – задумалась Аня. – И чем вас заинтересовал Леон?

– Я не уверен, что могу говорить об этом.

Они встретились глазами, и Колесов будто нырнул с головой в глубину. После развода его еще ни к кому не тянуло, казалось, он вообще разучился любить. Но когда он заглянул в эти синие глаза, его сердце застучало, как у спринтера.

– Ладно, если вы не вор, то пойдемте, угощу вас чаем. Или лучше кофе? – предложила Аня.

– Чай лучше, – внезапно охрипшим голосом ответил он.

– Да, я вот тоже кофе не люблю.

Пока она возилась с водой и рылась в шкафчиках, Костя взял себя в руки. От нее веяло спокойствием и умиротворенностью – такая особенность, видимо, вырабатывается у тех врачей, которые на самом деле любят людей. Рядом с ними тревоги уходят, и ты, как ребенок, веришь, что пришли родители и теперь уже ничего не страшно. Доброе отношение к себе Костя ощущал даже под маской ехидства, и этоказалось удивительным.

А ведь она младше него. Сколько ей? Двадцать шесть? Двадцать семь? Точно еще нет тридцати. И это скорее он должен ощущать себя ее покровителем. Возможно, дело в том, что она действительно спасает жизни, а он просто их записывает...

Шерстяные брюки с шелковым поясом, завязанным бантом, хоть и скрывали округлые бедра, но не сильно, а однотонная серая водолазка и вовсе подчеркивала размер груди и казалась самой сексуальной одеждой. За пышными формами угадывались тугие мышцы; в движениях виделась не грациозность кошечки, а скорее сила тигра:

энергичная, взрывная, но плавная. И еще: Аня его совершенно не боялась. Не восторгалась, не лебезила и не презирала. Впрочем, она не знала, что он реинкарнатор.

– У Леона только зеленый чай. Вы же пьете такой? – уточнила она, на секунду замерев с чайником.

Костя кивнул. Сейчас он выпил бы даже ацетон. Но странная юношеская робость быстро отступила, и Колесов вернулся к своей обычной манере общения. Без реверансов.

– А вы совсем не переживаете из-за смерти дедушки?

– Если скажу, что нет, это сильно вас шокирует?

Костя пожал плечами. Он видел столько разных реакций на смерть, что шокировать его уже ничего не могло.

– Во-первых, мы не сильно-то общались, не до меня ему было. Ну я и не настаивала. А во-вторых, я совершенно точно знаю, что после смерти жизнь продолжается. Так чего расстраиваться?

– Большинство с вами не согласились бы. Люди боятся умирать.

– Большинство боятся в другой город переехать! Это ж не значит, что за Москвой жизни нет и нужно оплакивать тех, кто уехал в Питер.

Костя улыбнулся:

– А многие и оплакивают.

Чай оказался правильным, вкусным. Золотые запонки, кожаный кошелек, хороший чай... Леонхард Янович был мало того что не бедным человеком, но и разбирался в дорогих вещах.

– Так что вам тут надо? Я могу пообещать, что никому не скажу, но, согласитесь, я имею право знать, зачем вы пришли. – На Костя смотрели синие глаза, и он спрятался от них, разглядывая чаинки в чашке. Молчал, крутил тонкий фарфор в руках и обдумывал ответ. Наконец поднял голову:

– Мне нужна кое-какая информация, и я надеюсь ее тут найти.

– Может, для начала расскажете?

Помощь не помешает. Аня может знать о своем дедушке то, о чем инспектор никогда не догадается. Костя вдруг понял, что ищет рациональные причины предложить ей работать вместе, хотя самая главная заключалась в том, что его тянуло к ней. Вместо того чтобы позвать на свидание, как это делают нормальные мужчины, он тащит ее в свою работу, потому что не умеет иначе показывать свои чувства. «Ёккарганай! Ну и ладно. В конце концов, командор сказал вести дело

так, как я считаю нужным, а я считаю, что Аня мне нужна», – подумал Костя и расслабился. А затем рассказал историю с пластиной.

– Это очень плохо, – нахмурилась Аня. – Получается, что дедушка умер? Я правильно поняла, что из-за проблем с пластиной его карма не записалась?

– Мы пока не знаем. Карма-то записалась, но она пустая. И пока мы не разберемся, что это значит, пластину не загрузят в Купол.

– А до тех пор, пока ее не загрузят в Купол, Леон не сможет переродиться, – нахмурилась Аня.

Костя кивнул.

– И этим занимается полиция?!

– Да. Особый отдел, который работает с Орденом реинкарнации.

– Я могу вам помочь в расследовании? – Океан в глазах потемнел, будто готовясь к шторму. Наверное, с таким выражением лица Аня сражалась за жизнь тех, кто поступает в реанимацию.

– Я был бы этому рад.

– Хорошо. Можете на меня рассчитывать.

Костя почувствовал, как в груди что-то екнуло. Оказывается, он боялся, что она не предложит свою помощь.

Как объяснить, почему у сотрудника полиции в руках кармограф и что он с ним собирается делать, Колесов так и не придумал, поэтому просто попросил не мешать проводить осмотр и не входить в комнату. Если она и узнала черный чемоданчик с характерным кругом на крышке, то вопросов не задавала, лишь молча кивнула.

В спальне все сохранилось так, как он помнил: у окна широкая кровать, а вдоль всех стен – стеллажи с деталями. Чем именно занимался Петмансон? Что изобретал? Надо бы поинтересоваться на кафедре.

Первым делом Костя выглянул в окно – не проходят ли там провода, нет ли рядом трансформаторной будки или чего-то, что может создавать помехи. Но нет. Ничего. Лишь соседние дома вдали. Деревья доходили лишь до третьего этажа и с высоты девятого казались втрое меньшими. Что может создавать помехи? Если только работающий в квартире прибор... Колесов обшарил все полки, заглянул даже под кровать, но увидел там лишь пыль да след, словно от лежащего недавно ящика.

Придется самому побыть подопытным кроликом, но к этому не привыкать. Пластиин с его кармой у «скорой» уже, наверное, целый ящик наберется, как и с кармой других реинкарнаторов. То попадешь случайно «в кадр», то ежегодная резервная запись, да и тестирование работоспособности приборов на ком проводить, как не на себе?

Черный чемоданчик он положил на то же место, что и позавчера, нажал кнопку и лег на кровать. Через минуту прибор пискнул.

– Это все, что вы тут хотели? – спросила Аня, когда он вышел из комнаты.

Косте почудилось сожаление в ее голосе, но, возможно, он сам его придумал.

– Нет, мне еще нужно осмотреть квартиру. Поможете?

– Помогу! Но если бы я знала, что вы ищете, я бы могла помочь еще лучше!

– Если бы я сам знал, что ищу...

Они обошли еще раз спальню, гостиную и коридор, заглянули во все шкафы, выдвинули все ящики и внимательно осмотрели детали, наваленные на полках стеллажей. Через час Колесов сдался. Он не представлял, что ищет, так что все этоказалось бессмысленным. Нужны были какие-то зацепки.

Ежедневник в черном кожаном переплете нашла Аня, когда отправилась заваривать чай. Тот лежал на кухне, на полочке среди специй. Видимо, Леон накануне что-то в нем записывал, потом отвлекся, да так и оставил там. Со смешанным чувством радости и волнения Костя вглядывался в первые страницы, но чем дальше листал, тем больше разочаровывался. Выудить оттуда какую-то полезную информацию оказалось невозможным. Банальные бытовые записи: заплатить за квартиру, купить хлеба, не забыть позвонить Петру И. и Наталье Андреевне. Попадались записи и о встречах с разными людьми, но кто они – знал лишь автор этих записок.

И так до последней страницы. За пару недель до смерти планировалось подъехать к какому-то Макееву, через день торопливым почерком было вписано «позвонить Вите», а затем шло напоминание о лекции в институте. И все это вперемежку с записями о походе к кардиологу, покупке таблеток и зубной пасты. Видимо, у Леона сердце начало сдавать давно. Костя не знал официальной причины смерти – он никогда не читал медицинские отчеты о своих пациентах, но

инфаркт опознал и сам, пока делал слепок. Приступы боли в груди, кашель, холодный пот... все как в учебнике.

Дальше находиться в квартире не имело смысла, но Костя медлил. И хотя они с Аней обменялись номерами телефонов, он искал хоть какую-то причину задержаться еще чуть-чуть. Уходить не хотелось. Казалось, за окном зима, метель, темно и холодно, а он дома, под одеялом, ему тепло и хорошо. И это ощущение создала девушка, в чьих глазах плескался океан. Но разумных причин оставаться больше не нашлось. Костя собрал размазанную в манную кашу волю и попрощался.

Холодный воздух взбодрил, порыв ветра бросил в лицо мелкую морось и прочистил мозги. Колесов уходил от дома и с каждым шагом все больше стряхивал с себя притягательность тигриных движений и синих ехидных глаз. За тридцать пять лет он совершенно точно понял, что в этой жизни ему предназначено одиночество. Да, безусловно, девушка яркая и интересная, и его сердце, оказывается, еще способно на такое отзыться. Стоит просто молча этому порадоваться и продолжить идти своей дорогой.

Сейчас дорога явно вела к Амгалану, по эскалатору в метро и далее на «Лхасскую». Организм робко напомнил, что с утра почти ничего не ел, но его, как обычно, проигнорировали.

С волнением, похожим на любовное томление, Костя приложил к турникуту свой собственный, пусть и временный, пропуск. Стеклянные дверцы горкома Ордена открылись, пропуская в другой мир, мир исполнившейся мечты, доступный ему, по крайней мере, еще три месяца.

– Поздравляю с почином. Хорошая работа, – улыбнулся Амгалан, выслушав рассказ о посещении дома Петмансона. – Вы уж извините, что вместо праздника заставляю заниматься делами.

– Ничего, я все равно не праздную.

– Почему?

– Ну... Я не религиозен.

– Не верите, значит.

Косте показалось, что командор даже расстроился.

– Я верю в то, что могу увидеть, пощупать. Верю в реинкарнацию, в Купола и кармографы. Верю в то, что наши поступки определяют нашу дальнейшую жизнь, то есть формируют карму. Допускаю, что

существуют иные миры, в которых люди могут переродиться, если умрут без записи кармы. Но вот в богов, гору Сумеру, повелителя мира Индру и прочее... нет, не верю.

Костя понимал, что этим признанием скорее всего ставит крест на своей мечте. Орден реинкарнаторов при всей своей нынешней прагматичности и демонстративном невмешательстве в религиозные дела родился как буддистский, и состоять в нем означало служить Будде. В Ордене считали, что именно Будда Шакьямуни создал Купола и вернул людям воспоминания о прошлой жизни. Но Костя понимал и то, что притворяться верующим глупо. Во-первых, эту ложь довольно быстро обнаружат, и будет некрасиво, во-вторых... его либо примут таким, какой он есть, либо их пути разойдутся. При всем своем огромном стремлении служить Ордену Колесов не хотел предавать самого себя. Он – это единственное, что у него осталось.

– Обычно к тридцати пяти годам реинкарнаторы приходят к вере. Сложно видеть и чувствовать столько, сколько мы, и оставаться атеистом, – покачал головой Амгалан. – Вы, наверное, очень одиноки. И несчастны.

– Почему? – вздрогнул Костя. Он предпочитал считать себя не одиноким, а одиночкой и уж точно не связывал это с атеизмом.

– Потому что все явления в мире связаны, и лишь религия дает ключ к познанию этой связи и ее возможностям. Я очень сочувствую неверующим, им тяжелее всего. Образно говоря, буддисты тащат свою лодку вместе, а атеисты – по отдельности и с завязанными глазами.

– А мне кажется, что глаза завязаны именно у верующих. Им настолько страшно в реальном равнодушном мире, что они придумывают себе бога и другие иллюзии. Психзащита. Понимаю. Не осуждаю, но не использую.

– Вы образованный человек, вы же знаете, что по сравнению с авраамическими религиями человечества в буддизме нет ни бога, ни законченной концепции мира, – улыбнулся Амгалан Тумэнович. – Это чистой воды учение опыта. Сам Будда Шакьямуни говорил о том, что не стоит верить ни одному его слову и что каждый человек должен удостовериться в правдивости его слов на своем личном опыте. Те, кто идет духовным путем, разум используют намного чаще веры. В основе буддизма лежат около трехсот томов учений: если бы одной веры было

достаточно, не было бы нужды составлять столь обширное собрание философских трактатов.

– Со многими буддистскими философскими доктринами я согласен, но это не побуждает меня ходить в дацан.

– Вот я и говорю, что у атеистов завязаны глаза. К вам приходит врач и рассказывает, как вылечить болезнь, но вместо того чтобы пойти за лекарством, попробовать его и эмпирическим путем понять, подходит ли оно, вы продолжаете лишь рассуждать о болезни и назначениях врача.

– Или же мы просто не верим шарлатанам?

Доржиев в задумчивости взял со стола четки, перебрал несколько бусин, а затем спросил:

– Вы согласны с тем, что рождение есть страдание, старение есть страдание, смерть есть страдание? Горе, скорбь, боль физическая и душевная, отчаяние, невозможность получить чего желаешь – все это страдание.

Костя кивнул.

– Что причина страдания заключается в наличии желаний, то есть привязанностей к чему-либо.

Костя снова согласился.

– Тогда из этого логично вытекает, что прекращение привязанностей ведет к прекращению страданий. Другими словами, если нет желания купить автомобиль, то и нет страданий по поводу того, что на него не хватает денег, что он сломался, что его украли и так далее. Ну вот. А Будда рассказал, как прекратить эти привязанности, дал методику. Перечисленное мною и есть четыре Благородные Истины, на которых стоит буддизм. И как я понимаю, вы согласны с тремя из них, но почему-то не делаете последний шаг: не идете по пути, ведущему к прекращению страданий. Религия от философии отличается именно действием. Мало соглашаться с доктринами, нужно еще что-то делать. Хотя бы попробовать принимать лекарство и оценить, помогает ли оно.

– Наверное, я не настолько несчастлив?

– Или просто не верите, что можете стать счастливым, – покачал головой командор. – Ладно, это долгий разговор, если захотите – продолжим когда-нибудь. Я сейчас отдам пластину с вашей записью из

квартиры Петмансона в хранилище на проверку. Зайдите попозже, думаю, через час уже будет готово.

Костя удивился, как быстро тут работают. Всего час! На «скорой» подобное заняло бы больше недели – почти столько потребовалось бы на разные согласования.

– А пока я вас попрошу разузнать побольше об этом друге Петмансона и постараться найти его. Если с вашей кармой на пластине все в порядке, а я подозреваю, что в порядке, то он – наша единственная ниточка, за которую можно вытянуть это дело.

Костя кивнул. Ясно, что из архива он в ближайшие дни вылезать не будет.

Данзар обрадовался ему, как старому другу.

– Ну? С добычей? – Этот бас услышали, наверное, и на первом этаже, к счастью, большинство членов Ордена уже ушли, зал пустовал.

– Да. Надо опознать вот этого человека, – протянул Костя карандашный рисунок и рассказал все, что узнал от двух соседок.

В разговоре Данзар казался простодушным большим увальнем, но преображался, когда принимался за дело. Сосредоточенный серьезный взгляд следил за потоками информации, пальцы без остановки порхали над клавишами, даже поза неуловимо менялась, и Данзар казался стройнее и собраннее. Костя невольно восхищался его работой, понимал, что тот умен, как дэв. Вряд ли в Орден берут дураков или простаков.

– Кажется, похож. – Костя вцепился взглядом в найденную фотографию.

– Определенно похож. – Архивариус приложил карандашный портрет к монитору. – Скинь своей гримерше, пусть посмотрит, но я думаю – это он.

Звонок Юлии Дмитриевне подтвердил слова Данзара. Другом Петмансона оказался Виктор Андреевич Кучик, шестидесятидвухлетний заместитель заведующего лабораторией кафедры приборостроения НИИ реинкарнации, той самой, где работал Леонхард Янович.

– Телефон его найдешь?

– Уже. – Данзар попробовал дозвониться, но по громкой связи раздалось: «Абонент временно недоступен».

– Скинь, пожалуйста, все, что нашел. – Костя протянул выданный ему утром планшет.

Ожидая, пока скопируются файлы, Костя подумал об Ане. Она могла знать близкого друга ее деда.

– Увы, нет. Но Леон давно со мной не общался, не до меня ему было, он с головой ушел в свои изобретения. – Ее голос по телефону звучал столь же притягательно, как и вживую, но оборвал еще одну ниточку Костиною надежды.

– А над чем именно он работал перед смертью?

– Об этом он мне не докладывал. Но если хочешь пообщаться с Кучиком – позови меня.

– Зачем?

Аня фыркнула:

– Кому он больше расскажет, мне или полицаю?

Костя промолчал, хотя мысленно признал ее правоту. Ему и хотелось, и не хотелось тащить ее с собой. Это всего лишь ее голос, а его накрывает волна блаженства. Решать что-то в таком состоянии нельзя. Надо взять паузу, попрощаться и положить трубку, но... это внезапно стало невыполнимой задачей. С трудом выталкивая слова из горла, он прохрипел:

– Я перезвоню.

Палец казался стокилограммовой штангой, но Костя все же смог с ним совладать и нажать отбой. М-да. Он определенно влюбился. Из грез и размышлений его выдернул бас Данзара:

– Зайти к Амгалану, у него для тебя новости.

Костя кивнул и в очередной раз за этот долгий день пошел в Управление расследований.

Мягкая ковровая дорожка глушала звук шагов, с фотографий на стенах смотрели знаменитые реинкарнаторы и ламы прошлого, в груди разливалось приятное тепло, и он почувствовал себя почти счастливым. Здесь он не изгой, а свой – вот то самое чувство, которое держало его на «скорой». Только там часто приходилось одному выходить в агрессивный внешний мир, сталкиваться с ним лицом к лицу. В Ордене же ощущалась такая поддержка, что любая агрессия казалась смешной, несерьезной, будто котенок, скалящий зубы.

Сердце снова забилось от волнения перед входом в зал инспекторов. Если повезет и это Управление станет родным и

привычным, то Костя перестанет бояться испачкать мозаичного урбороса и, возможно, его чашки и даже перчатки найдут свое пристанище на общем столе в эркере. Пока же восторг от созерцания не притупился, наоборот, незамеченное в первый раз бросилось в глаза. Кофейный автомат при входе. Плетеные корзины для мусора у столов инспекторов.

Амгалан Тумэнович помахал, приглашая зайти в его кабинет. Оказалось, что Костины карма записалась без проблем. То есть дело было не в помехах и не в кармографе.

– И я вас очень прошу, найдите этого Кучика и поговорите с ним. Спросите, что он делал в квартире, какие у них с Петмансоном были отношения, над чем работали, с кем еще общался Леонхард Янович, были ли у него враги, занимался ли он оккультными практиками, шаманизмом. В общем, узнайте как можно больше об этом человеке, – попросил командор.

– Оккультные практики? Шаманизм? Вы серьезно?

– Абсолютно. Мы пока не понимаем, что происходит, поэтому нельзя отметать ни одну гипотезу.

Очевидно, что у командора гипотез происходящего было гораздо больше, чем у начинающего инспектора, но у того не укладывалось в голове: неужели враги могли помешать записи кармы? Или это сделал шаман? Оккультизм... Но это же бред! Или нет?.. Впрочем, это все второй вопрос. Вначале нужно найти Кучика.

– Сейчас же еду в институт!

– Э-э... Притормозите. Институт еще два дня закрыт. Праздник же.

– Ёккарганай! Может, тогда домой к нему съездить? Вдруг он там, а телефон просто неисправен.

Командор согласился, и Костя рискнул задать мучивший его вопрос:

– Я бы хотел взять с собой внучку Леона. Аню Ступину. Помните, я про нее рассказывал? Может, с ней Кучик будет более расположен к беседе.

– Хорошо, – услышал Костя, и у него отлегло от сердца. – Если потребуется помочь инспекторов или безопасников – обращайтесь. Не думаю, что вы застанете Кучика в квартире, но проверить стоит. И еще одно. После этой поездки вы возвращаетесь домой и отдыхаете. Вам просто необходимо сегодня хорошо выспаться.

Амгалан Тумэнович смотрел совершенно серьезно, и Костя так же серьезно кивнул.

Снова метро, снова ступени, лестницы и эскалаторы. Он влетел на «Лхасскую», не замечая ни статую Будды из слоновой кости у входа, ни цветную роспись стен, изображающую Поталу и ее окрестности. Не видел и скульптур в греко-римском стиле на станции «Спортивная», куда приехал через двадцать минут. Москвичи никогда не замечали красот собственного метро, они им просто пользовались, лишь изредка на секунду останавливались, с восхищением обнаруживали: ну надо же! Оказывается, тут очаровательно! А затем вприпрыжку, через две ступеньки, выбегали из метро к автобусу. Ветер и мелкий дождик за шиворот, пение хуралов из дацана и огни вдоль дороги Костя тоже не заметил. Аня выехала сразу после его звонка и уже, должно быть, находится на месте. Нехорошо, когда девушка ждет.

В густой темноте этого осеннего вечера он бы ее не узнал, но у подъезда лишь одна фигура приплясывала от холода. Смешная шапка с ушками и ярко-зеленая куртка превращали ее в беззаботную девочку-подростка, никогда не встречавшуюся ни со смертью, ни с болезнями. Костя рядом с ней почувствовал себя старым и циничным. Он не умел забывать, даже на время, все, с чем сталкивался по работе. Наверное, поэтому и не умел веселиться, не любил шумные компании и походы по клубам. Ему было проще напиться дома одному, тем более что пьяный он становился еще более мрачным и несносным, чем трезвый, – и прекрасно знал об этом.

– Позвоню ему еще раз.

Костя набрал номер мобильного телефона, но тот снова оказался вне доступа. По домашнему слышались лишь длинные гудки.

– Если он там, то говорить буду я, – безапелляционно заявила Аня, и Костя не стал с ней спорить. Удостоверение полицейского всегда успеет показать.

Кучик жил на первом этаже, так что уже через минуту они трезвонили в дверь, но никто не открыл. Оба не поленились, вышли снова на улицу и обошли дом, заглянув во все окна квартиры, но нашли в них лишь плотно зашторенную темноту. Дома явно никого не было.

– Может, он в магазин ушел? – цеплялся Костя за последнюю надежду. И что делать дальше? Сидеть тут и ждать? А вдруг Кучик уехал... ну, например, к родственникам на праздники. Или всего лишь вышел погулять с собачкой?

– Давай еще раз позвоним в дверь, – предложила Аня, и они вернулись на лестничную клетку. Впрочем, никто им так и не открыл.

– Проверим, что там? – Аня достала из кармана куртки скрепку, изогнула в форме крючка и сунула ее в замок. Увидев ошалевший взгляд, пояснила: – Старые навыки. Я не всегда занималась тем, чем сейчас.

– Память о прошлой жизни, понимаю... – Колесов тактично не произнес такие слова, как «домушник» и «воровство».

– Да нет, какая там прошлая жизнь! Все в этой. Просто иногда, чтобы оказать помощь, приходилось вскрывать замки. Люди вообще это любят – закрыться. Вот я и научилась открывать.

В голове у Кости пронеслась картина, как пациент звонит в «скорую» медицинскую помощь, а затем уже физически не может открыть дверь. И да, если знаешь, что там кто-то валяется с инфарктом, а счет идет на минуты, то тут не до тактичности, придется научиться вскрывать двери.

Аня прислонила ухо к замку: кажется, он щелкнул еще до того, как скрепка коснулась штифтов.

Аня улыбнулась и гордо посмотрела на соратника, затем толкнула дверь и зашла первой. Оба замерли в коридоре, оценивая ситуацию. Лишь тиканье часов откуда-то из комнаты нарушало тишину.

– Эй! Есть кто дома?

Костя в глубине души все же боялся увидеть возмущенного хозяина, но никто не вышел. Они явно одни.

Квартира напоминала скорее номер в гостинице, чем жилой дом: везде стерильная чистота и минимум вещей. Идеально белой плитки на кухонном полу, кажется, вообще не касалась нога человека. Громко тикали напольные часы в гостиной, а большой плоский телевизор прикрывала тряпочка – от пыли. То есть хозяин квартиры знал, что вернется не скоро.

– Похоже, Кучик уехал.

– Причем явно собирался впопыхах, – согласился Костя, когда они заглянули в спальню. На кровати валялась одежда, что резало глаза в

сравнении с идеальным порядком в остальной квартире.

— И сумку, похоже, поменял в последний момент, взял совсем небольшую, ручной багаж, чтобы долго таскать с собой. То, что не влезло, просто бросил. То есть ехал, не зная, когда и где сможет остановиться.

— Мы опоздали.

В этот момент Костя осознал, что дело глубже и сложнее, чем он предполагал. Похоже, Кучик очень торопился из-за смерти друга. Что произошло? От чего один умер, а другой в этот же день сбежал? Один другого убил? Ерунда. Костя был с Леоном практически до его смерти. Или им обоим кто-то угрожал и Кучик бежал, чтобы спасти свою жизнь?

Нужно было обо всем подумать на свежую голову. Увы, время теперь есть, торопиться бессмысленно: Кучика он упустил.

Глава 4

С утра, выспавшись, как и велел командор, Костя поехал в офис горкома, даже не задумавшись о том, что он может быть закрыт. Костя привык, что реинкарнаторы работали по своему графику, не ориентируясь на праздники и выходные. Однако по дороге засомневался, застанет ли командора: все же тот буддист, а сегодня второй день Лхабаб дуйсэна, день, когда верующие посещают дацаны, слушают праздничные хуралы, зажигают огни, благодарят матерей за саму жизнь.

Небольшая очередь у турникета на вход в офис обнадежила. Значит, наверняка и Доржиев придет, если не сейчас, то позже, можно подождать в инспекторском зале. Кажется, там стоял автомат с кофе.

Вначале показалось, что в зале никого нет, и Костя медленно пошел вдоль рядов темно-коричневых полированных столов, проводя пальцами по их гладкой поверхности. Возможно, за каким-то из них вскоре ему сидеть. До сих пор Костя не видел ни одного инспектора, и любопытство разгоралось все больше. Кто они? Как его примут? Какие тут порядки? В спину ему смотрели лишь одинаковые черные глаза мониторов.

Но не все столы были пусты. Монитор, клавиатура и телефон не в счет, в них нет индивидуальности. Фотография ребенка в рамке и небольшая черная орхидея рядом говорили об инспекторе больше, чем он бы сделал это сам. Или вот стол, обклеенный записками с напоминаниями, да календарь за 2459 год весь в пометках, некоторые даты обведены фломастером. Но Костю привлекли горящие свечи. Конечно, светодиодные, члены Ордена не безумцы. Одна освещала фотографию Далай-ламы XIII, другая – ритуальный серебряный буддистский колокольчик. Между ними притулилась статуэтка Купола, но какого из семи – не опознать. Сердце ужалило яркое напоминание о том, что Орден не просто занимается обеспечением безопасности Куполов и записи кармы.

Костя развернулся и пошел обратно, к «аквариуму», и лишь сейчас заметил, что в нем люди. Спиной к нему стоял командор, и Костя одновременно смущился, что не заметил его сразу, и обрадовался, что

не придется ждать. Он уже хотел ускорить шаг, но внезапно остановился. Мягкие ботинки, в отличие от хромовых сапог, не выдавали его присутствие. Амгалан Тумэнович кого-то обнимал. Виднелись лишь длинные черные волосы и руки, оглаживающие плечи Доржиева. Оба были настолько поглощены друг другом, что не замечали ничего вокруг. Кажется, дама шептала что-то на ухо мужчине, но стены «аквариума» заглушали звуки.

Колесов ошарашенно замер и увидел, как дама попыталась поцеловать командора, а он мягко, но уверенно отстранился от объятий. Возмущенный стон разнесся по всему залу:

– Это невыносимо! Ты уже давно не монах!

– Но на мне до сих пор обет.

Костя попятился к выходу: лучше уйти, пока не заметили.

Амгалан Тумэнович что-то тихо добавил, но его слова не успокоили:

– Да я прекрасно помню об этом!

С этими словами дама вскинула голову и наткнулась на Костин взгляд. Губы сжались в нить, а черные глаза вспыхнули яростью и словно прокричали: «Как ты посмел подсматривать?! Вон отсюда!» Рывком Мирзоева, а это оказалась она, дернула жалюзи, и те водопадом обрушились вниз, скрывая двоих от лишних взглядов.

Костя понял, что нужно убираться, и выскочил за дверь. Угораздило же его на второй день службы в Ордене стать свидетелем тому, что два командора явно хотели сохранить в тайне! Сердце стучало, пульс чувствовался даже в висках, и несколько долгих секунд Костя стоял в коридоре, прислонившись спиной к стене, и переводил дыхание.

Очевидно, оба командора любят друг друга, но у Амгалана Тумэновича обет... какой? Видимо, брахмачарь – полный отказ от близости. Но его практикуют лишь монахи в монастырях. Ерунда какая-то. Командор же беспамятный, поскольку чует смерть, а таких в монастыри не берут. Или «монах» – просто прозвище? Для мирян брахмачарь – это верность спутнику жизни, разумное воздержание, контроль над желаниями. Может, он женат?

У Доржиева в ближайшее время появляться не стоило, а к Мирзоевой и вовсе лучше не заходить месяц или два, так что Колесов решил прятаться в архиве. Звуки шагов в длинном коридоре

приглушались ковровой дорожкой, сохраняя иллюзию одиночества. Костя размышлял о том, что в его жизни стало слишком много странных совпадений. В бога он не верил, а вот в карму – да, и такие совпадения не могли быть случайностью. Как говорится, карма нас ведет, даже если мы этого не знаем. Что такое карма? Следствие твоих поступков в прошлом. Круги на воде от брошенного камня. Если съел испорченный фрукт, то твоя карма в том, что вскоре заболит живот, и ей все равно, помнишь ли ты, что ел, и как сильно хочешь, чтобы живот не болел. Не бог, не сверхъестественные силы или духи, но лишь сам человек ответственен за все, что с ним происходит сейчас. Именно сейчас он пожинает плоды того, что посеял раньше. И именно сейчас сеет новые семена, которые дадут всходы через час, через год или в следующем воплощении.

Возможно, у Кости какая-то кармическая связь с Доржиевым и Мирзоевой? Если бы он помнил...

Данзар поднялся навстречу и пожал руку своей лапой. Впервые Костя увидел напарника в полный рост, для этого даже пришлось поднять голову. Подумалось: интересно, сколько в этом медведе росту и весу? Раскрыв руки, можно было обнять лишь половину Данзара.

– Хорошо, что зашел, – пробасил Данзар. – А то все с ума посходили с этим кармографом, то ли найденным, то ли нет.

– Что за кармограф?

– Ты, кажется, единственный, кто еще не слышал! Вроде как давно украденный кармограф нашли, но не абы где, а в норе главы одной ОПГ. Глава умер, и поползли слухи.

– ОПГ? – не понял Костя.

– Организованная преступная группировка, по-простому – бандиты.

– Ого! Думаешь, они его продадут? Какие сейчас расценки на черном рынке? Пять миллионов? Или еще больше?

– Вряд ли продадут. Для них пять миллионов – фигня, не деньги. Самое дорогое – это налаженный нелегальный канал связи с Куполом. И если у бандитов есть прибор, значит, скорее всего, есть и контакт, а это гораздо хуже. Это ведь кто-то из ваших, из реинкарнаторов, на них работает, больше ни у кого доступа нет.

– Знаю, – нахмурился Костя.

Кармографов не хватало, поэтому во всех странах их распределение давно регулировались законами. В России приборы стояли во всех крупных больницах, где пациентам делали слепки вне зависимости от толщины их кошелька, по медицинским показаниям. Ну и конечно, реинкарнаторы без них не могли работать. Не оставлять же умирающего без слепка. Увы, в небольших городах не хватало ни кармографов, ни реинкарнаторов, ни больниц.

Да, были люди, официально купившие кармограф, но, по сути, это не вложение средств, а благотворительность, пожертвование на развитие реинкарнаторской службы. Покупка подразумевала и массу обременений, включая согласие на возврат в случае чрезвычайных ситуаций. Вся сфера, связанная с записью и хранением кармы, оказалась полностью дотационной. Да и как на этом зарабатывать? Продавать стальные пластины для записи? С этим прекрасноправлялось несколько крупных частных компаний, имеющих госзаказ, – этот бизнес сложился еще до того, как власти задумали прибрать его к рукам. Держали его буддистские общины, сангхи, а с ними никто не хотел портить отношения. Брать же деньги за слепок кармы – это аморально даже для правительства. Все равно что требовать с утопающего вначале заплатить и только после зачисления денег на счет бросать спасательный круг. Так что Министерство реинкарнации вечно находилось в положении просителей.

Небольшое количество приборов крутилось на черном рынке, но толку от такой покупки не много. Слепок кармы надо не только сделать, но еще и загрузить в Купол, а как, если пластина нелегальная? Каждый прибор находится на учете, и, если какой-то пропадет, его идентификационный номер моментально окажется во всех базах. Дальше дело техники. Номер кармографа выбивается на каждой пластине при записи. При попытке загрузить такую пластину в Купол моментально срабатывает оповещение и злоумышленник препровождается в полицию для выяснения обстоятельств.

Конечно, есть люди, нелегально загружающие слепки в Купола: в мире, где обо всем можно договориться, возникает вопрос лишь в цене. Но если готов платить такие деньги, то проще официально купить кармограф или дать взятку реинкарнатору в больнице, и тот сделает тебе слепок кармы вне очереди. Если найдешь такого смелого и сам не боишься тюрьмы.

– Данзар, а можешь кое-что проверить? У моего коллеги два года назад украли кармограф. Я знаю, где и когда, знаю номер. Можно выяснить, это его сейчас нашли или нет? – Внезапно у Кости мелькнула надежда, хотя он сам не знал, что бы изменилось, если бы это оказался тот самый кармограф.

Архивариус утоп в кресле, хрустнул костяшками пальцев и торжественно, будто пианист перед выступлением, положил кисти на клавиатуру.

– Посмотрю, что вообще есть в архиве по этому делу. Как зовут коллегу?

– Звали... его убили при этом ограблении... Женька... Евгений Кузьменко.

Пальцы Данзара забегали по клавишам, и через несколько минут на экране компьютера появилась вся найденная информация. Ее оказалось немного: имя, фотография и адрес покойного бандита, предположительно владеющего нелегальным кармографом, и фотография дома. Ни номера прибора, ни данных о том, как и когда тот пропал. Костя разочарованно вздохнул и уже отвел взгляд от монитора, как что-то кольнуло. Какое-то слово. Он еще раз прочел все, что нашел Данзар... Стоп. Макеев Александр Анатольевич. Именно эта фамилия была в ежедневнике покойного Леона. Ведущий специалист кафедры приборостроения Института реинкарнации за две недели до своей смерти встречается с человеком с той же фамилией, что и у главы ОПГ, у которого, по слухам, нашли кармограф. Совпадение? Или карма?

– Нет, всякое бывает... Может, и однофамилец, но выглядит это очень странно! – озвучил он свои сомнения.

– Согласен. Съездить бы тебе туда, посмотреть, чего как. Может, на месте найдешь зацепки или кто-то из родных Макеева вспомнит Петмансона, – предложил Данзар.

Костя побледнел. Нет, он, конечно, не трус и во многих передрягах побывал, но лезть в дела бандитов... С другой стороны, Данзар прав. Если он хочет раскрыть свое дело, то надо ехать в логово.

– Плохая идея, – отрезал Амгалан Тумэнович.

Костя возразил, что это может оказаться частью дела Леона, а даже если нет, то все равно нужно выяснить, есть ли на самом деле прибор

или это слухи из серии, что у всех богатых дома по кармографу, поэтому бедным их и не хватает. Ерунда полная, но люди верят.

По правде, ехать к бандитам не хотелось, но еще больше не хотелось бесцельно сидеть дома: в «скорой» его на неделю освободили от всего, а институт еще два дня закрыт. Свободное время угнетало, Костя обычно его избегал, набирал дежурств, оставляя лишь несколько часов на сон. Сейчас же он чувствовал себя скаковой лошадью, подгоняемой жокеем: еще немного, еще чуть-чуть, и близок финиш. В этом адреналиновом состоянии даже кусок в горло не лез, до одури хотелось работы.

— Асур с тобой, если так хочешь — поезжай. У меня до конца недели ни одного свободного инспектора, а проверить слухи действительно надо. Шанс, что тебе отдадут кармограф или хоть что-то сообщат о нем, — минимальный. Скорее всего, даже на порог не пустят, так что не расстраивайся особо. Они же не идиоты — добровольно себя под статью подводить. — Амгалан Тумэнович нервно ходил по «аквариуму», и Костя размышлял, знает ли командор о сегодняшней утренней сцене. Из-за морщин и узких, будто прищуренных глаз казалось, что бурят всегда немного улыбается, хотя сейчас в этом прищуре читались серьезность и тревога. Командор даже не заметил, как перешел на «ты». Костя же нервничал из-за того, что за два дня в Ордене уже дважды умудрился себя же подставить: сначала чистосердечным признанием в атеизме, а потом тем, что оказался не в том месте не в то время. Ну и предстоящая поездка в ОПГ не обещала побед.

— Но и на рожон не лезь! Тебе надо лишь заявить об интересе Ордена, а для этого даже внутрь входить не обязательно. Поедешь не один, я опытного безопасника дам, подстражуешь, если что, а то у тебя уже склонности к героизму проявляются. Полез в квартиру свидетеля один, без подготовки.

— Ну не один, со мной была...

— Девчонка. Ну да. А если бы Кучик там засаду устроил? Положил бы вас обоих и ушел. Ты мне тут не геройствуй. Идешь кого-то брать — вызываешь сотрудника службы безопасности. Это закон.

Костя кивнул. Они действительно тогда повели себя слишком беспечно, Аню следовало остановить. Полезли, не зная, кто такой на

самом деле Кучик, от кого бежит и на что готов он или те, кто его преследует.

– Одному в потенциально рискованные ситуации не соваться, чуть что – звонить в Орден, вызывать помощь, – продолжал наставления командор. – Мы тут медали не раздаем, даже если один возьмешь целую банду – прибавку к пенсии все равно не получишь. И если тебя при этом прибывают или покалечат так, что останешься инвалидом, государство пособие платить тоже не будет. Ты не на госслужбе. Ты в Ордене. И тут нужно спокойно делать свою часть дела, а не геройствовать. Герои и сами долго не живут, и организацию ставят под удар.

Амгалан Тумэнович поднял телефонную трубку и бросил в нее несколько слов:

– Фохао, Илюха. Съездишь сейчас с моим парнем к «китайцам»? Да, тот самый. Он к тебе подойдет.

– Только заявить об интересе, – еще раз повторил командор Косте, после того как нажал отбой.

Из зала послышался грохот. Единственный пришедший сегодня инспектор пытался добыть кофе из автомата, но тот, похоже, заклинило. От удара мощным кулаком задребезжало все, но заветный пластиковый стаканчик не появлялся.

– Саш, хватит разламывать нежную технику, проводи лучше нашего стажера до безопасников.

– Я вытрясу из этого гада весь дух! – Здоровяк вновь стукнул по автомату.

– Тебе от него дух или кофе нужен? – пробормотал Амгалан. – Впрочем, у него нет ни того ни другого. Плюнь. Я вызову техников, а автомат есть еще на первом этаже, у безопасников.

– А ты умеешь убеждать. – Инспектор показал командору большой палец и махнул Косте, мол, иди за мной.

У входа в Управление их уже ждал широкоплечий блондин. Увидев такого на улице, скорее подумаешь, что это профессиональный спортсмен – хоккеист или пловец, а то и вовсе актер – с такой внешностью, что девчонки должны заглядываться. Особенно если он им так же добродушно улыбается.

– Фохао, я Илья. Ты новый инспектор, Константин Колесов?

При рукопожатии из-под рукава его рубашки показался оранжевый браслет.

– Можно просто Костя.

Илья выглядел не старше Кости, хотя жвачка во рту и простодушное лицо делали его моложе лет на десять.

– Тоже едешь с нами? – спросил он здоровяка.

– Не, я только за вашим кофе.

– Не-не-не, к аппарату мы тебя не подпустим, он нам самим еще понадобится, – в притворном ужасе замахал руками Илья, затем приоткрыл дверь в Управление и крикнул:

– Конев пришел за кофе! Налейте ему кто-нибудь! И следите, чтобы он ничего не разломал!

Инспектор закатил глаза.

– Да я тогда всего разок его ткнул легонько...

– Стакан кофе в зубы, иди ломай свою технику. – Несмотря на добродушную белоснежную улыбку Ильи, Конев понял, что вердикт окончательный, вздохнул и обреченно скрылся за дверью.

– Нам надо съездить... – начал Костя, но безопасник перебил:

– Знаю, погнали. Ты на машине?

Колесов покачал головой. Откуда? Его оклад в «скорой» равнялся официальному прожиточному минимуму в стране.

– Тогда на моей. Только у меня печка барахлит.

Ехали долго. Несколько раз пришлось постоять в пробке: хоть и нерабочий день, но около центрального дацана проспект забит – верующие собирались на хурал. Илья включил какую-то попсу по радио и радостно подпевал и барабанил пальцами по рулю. Костя же пытался сосредоточиться и читал на планшете собранный Данзаром материал.

Информации тот нарыл на удивление мало. Александр Анатольевич Макеев возглавлял ОПГ «Китай», известную в бандитской среде своими притонами и бордельями. «Китай» занимал свою долю нелегального рынка и крепко держал ее. В торговлю оружием или наркотиками не лез, особой наглостью или жестокостью не отличался, так что разборки с другими ОПГ если и случались, то локальные, и обычно быстро заканчивались. Макеев умер тихо-мирно, в своей кровати, в возрасте семидесяти одного года из-за оторвавшегося тромба, остановившего сердце.

– Кто сейчас там стал главным? – спросил Костя, набрав номер Данзара.

– Пока никто. Говорят, претендуют двое: младший брат, Алексей Макеев, и кузен Борис Кольчин.

– Хорошо бы тогда встретиться с одним из двух претендентов. У них и так сейчас проблем выше крыши, вряд ли охота еще и с Орденом разбираться из-за какого-то кармографа. Если их немного припугнуть... Может, и отдадут прибор, чтобы мы отстали. Меня одно смущает: не пошлют ли нас еще у ворот?

– Ха! Если бы к тебе пришел член Ордена, ты бы его послал?

Данзар был прав. Никто не знал достоверно, какова на самом деле мощь Ордена, но желание проверить ее на собственной шкуре мало у кого возникало. Верили, что если кто-то пытается мухлевать с кармой, то Орден его из-под земли достанет.

– Давай, важности побольше и вперед!

«Примерно так и планирую», – подумал Костя, прогоняя сомнения.

Темно-синий седан остановился у ворот двухэтажного особняка в восточном стиле. Из будки тут же появился охранник, ежась и поднимая на ходу воротник черной куртки.

Илья опустил боковое стекло.

– Вам назначено? – сухо спросил охранник и поправил лямку автомата. Илья широко улыбнулся и, продолжая барабанить в такт по рулю, ответил:

– Нет. Но передайте, что приехали из Ордена реинкарнаторов. Мы хотим встретиться с Алексеем Макеевым или Борисом Кольчиным.

Костино сердце забилось раза в два быстрей, но выражение лица осталось таким же хмурым и сосредоточенным. Пустят ли их или попросят убраться? Не время сейчас переживать и гадать на гуще пуэра, надо лишь немного подождать.

Охранник вернулся в будку, поднял телефонную трубку, но звуки через толстое, явно бронированное стекло не доносились. Костя наблюдал лишь шлепанье губ, еле заметное в хронических осенних сумерках, и слушал подывивания ветра. После первого звонка последовал второй и третий – через стекло было видно, как охранник снимает и кладет трубку. Прошло минут семь немого кино, прежде чем к темно-синему седану снова подошли.

– Проезжайте. Вас примут.

Железные ворота открылись. Безопасник перестал жевать и отстукивать музыкальные ритмы. Он плавно нажал на газ, и вот они въехали на территорию.

Наверное, летом особняк утопал в зелени, а фонтаны перед входом дарили не только свежесть, но и красоту. Сейчас же на мозаичную плитку ветер накидал грязных листьев, ободрав последние с угрюмых мрачных деревьев, а между колючими кустами валялись сломанные ветки. Казалось, что вместе с Макеевым похоронили и его садовника. Высокие и узкие окна дома внимательно смотрели на гостей, будто решая, достойны ли те пройти через резную парадную арку входа в марокканском стиле.

Илья заглушил двигатель. Лишь песок скрипел под подошвами ботинок, пока члены Ордена поднимались по мраморным ступеням.

Дверь им открыла пожилая дама с пучком на голове и поджатыми губами недовольного человека, вынужденного оторваться от дела ради нежданных гостей. Кто это? Служанка или жена покойного? Костя на мгновение растерялся. Что сказать? Как представиться? Но ничего говорить не потребовалось. Им молча поклонились и показали, чтобы шли следом, на второй этаж.

Внутри дом поразил размахом, роскошью и... безвкусицей. Классическая европейская мраморная лестница, китайские напольные вазы с драконами, азиатские скульптуры демонов и картины русской природы. Все чересчур щедро обрамлено в золото, все кичится богатством. Какофония интерьера звучала, будто ученическая игра на пианино, но при этом дом не выглядел запасником музея, а казался жилем, обладал специфическим очарованием сделанного с любовью. Видимо, Макеев обставлял его не для статуса, а по своему вкусу. Ну вот такой у него был вкус.

Дама привела гостей в жарко натопленную библиотеку в английском стиле и оставила одних. Тепло оказалось очень кстати – печка в машине не барахлила, а просто не работала, так что инспектор промерз и теперь с наслаждением отогревался. В комнате горел настоящий дровянной камин, потрескивали поленья и пахло сandalом.

Илья за несколько секунд просканировал взглядом книжные шкафы, деревянный кессонный потолок, два кожаных кресла, такой же диван и изящный журнальный столик, затем подошел к окну и чуть отодвинул штору. Оттуда виднелся сад, довольно грустный в эту пору.

Большинство деревьев сбросили листву и жалостливо вздымали голые ветви к серому, грязному небу, не слишком отличающемуся от асфальта. Лишь несколько разлапистых высоких елей пытались поддержать имидж роскоши. Увы, этого им не удавалось.

Костя прильнул к шкафам с книгами, изучая надписи на корешках. Больше всего было книг по истории, в том числе по истории реинкарнации последних пятисот лет. Встречалась и беллетристика, и фантастика, и энциклопедии, но, судя по потрепанным обложкам, исторические книги здесь читали гораздо чаще, чем другие.

– Добрый день, – раздалось за спиной.

Костя обернулся и увидел пожилого элегантного мужчину. Тщательно причесанные, даже прилизанные волосы, идеально подстриженная бородка, чуть тронутая сединой, гармонировали с серым шерстяным костюмом-тройкой.

– Меня зовут Борис Евгеньевич Кольчин. С кем имею честь? – представился он, но руку не протянул. Вместо этого откинул крышку зажигалки, чиркнул колесиком и прикурил сигару, вращая ее над пламенем. Рыжий глаз какого-то фантастического животного на корпусе зажигалки проснулся и уставился на гостей. По библиотеке пополз горьковатый дым.

Костя вздрогнул. Сам Кольчин! Такой шанс упускать нельзя, но действовать надо очень аккуратно, пустыми угрозами можно все испортить. Костя решил пройти по тонкой грани и начал разговор, подобных которому не вел никогда в жизни.

– Примите мои соболезнования по поводу Александра Анатольевича, – приложил Колесов руку к груди и чуть поклонился.

Кольчин вынул изо рта сигару и кивнул. Костя счел это хорошим знаком, так что продолжил:

– Мы бы не побеспокоили вас в столь печальные дни, если бы не дело чрезвычайной важности. Расследование одной странной смерти привело нас к вашему кузену. Увы, мы опоздали. Но, может быть, вы бы смогли чем-то помочь? Мы знаем, что Александр Анатольевич хранил у себя кармограф и сотрудничал с ученым из НИИ реинкарнации по имени Леонхард Янович Петмансон. Ордену бы хотелось узнать цель этого сотрудничества и вернуть кармограф.

Костя блефовал. Ордену не было доподлинно известно о том, что у Макеева хранится прибор, да и просить рассказать о делах пусть и

покойного, но все же главы преступной группировки – нагло и самонадеянно. Колесов импровизировал и надеялся на авторитет Ордена.

– К сожалению, мне ничего об этом не известно. – Кольчин никак не изменился в лице, не выразил ни удивления, ни возмущения. Казалось, его только что спросили, будет ли завтра дождь. Костя же, напротив, завелся и предпринял еще одну попытку.

– Я все же очень рассчитываю на вашу помощь. Понимаете, это чрезвычайно важно для Ордена. Идет расследование, и все нити ведут сюда. Мы не хотим вас беспокоить, у нас множество вопросов, но не к вам, а к вашему кузену. Может быть, вы что-то вспомните? Может, слышали от него фамилию Петмансон? Понимаете, если я сейчас уйду, то придут другие.

– Вы пришли в этот дом угрожать мне? – Кольchin спокойно выпустил кольцо дыма и уколол взглядом, отчего захотелось оказаться где-нибудь очень далеко, в Северном Бутово или даже в Южном. Костя понял, что брякнул лишнее, и попытался исправить ситуацию:

– Я просто прошу оказать любезность. Обещаю, что вся предоставленная вами информация никогда не покинет стен Ордена.

Кольчин показал ряд идеальных белых зубов в тигриной улыбке:

– С удовольствием окажу любезность Ордену, ведь вы, конечно, не откажете мне в ответной любезности, – это прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

Рядом с камином Косте внезапно стало холодно. Что делать? Соглашаться? Но это крайне опасно! Кто знает, что бандиты у него попросят? Отказаться? Но как это сделать вежливо, чтобы не нажить врага? Его растерянность увидел не только Кольчин, явно веселившийся от реакции на свое предложение, но и Илья, который ринулся спасать коллегу. Он улыбнулся широко и искренне, словно лучшему другу:

– Конечно, поможем! Будете умирать – обращайтесь! Приедем быстро! Или хотите, чтобы мы тут покараулили? Вы же знаете, в Ордене все беспамятные, все чуют смерть.

Борис Евгеньевич при всей своей выдержанке чуть заметно изменился в лице. Даже бандиты при встрече с реинкарнаторами порывались прочесть охранную мантру. В человеческом сознании чующие смерть были сродни демонам, и от них на всякий случай

старались держаться подальше. А уж мысль о том, что такое создание днем и ночью будет ждать твою смерть у тебя под окнами, у нормальных людей не вызывала ничего, кроме паники.

Кольчин сунул руку в карман пиджака. Илья мгновенно перестал жевать жвачку, но скулы остались напряженны. Струйка пота стекла у Кости меж лопаток. Но из кармана появился не пистолет, а носовой платок. Борис Евгеньевич промокнул лоб и заметил, что в библиотеке чересчур натоплено.

– Попрошу убавить огонь, – сказал он, оставил сигару в пепельнице и вышел.

Илья с Костей переглянулись. И что теперь? Их спустят с лестницы? Или же просто подойдет служанка и вежливо попросит уйти? Колесов смотрел на своего напарника и думал, что среди них двоих именно Илья разбирается в психологии криминальных лидеров, а значит, нужно смотреть на безопасника и делать то же, что и он. Илья просто ждал. К счастью для Костиных нервов, это продлилось недолго. Дверь отворил снова Кольчин. Один. С хорошо знакомым черным чемоданом в руках.

– В этом доме всегда уважали Орден и московского приора, – с этими словами он протянул Косте кармограф. – Не знаю, какие дела были у моего брата с этим Петмансоном, и не представляю, как это выяснить. Думаю, вам лучше спросить об этом у Петмансона, а не у меня. Договорились?

Ошарашенный Костя чуть не выронил чемодан и лишь молча кивнул.

– Всего хорошего, господа, вас проводят.

Борис Евгеньевич вышел из библиотеки, забыв про погасшую уже сигару. Костя судорожно всхлипнул. Оказывается, последние минуты он не дышал.

– Ну ты псих, – со смесью порицания и восхищения прошептал Илья.

– Сваливаем отсюда, да побыстрее, – процедил Костя. Каждая клеточка организма кричала, что оставаться тут, даже сейчас, когда все прошло замечательно, крайне опасно. – Давай-ка прямиком в горком. Не хочу я с этим кармографом мотаться по Москве.

– Поддерживаю, – хмыкнул Илья и сунул в рот новую пластинку жвачки.

Пока машина гнала по нарядной столице, Костя на заднем сиденье осматривал кармограф. Внешне все было в порядке, но инстинкты требовали включить аппарат и проверить его работоспособность.

– Решил на халяву записать свою карму? Так это надо было перед поездкой в особняк делать, а не после.

Илья, кажется, уже давно успокоился, а вот Костю еще трясло.

– У меня этих записей – как молитвенных барабанов в храме... Прибор просто осматриваю.

– А смысл? Можно подумать, ты понимаешь, как он работает... Включай на запись и смотри, что получится, вот и вся проверка.

Костя ничего не ответил. Как объяснить словами то, что чувствуют к кармографу лишь реинкарнаторы? Он как смычок для скрипача, как нож для шеф-повара, он с ними во всех передрягах, в горе и в радости.

Впрочем, Илья, к сожалению, прав. Даже если прибор казался рабочим, окончательно в этом убедиться можно только после тестовых записей, потому что самую важную часть – сердечник – невозможно проверить иначе. За пятьсот лет никто даже близко не подошел к разгадке принципов его работы. Без него, как без мотора в автомобиле, корпус превращается в бессмысленную груду железа, зато с ним поедет и телега. Все изучение и изобретение кармографов сводилось лишь к «рюшечкам», к оболочке.

За столетия прибор прошел по эволюционному пути дальше, чем телефон, но лишь в удобстве пользования. Да, теперь он совсем небольшой, но сердечник остался прежним, непознанным.

Кармографы находили в Куполах. Вначале их там было много, затем поток все уменьшался и на сегодняшний день иссяк. Последние полвека основным поставщиком стал освоенный последним Купол на Килиманджаро, но теперь и там пусто. Цена прибора выросла космически, отношение к нему с уважительного довольно быстро поменялось на сакральное, потеря каждого стала обходиться слишком дорого: в сотни жизней без осознанной реинкарнации.

Колесов щелкнул замками и заметил, что одна из стенок слишком толстая. Да и весит чемодан больше обычного. Под двумя большими металлическими защелками оказались еще две маленькие, чего не может быть по Министерскому стандарту. Костю охватило волнение и вместе с тем любопытство, так что он недолго думал, прежде чем нажать на них. Раздался тихий щелчок, и толстая стенка отскочила в

сторону, открывая карман с пластинами. Костя насчитал четыре и торопливо захлопнул карман. Бросил взгляд на безопасника, видел ли он? Но тот не отвлекался от дороги, голову не поворачивал.

Поверху шел выбитый символный код, то есть пластины с записью. Но они сделаны нелегальным кармографом, а значит, не пройдут проверку при загрузке в Купол. Да, есть шанс, что это промежуточная карма, а основную сняла перед смертью скорая реинкарнаторская, но что, если нет? Что, если сейчас в чемодане лежат четыре жизни?

Костя мог их спасти. Для этого нужно спрятать на время пластины и подождать, пока кармограф вновь легализуют. Дата записи в символном коде наверняка была, но расшифровать ее пока никому не удалось. Чтобы это сделать, нужно как минимум узнать летоисчисление, заложенное в Купола. Их неведомый создатель тоже считает, что сейчас 2459 год со дня ухода Будды в нирвану или нет? Или какой-нибудь 7425 год от сотворения мира? Или 1916 от рождения Христа? Или вовсе какой-нибудь немыслимый год от начала правления вождя давно погибшего племени?

Скорее всего, в кармане чемодана спрятана карма Макеева и его ближайших людей, но свежая ли она? Говорили, что в криминальном мире в ходу техники «отмычки кармы». Например, ее можно записать еще в молодости – и дальше воруй, убивай, насилий, делай что хочешь, но только перед смертью найди способ подсунуть реинкарнатору ту самую, «молодую» карму, чтобы именно ее загрузили в Купол. Так за взятки обманывали систему в надежде на лучшее перерождение, чем заслуживали.

Что считать благой, а что неблагой кармой – достоверно до сих пор не известно. Буддисты уверены, что перерождение в семье любящих родителей, в спокойном месте, без голода и войн, доступно лишь тем, кто в предыдущей жизни соблюдал принципы ямы и ниямы, то есть не убивал, не воровал, не лгал, не прелюбодействовал. Но далеко не все согласны с буддистами и с тем, что считать хорошим перерождением. Родиться в роскоши и известности – это благо или испытание? Зачастую нищему шахтеру из Эссена легче совершать благие дела, чем ребенку богатых и влиятельных родителей. За примерами далеко ходить не надо: сыну владельца сингапурской корпорации «Садикар» еще нет и тридцати, а количеством скандалов он переплюнул уже дочь

красавчика и любимого актера всех девушек Джо Ли. Этим детям повезло с перерождением или нет? А ведь у них любящие родители, хороший дом, еда, возможности...

К тому же сам факт перерождения означает, что личность еще остается в пленах иллюзий, привязанностей, долгов и возвращается в мир, чтобы отработать их. Разве это можно считать благим?

Говорят, на черном рынке умельцы научились определять баланс записанной кармы: что перевешивает, благое или неблагое. Вполне возможно, что это лишь сказки, на которые мошенники цепляют незадачливых клиентов, выуживая из них немалые деньги. Ляпнуть можно что угодно – все равно не проверишь.

Костя для себя давно решил, что жизнь ценна любая и в любом виде. Вне зависимости от того, когда ее сохранили на пластину. Если нет доказательств существования более поздней записи кармы, то в Купол нужно загружать имеющуюся, пусть даже «отмычочную». Это лучше, чем ничего. Мнение Ордена на этот счет Костя не знал, но опасался, что оно иное. Ведь все ухищрения с кармой, все попытки обмануть и родиться в условиях лучших, чем заслуживаешь, – это мухлеж, это противоречит самой цели создания Куполов, идеи осознанной кармы, адептом которой выступал Орден. И именно он принимал окончательное решение по всем подобным неоднозначным ситуациям.

– Вылезай, приехали, – Илья заглушил мотор во внутреннем дворике горкома. – Знаешь, куда сдавать вещдок?

Костя не знал, и безопасник вызвался проводить.

Реинкарнатор и не догадывался, что тут еще целый этаж под землей. Тот же длинный коридор с мягким ковром, заглушающим шаги, те же двери с табличками, только в торцах коридора вместо окон глухие стены. И лампы светят ярче. Илья постучал в дверь хранилища. Из-за нее вначале появилась седая голова, а затем и сам бородатый старичок, похожий на гнома.

– Кириллыч, принимай дары в свою сокровищницу! – гаркнул Илья, шепнул Косте: – Он глуховат, – а затем уже громче добавил: – Ну, я пойду, а ты заполняй всю ту прорву бумажек, без которых Кириллыч тебя не отпустит.

В крошечном кабинете поместились лишь крепкий деревянный стол и стул, обитый некогда бордовым бархатом. Сейчас и то и другое

выглядело не моложе Кириллыча. Но внимание привлекала массивная металлическая сейфовая дверь, словно из фильмов про ограбления банков. Очевидно, она вела из «предбанника» в основное хранилище.

— Так-так, — пробормотал Кириллыч, — что тут у нас? Кармограф? Прекрасненько. А вы, молодой человек, откуда? Я вас не знаю.

— Я новый инспектор.

— Сочувствую, сочувствуя, — закивал он, обменивая чемоданчик с логотипом реинкарнации на пачку бланков.

— Чему сочувствуете?

— Нервная работа, очень нервная. И укорачивает жизнь.

— Ничего, я — реинкарнатор на «скорой», мне не привыкать.

Старичок что-то пробурчал себе под нос и углубился в исследование чемодана, до сознания Кости лишь позже дошла фраза: «А я-то к вам, увы, привыкаю». Он не стал комментировать и погрузился в процесс заполнения пустых клеточек. Прошло минут десять, он уже рассказал, кажется, все, что о себе знал: возраст, имя, телефон, адрес, место работы, задание, кто выдал задание, а вопросы все не кончались. Его прервал удивленный возглас Кириллыча:

— Смотри-ка, что я обнаружил. Интересно, интересно. — Он нажал на две маленькие застежки чемодана и открыл карман. Долго смотрел внутрь, будто внезапно стал не только плохо слышать, но и плохо видеть. Наконец сунул туда руку.

— Надо же, пластины. С записью. Вы, молодой человек, раздобыли довольно ценные вещи.

— Что с ними будет? Уничтожите?

— Зачем же? Для начала проблем коды по базе данных, а дальше уже видно будет. Надо понять, загружали карму этих людей в Купол или еще нет.

Костя почувствовал, как его отпустило напряжение. Логично. Хотя полностью расшифровать символы пока не удалось, но те, что отвечали за идентификацию личности, уже научились вычленять. Сравнив коды нескольких пластин одного и того же человека, найдешь константу. Именно по ней компьютер и определял, загружена карма или еще нет.

— А если их загружали не в российский Купол?

— И что? А, ну да, вы же новенький. Не знаете, что у нас единая база данных по всему миру.

– Да, мне об этом рассказывали! – вспомнил Костя свое удивление на первой экскурсии по офису, тогда он и узнал о доступе к единой базе от Мирзоевой. А сколько же нервов, времени и бумажек занимал запрос реинкарнаторов «скорой» в иностранные базы данных! И ведь могли не ответить! С некоторыми Министерствами отношения хорошие, а с некоторыми даже соглашения об информационном сотрудничестве нет.

А тут доступ ко всем загруженным пластинам, во все семь Куполов. И Орден ни с кем своей базой не делится. Костя понимал причину такой «жадности»: кто такие для Ордена, созданного почти сразу после возникновения Куполов на Земле, Министерства каких-то государств? Сегодня они есть, завтра – нет, и это верно не только для Министерств, но и для государств. А если к власти придет взяточник или религиозный фанатик, уверенный, что сохранение кармы – это зло? Такое уже случалось в Венесуэле, семьдесят лет назад. Президент тогда своими указами уничтожил не только все службы реинкарнации, но и все кармографы, приговорил к казни тех, кто чуял смерть, запретил делать слепки кармы под страхом лишения свободы. Многие погибли; кто успел – убежал в Синьту или Бразилию; по Ордену, получившему в Венесуэле статус террористической организации, был нанесен удар. Ценную информацию безопасно держать только под личным контролем.

– А я могу потом узнать судьбу этих пластин?

– Конечно. Вы ведь член Ордена.

– Ну... еще только кандидат.

– Это не имеет значения. Если вам дали обязанности, значит, и правами можете пользоваться. Идите в архив, там все будет.

То есть опять к Данзару. Совет подружиться с кем-то в архиве оказался бесценным.

Косте оставалось только ждать вердикта, правильно ли он поступил. Кириллыч не сказал, что станет с нелегальными записями, если пластин с этими кодами в Куполе еще нет. Может быть, тут «отмывочная» карма живых? Знал ли Кольчин об этих пластинах? Может, они принадлежат младшему Макееву и его команде и кузен так отомстил конкурентам?

– Ха! – рявкнул Данзар. – Смотри-ка!

На него посмотрел не только Костя, но и половина архивариусов.

– По твоим найденышам пока нет данных. Через Купола они не проходили. А вот четвертый… Лучше сядь куда-нибудь, а то сейчас свалишься от неожиданности.

Костя плюхнулся в ближайший пуфик:

– Давай, не томи!

– Четвертая пластина – с кармой Леонхарда Петмансона! Причем с ней все в полном порядке!

Значит, что-то произошло именно с предсмертным слепком. Ну или Петмансон стал Просветленным к концу жизни, во что атеист Колесов не верил абсолютно, хотя по просьбе командора не забывал и про эту гипотезу.

Амгалан Тумэнович не сильно удивился, когда узнал про нелегальную карму Петмансона, зато поразился тому, что Кольчин отдал кармограф. Потребовал рассказать в подробностях, как проходил разговор, что при этом делал бандит, как смотрел, но все равно недоверчиво качал головой. Лишь после звонка в хранилище вопрос прояснился.

Кириллыч протестировал кармограф и выяснил, что тот сломан. Увы, пострадал сердечник, а это значит, что прибор можно просто выбросить. Вот почему его отдали. Зачем прятать краденое, если оно бесполезно?

Костя почувствовал укол разочарования. Впрочем, ценность найденной пластины с записью кармы Леона хоть и несопоставима с ценностью кармографа, но велика. Петмансон был связан с бандитской группировкой, а это уже совсем другой расклад. Может быть, Кучик бежал именно от них? И Леон умер не просто так?

Дело оказалось сложнее и опаснее, но Костя чувствовал себя гончей, распаленной азартом погони. Подгоняло не только это, подстегивала и личная ответственность за произошедшее: ведь именно после его приезда к Петмансону все началось – ему, Косте, и разбираться. Плюс где-то в дальнем углу сознания ютилась надежда за время расследования сблизиться с Аней. Его тянуло к ней, будто он чуял запах, только не смерти, а… жизни? Его тянуло к ней, будто усталого, мокрого, замерзшего, голодного путника к таверне. Может, это и называется любовь?

– К бандитам не лезь больше, – предостерег Колесова командор. – Как кармограф попал к Макееву, выяснит другой инспектор, а ты

послезавтра едешь на экспресс-курсы, я говорил? Вроде нет. Это в Подмосковье.

– А мне точно туда надо? – погрустнел Костя. – Я хотел в НИИ реинкарнации заехать, они же послезавтра только откроются.

– Точно надо. Там тебе хоть расскажут, куда ты попал. – Глаза Амгалана улыбнулись. – В НИИ успеешь наведаться, заезд вечером. Завтра устрой себе выходной, нечего пахать в праздник. Отдохни.

Костю жгло бездействие, хотелось куда-нибудь бежать, что-нибудь делать, только не сидеть дома, но он кивнул.

Глава 5

Рабочий день в Научно-исследовательском институте реинкарнации начинался в девять утра, и без пятнадцати девять Костя уже стоял перед башней из стали и стекла недалеко от метро «Сокол». Погода вновь испортилась, солнце ушло в спячку, прислав вместо себя ветер. Спасибо, что не дождь. Кусты жалостливо протягивали голые ветки, умоляя если не о тепле, так хотя бы о снеге, но мольбы до неба не доходили: их уносил ветер. Почти месяц до зимы, так что снег имел полное право еще гулять где-то далеко от Москвы.

Чтобы избежать вопросов, Костя просто надел форму и вместо приветствия на входе произнес: «Скорая реинкарнаторская». В панике охранник не заметил, что у реинкарнатора в руках нет черного чемоданчика.

Кафедра приборостроения находилась на пятом этаже, и в лифте Костя ехал один, хотя сотрудники, стоящие в фойе возле лифта, явно торопились на работу. Ничего. Ему не привыкать. В таком отношении даже есть свои плюсы. Особенно в час пик в метро, когда люди толпятся, втискиваются в соседние вагоны, но не подходят к нему ближе вытянутой руки.

В длинном коридоре было тихо. Никаких студентов, гвалта, суеты: НИИ хоть и тесно сотрудничает с Институтом реинкарнации, но полностью самостоятельное образование, со своим зданием, где студентам делать нечего. Тут занимаются наукой. Например, изобретают приборы, которые записывают карму...

Костя не стал стучать в единственную на всем этаже обитую бордовым дерматином дверь, а просто открыл ее и вошел. Он знал, что при виде реинкарнатора люди теряют дар речи, так что не дожидался вопросов.

– Я пришел к Игнатенко Петру Тарасовичу, – прочел он золотистые буквы на металлической табличке. Дверь из приемной вела в кабинет заведующего.

Юная секретарша ойкнула, подняла трубку и пролепетала:

– Петр Тарасович, к вам тут... тут... Служба реинкарнации. Просятся войти.

Завкафедрой выскочил из кабинета белый, будто по дороге просыпал на себя муку. Его руки дрожали, как у пораженного болезнью Паркинсона, хотя выглядел Игнатенко здоровым кабаном, способным в одиночку вытащить из грязи застрявший внедорожник.

– Фохао. Я войду?

– К-конечно!

Когда-то Костя мечтал, что окончит институт, займется научной работой, попадет в НИИ, вот как раз на эту кафедру. Сложись тогда все иначе, возможно, сейчас он работал бы у Игнатенко и продолжал по выходным смотреть остросюжетные фильмы об Ордене. Так что по сторонам Костя огляделясь с особым любопытством. Большой стол из дешевого ДСП, как и у Сергеича из «скорой», давно следовало заменить, ворох бумаг скрывал потертости и царапины. Где-то между стопками папок приютился дешевенький ноутбук десятилетней давности. Игнатенко его еще не успел включить. Компьютерное кресло из экокожи, еще один дээспэшный стол для небольших совещаний и несколько стульев – вот и все. Судя по одинаковым кабинетам у завкафедрой приборостроения и заведующего Станцией Скорой реинкарнаторской помощи, зарплаты научных сотрудников явно не превышали зарплат реинкарнаторов. Но что удивило, так это скрученный коврик для йоги между двумя фикусами и портрет Далай-ламы XIII на стене. Ну надо же! Не президента!

Костя считал, что ученые, как и большинство реинкарнаторов, не религиозны. Да, карма существует, это доказано, но все остальное, о чем проповедуют в дацанах... это религия. Ученым не пристало влезать в религию. Обычно они и не стремились.

– Меня зовут Константин Юрьевич, я из Ордена реинкарнаторов.

После этих слов завкафедрой резко вспотел, и кровь прилила обратно к голове, от чего щеки покраснели, будто у нашкодившего мальчишки.

– Я бы хотел поговорить с вами о Викторе Андреевиче Кучике. Если вы не возражаете, конечно.

– Нет-нет, конечно, присаживайтесь. Может, чай или кофе?

– Нет, спасибо, у меня мало времени.

Игнатенко вновь побелел.

– Так вот, – как ни в чем не бывало продолжил Костя. – Он сегодня на работе?

Петр Тарасович замотал головой:

– Нет-нет, он накануне звонил мне, отпрашивался, сказал, что его кузина при смерти и ему надо уехать.

– А когда вернется?

– Сказал, что пока не знает, это будет зависеть от ее самочувствия, мы договорились оформить потом эти дни задним числом как отпуск за свой счет, – пролепетал завкафедрой, будто оправдываясь: – Он очень хороший работник, никогда без причины отгулов не брал, обязательный, исполнительный. Ну такие семейные обстоятельства, я пошел навстречу...

Костя нахмурился. Кучик уехал неизвестно куда и неизвестно когда вернется. Ниточка грозила оборваться.

– Он отпросился в первый день Лхабаб дуйсэна?

Игнатенко кивнул.

– А где кузина проживает или как ее зовут – не сказал?

– Сказал лишь, что в Новгороде, а уж ее имя и адрес я не спрашивал.

Даже если Кучик не соврал, в чем Костя сомневался, найти его в городе-миллионнике будет практически невозможно. Нужна хоть какая-то зацепка.

– Расскажите мне о Викторе Андреевиче, что он за человек? Есть ли семья? Хобби? С кем дружит, кто его враги?

– Да рассказывать особо нечего. Тихий, спокойный человек. Исполнительный сотрудник, не гений, конечно, как Леонхард Петмансон, пусть ему достанется лучшее перерождение, но профессионал в своем деле. Практически не пьет. А то, знаете, в научной среде такое часто бывает... Вот у нас на кафедре некоторые регулярно закладывают за воротник. И не уволишь – хорошие ведь сотрудники, опытные, толковые, но в двенадцать часов дня уже не стоять на ногах – ну не дело это, не дело. А Виктор Андреевич практически не пьет. Ну несколько рюмок по праздникам. Сагаалган там, день рождения. Хотя дни рождения-то я не помню, чтобы он отмечал. Я этих дней рождения на кафедре уже боюсь. Такой возраст, много юбилеев, многим пятьдесят, шестьдесят лет исполняется, а отмечают – будто подростки! Пьянки, гулянки, а потом в больницу попадают...

– Петр Тарасович, – перебил его Костя, – ближе к делу, пожалуйста.

– Да-да, извините, я о больном. Так вот, Виктор Андреевич работает хорошо, раньше летом ездил на дачу, потом, кажется, забросил.

– Почему?

– Дача – это была страсть его жены, но у нее лет десять назад обнаружили рак. Бедняга долго мучилась, лежала прикованная к кровати, а Виктор Андреевич за ней ухаживал. Мы уж советовали – найми сиделку, так ведь и себя в гроб загонишь, но он лишь отмахивался. Переживал очень. Поседел весь. Злой тогда ходил, дерганый. Вроде был шанс вылечить жену, но требовалась дорогостоящая операция. Причем какая-то нереальная сумма, несколько миллионов. Откуда столько у ученого? Но мне кажется, он себя до сих пор винит, что не смог тогда раздобыть эти деньги. Вот и все. Жена умерла, детей у них не было, Виктор Андреевич живет один. О его врагах мне ничего не известно, а друзья... друзей мало, после смерти Леонхарда Яновича, боюсь, вообще не осталось. Кучик тяжело сходится с людьми, да и не стремится к обществу.

– Он дружил с Петмансоном?

– Да. Они были близкими друзьями. Родных-то у обоих не было.

– Ну у Петмансона есть внучка... – пробормотал Костя внезапно осипшим голосом.

– Да? – На мгновение Игнатенко задумался, а затем просветлел лицом. – Да, точно, есть. Но насколько я знаю, они не общаются практически. Не общались. Он даже не говорил, как ее зовут. Или я, старый маразматик, не помню. Мне кажется, Леону даже нравилось жить одному. Он совсем другой, не такой, как Витя: боевой, энергичный, общительный. Рядом с ним постоянно люди вертелись, да он и сам то на одну конференцию, то на другую, а еще умудрялся и докторскую написать и несколько изобретений запатентовал. Мы его называем – человек с моторчиком. Точнее, называли. Такая потеря для нашей кафедры и для всей науки! Ох, какая потеря!

– Над чем работал Кучик?

– Он после смерти жены помогал Петмансону в его исследовании, фактически они трудились вдвоем.

– О чём оно? – Костя увидел, как здоровяк встрепенулся, у него загорелись глаза.

– О существовании карма-поля. Есть такая гипотеза, и Леонхард Янович – ее активный приверженец, что карма человека создает определенное поле, как заряженная частица – электромагнитное поле, и именно на этом основан принцип работы кармографов. Они просто фиксируют это поле и по характеру возмущения восстанавливают первопричину. Ну как восстановить функцию по полному дифференциальному с помощью криволинейного интеграла.

– Да, я в курсе, – перебил его Костя, опасаясь, что рассказ об этом затянется надолго. О теории карма-поля он довольно много читал, но к делу это не относилось. – Спасибо большое, вы мне очень помогли. – Он пожал руку Игнатенко и почувствовал, какая влажная у него ладонь. – Ну счастливо оставаться.

– А... а вы не будете снимать мне карму?

– Зачем? – наигранно удивился Костя.

– Перед смертью же так положено, – смущаясь завкафедрой.

– Но вы не умираете!

– Как?

– Точно-точно, я чувствую, когда люди умирают. Вам это в ближайшее время не грозит. Я наведывался, чтобы поговорить о Кучике. Кстати, буду очень признателен, если поможете его найти. Мне очень важно с ним побеседовать. Буквально вопрос жизни и смерти. Может, кто-то из его коллег знает? Если что-то выясните – звоните в любое время.

Костя записал на бумажке номер своего телефона.

– Да-да, конечно, – ошарашенно ответил завкафедрой.

Косте на секунду даже стало его жаль. Если честно, он повел себя с ним по-свински. Но будь он искренен и благороден, стал бы Игнатенко с той же охотой все рассказывать? Может быть... но вдруг нет? Да и теперь Костя цинично надеялся, что после «счастливого избавления» от смерти завкафедрой приложит все силы, чтобы выполнить его просьбу. Костя не сомневался: если кто-то в институте знает, где Кучик, Игнатенко выяснит это и позвонит. Вот только интуиция шептала, что таинственный друг Петмансона очень не хочет, чтобы его нашли, и сомнительно, чтобы он кому-то разболтал, куда уехал. Единственный, кому он мог все рассказать, – это Леон. Но тот уже,

наверное, бродит по Бардо Дхарматы, то есть по первой фазе посмертного опыта. Вряд ли с ним получится в ближайшее время поговорить. А жаль.

Колесов размышлял и медленно брел вдоль Петербургского шоссе. Люди, увидев его, ускоряли шаг или вовсе переходили на другую сторону, но его это не отвлекало. Пока что складывалась следующая картина. Гений-ученый Леонхард Янович Петмансон работал над доказательством своей гипотезы о существовании карма-поля. Когда у лучшего друга умирает жена и тот теряет смысл жизни, Петмансон берет его себе под крыло. Вообще, это кажется странным. Нет, в том, что гений дружил с посредственностью, как раз ничего удивительного, но обычно такие отношения завязываются еще в институте, если не в школе, и тянутся всю жизнь. Только, судя по досье, и тот и другой учились в разных школах и разных институтах и до работы в НИИ не пересекались. Связь из прошлой жизни? Очень похоже. Вопрос в том, что это за связь. Хорошо, если просто любовная, и тогда все понятно. Но бывает все сложнее и запутаннее.

И болезнь жены Виктора Кучика... Не потому ли они оба связались с бандитами? Сценарий, в котором ученые, дабы найти денег на лечение, стали оказывать услуги ОПГ «Китай», казался довольно вероятным. Но Костю в нем смущало несколько моментов.

Во-первых, судя по тому, что жена Кучика умерла без лечения, достаточной суммы они от бандитов так и не получили. Но при этом сотрудничество продолжили, раз Леон за несколько дней до смерти встречался с Макеевым. Зачем? Петмансон – ученый, известный по всему миру, совсем не бедный человек, достаточно посмотреть на его чай и золотые запонки. Неужели он рисковал своим именем, своей карьерой просто ради денег? Ох нет. Если он и работал с ОПГ, то, скорее всего, не за деньги. А за что? Ради чего он был готов пойти на риск потери репутации и свободы?

Во-вторых, ученые, даже занимающиеся исследованием карма-поля и кармографов, не имели прямого доступа ни в Купола, ни в хранилище к пластинам. При удачном стечении обстоятельств Петмансон мог выдать нелегальную карму за легальную, но мог ли проворачивать такое регулярно? Крайне маловероятно. Почти невозможно. Или же цепочка была более сложной и ученый в ней выступал лишь одним из звеньев.

В общем, какие бы услуги ни оказывали бандитам двое ученых, после смерти одного из них второй почувствовал угрозу и сбежал. Возможно, бандиты решили, что теперь обязанности Петмансона должен выполнять его напарник, а тот оказался не способен? Если принять эту версию, тогда Кучик заезжал к Петмансону не попрощаться, а замести следы.

В памяти всплыли слова свидетельницы с первого этажа о человеке, которого она видела: уставший, в пальто и с чемоданчиком. Костя еще тогда решил, что речь идет о кармографе, но отмел эту мысль. А что, если это действительно был кармограф, только нелегальный? И Кучик приезжал не с ним, а за ним? В этом появлялся смысл, но вопросов оставалось больше, чем ответов. Есть еще один нелегальный кармограф? От кого тогда его прятали? От Ордена? От бандитов?

Костя внезапно замер, будто стукнулся лбом о стеклянную дверь. Из раздумий его нагло, за шкирку выдернул запах. Запах смерти. Мир потерял свои ощущения, звуки, образы и цвета, превратившись в серый туннель, и лишь одна жизнь пульсировала в конце. Костя устремился к ней, будто протон в адронном коллайдере, набирая скорость и ни на что больше не обращая внимания.

Через минуту он обнаружил свою ладонь на плече парня лет восемнадцати с рюкзаком за спиной и горячим сладким хоттокоом в руке. Парень испуганно обернулся: белое лицо, усыпанное веснушками, оттопыренные уши, рот, испачканный сладким блинчиком, съехавшая набок шапка-петушок и недоумение в глазах.

– Двадцать минут. От силы – двадцать пять. Стой тут, может, «скорая» успеет, – приказал он и вызвал диспетчерскую. Лопоухий еще ничего не понимал, а Костя уже чеканил в трубку: – Скоропостижная смерть в течение двадцати минут. Срочно пришлите реинкарнатора. Адрес... – тут он замялся, стал озираться и нашел табличку с номером дома: – Петербургский проспект, сорок семь.

Вот тут парень осознал, что происходит, и вдруг по-детски закрыл глаза ладошками и завыл. Прохожие стали оборачиваться, притормаживать, перешептывания раздавались все громче, а полная женщина в бордовом берете с вызовом бросила:

– Зачем вы обижаете мальчика?!

Костя молчал. Отвечать на подобные претензии бессмысленно, хотя иногда приходится. А вот «мальчик» вдруг вспомнил, что умеет говорить, и вой сменился на истеричное «я не хочу умирать!».

– Эй! Ты же реинкарнатор, сделай что-нибудь! – осмелел еще один прохожий, уверенный, что решит проблему, на несколько секунд оторвавшись от телефонного разговора.

Костя молчал. Он уже давно не реагировал на подобное. Не объяснять же каждому очевидные факты, что без кармографа нельзя ничего сделать, а кармографы выдают только оперативникам на дежурстве. Единственное, что сейчас имело смысл делать, – это прощаться с родными и близкими, но осмысленных действий от лопоухого ждать не приходилось. Пробка на проспекте означала, что водитель маленькой желтой машинки не успеет, даже если за рулем Сан Саныч. Смерть побеждала, и Костя ничего не мог с этим сделать, лишь наблюдать и ждать, когда его отпустит «запах» и накроет волна отчаяния и бессилия.

Не обращая внимания на зевак, он потряс за плечи орущего парня. Не помогло. Тогда Костя похлопал в ладоши у него перед носом. Лопоухий заткнулся, а в глазах простила осмысленность.

– Как тебя зовут?

– Юра.

– Юра, тебе когда-нибудь делали слепок кармы?

Тот помотал головой. Плохо дело.

– Вы же меня спасете, да?

– У тебя есть близкие? Родители? Девушка?

Юра зашмыгнул носом и кивнул.

– Звони им. Прощайся.

Руки у парня дрожали так, будто держал он не телефон, а отбойный молоток. Не с первого и даже не со второго раза ему удалось набрать нужный номер.

– Мама... мама, я скоро умру.

Тут он снова зарыдал, но сразу получил легкий подзатыльник. Костя не мог позволить, чтобы так бездарно тратили последние минуты жизни.

Весь в слезах, хлюпая носом, он лепетал по телефону, когда мотоциклист устал толкаться и нюхать машинную вонь и газанул, чтобы объехать пробку по тротуару. На мокром асфальте его повело, и,

хотя скорость была небольшая, от удара в спину Юра упал и стукнулся головой о бордюр. Смерть наступила мгновенно на глазах прохожих. Кто-то заверещал, кто-то бросился на помощь, где-то сзади раздалось: «Алло, „скорая“?!» Костя же просто пошел прочь. Звуки, ощущения и краски рухнули на него со всей тяжестью этого мира; пусть и ожидаemo, но в первые минуты это было особенно тяжело.

В спину полетели запоздалые обвинения и оскорблений от зевак, винивших его в смерти, ведь именно он остановил парня и приказал тут стоять. Костя знал совершенно точно, что через двадцать минут Юра бы умер так или иначе, в этом или в другом месте. Может, кирпич бы на голову упал. Или его сбили бы на пешеходном переходе. Или что-то еще. Способов умертвить человека бесконечное множество, и если реинкарнатор почувствовал смерть, значит, судьба, бог, карма – выбирай, что по вкусу, – уже завершила эту жизнь, а каким способом она нажмет кнопку «стоп» – абсолютно не важно.

Костя махнул рукой проезжающей машине с шашечками. На сегодня общения с людьми довольно. Домой, в тишину и одиночество. Мучительны не оскорблений – это ерунда, всего лишь слова, – мучительно чуять смерть и не иметь возможности спасти жизнь. Увы, невозможно всегда носить с собой кармограф, поэтому между дежурствами Костя старался не выходить из дома.

Подъезжая в сумерках к подмосковному пансионату «Озерный», Костя напрягся. Он несколько раз отдыхал в министерских санаториях и с тех пор всячески сопротивлялся попыткам отправить его туда. Унылые бетонные коробки, скрипящая облезлая мебель спартанца, подтекающая сантехника и невкусная еда намертво отбили всю охоту к «оздоровлению». Его даже Женяка не смог уговорить поехать в пансионат компанией встречать Новый год. Убеждал, что будет здорово: встанут на рассвете, обменяются подарками, а за окном – тишина и девственно-чистый снег. Сбежала в Москву та компания довольно быстро, замерзнув в плохо отапливаемых номерах без единого магазина в радиусе десяти километров.

Но в этот раз опасения не оправдались. У Ордена был вкус, и это проявлялось не только в стильном особняке внутри Садового кольца, но и в обустройстве своего пансионата. Трехэтажное кирпичное здание на берегу идеально круглого, будто циркулем нарисованного озера

почти полностью скрывали высокие разлапистые ели. Внутри не оказалось ни размалеванных рыбками или птичками стен, ни ларьков со всевозможными безделушками. Скромная стойка регистрации, за которой приветственно улыбалась девушка, умудрившаяся заселить Костя за одну минуту.

Оформленный в черно-белых цветах номер так походил на его квартиру, словно в Ордене специально узнали его предпочтения.

Их оказалось пятеро. Все, естественно, намеревались стать инспекторами. Первым делом куратор курса попросила представиться и рассказать о себе – ну чисто как на тренингах личностного роста (бывшая жена несколько раз затащивала его туда в надежде, что его личность хоть немного подрастет). Так Костя узнал, что рядом с ним сидит Кира из Иваново, впереди – Максим из Шатуры, сзади – Дмитрий Анатольевич из Серпухова и Сергей Сергеевич из Ростова-на-Дону.

Все пятеро делали вид, что не интересуются друг другом, однако то и дело изучали соседей. Хуже всего скрывать любопытство получалось у Киры – худенькой невзрачной девушки, больше похожей на подростка, чем на тридцатипятилетнюю даму. Несмотря на жар от батарей, она то и дело натягивала рукава черной водолазки, а подбородок прятала в высоком воротнике. Как только встречалась с кем-то взглядом – поспешно отворачивалась и делала вид, что внимательно слушает преподавателя.

Кажется, он был единственным, кого действительно интересовала преподаватель. Впервые он видел члена Ордена в традиционной мантии. Да, по телевизору неоднократно показывали магистра в церемониальном облачении, но то по телевизору и по особым поводам. По улицам в мантиях никто не ходил, такая одежда осталась лишь в фильмах о супергероях, чующих смерть. Ее звали Надеждой Сергеевной, и она больше напоминала профессора в университете (не хватало только характерной шляпы с кисточкой), а то и преподавателя магии, чем юриста Ордена.

– За два дня невозможно научить вас расследовать дела, такой цели на курсе и не стоит. Этому вы будете учиться не один год на личном опыте под руководством ваших командоров. Я же расскажу о юридической стороне дела. Некоторые правила не нужно нарушать, и тогда не будет конфликтов с другими ведомствами: полицией, сангхой,

Министерством реинкарнации и прочими. Да и с обычными людьми. Есть регламент работы и между разными филиалами Ордена, о них тоже вкратце расскажу.

Костя слушал с восторгом юного неофита, осознавая, что прикасается к сокровенной информации. И хотя никаких особых тайн им не открывали, тем не менее показанная юристом сторона работы Ордена особо не афишировалась.

— Пошли сегодня после ужина в бар, — предложил Максим, накручивая на вилку спагетти. — У меня мозг взрывается. Ну и вообще, познакомимся хоть по- нормальному.

— Хорошая идея, — поддержал ростовчанин. — Вы-то хоть в одном регионе живете, еще сможете потом пообщаться, а я с вами — только через запрос приора, как нам сегодня рассказали.

Косте идея не понравилась, он бы предпочел просто выпить и завалиться спать. Знать не знал он этих людей и не видел причин знакомиться с ними «по- нормальному», но остальные с энтузиазмом поддержали предложение. Подумав, Костя решил, что мысль все же здравая: они могут столкнуться по работе, а ничто так не улучшает взаимопонимание в будущем, как совместная выпивка в прошлом.

Когда Костя спустился в бар, Максим уже делал попытки обнять Кири.

— Константин Юрьевич, а вы что думаете об отмене обязательной реинкарнации? — Дмитрий Анатольевич был среди них единственным в костюме-тройке, отчего казался самым старшим.

— Думаю, парламентарии должны быть последовательными и разрешить самоубийства. Зачем насилино спасать людей?

Дмитрий Анатольевич ошарашенно замолчал, пытаясь осознать сказанное, а Сергей Сергеевич хмыкнул прямо в стакан с пивом. Пена осталась на его усах.

— Согласен! Этот закон — убийство нации!

— Не надо сгущать краски, — возразил серпухович, когда осознал, что сказанное о самоубийствах — сарказм. — Закон даст возможность начать с чистого листа. Не думаю, что это плохо — дать людям еще один шанс исправиться.

— Так кармограф и дает им этот шанс! Проще исправить последствия, если помнишь причину, чем тыкаться, как слепой кутенок, не понимая, почему на тебя одна напасть за другой сыплется!

– Мужики, может, хватит об этом, а? – Максим скрчил рожу, будто вместо пива хлебнул лимонного сока. – Может, лучше о бабах и футболе?

Кира закатила глаза, но никак не прокомментировала пассаж, зато с энтузиазмом подхватила предложение сменить тему:

– Да, вот вы, Константин, чем занимаетесь? Мы тут уже о себе рассказывали и только про вас ничего не знаем.

Костя мысленно вздохнул. Он ненавидел рассказывать о себе.

– Работаю реинкарнатором на станции «скорой» помощи. – Костя замолчал и залпом выпил рюмку виски, о чём тут же пожалел. Не привык он к таким благородным напиткам, их надо смаковать. Кира растерялась и не нашлась что еще спросить. Повисла неловкая пауза.

– Выпьем же за девушек! – гаркнул Максим. – Они – самое лучшее, что у нас есть! После Ордена, конечно!

Под предлогом того, что организм требует свежего воздуха, Костя вышел на улицу.

Холод мгновенно освежил голову, прочистив мозги. Ну раздражают его люди. Ну, не умеет он налаживать контакты, быть милым и общительным. С чего вдруг решил, что сейчас получится? Кажется, пора сваливать, а то станет еще хуже. Вообще, зачем он сюда приперся?

– Не помешаю? – Кира тоже вышла на крыльцо, но, в отличие от Кости, без пальто.

– Нет. Я уже собрался уходить.

– К нашим? Или совсем?

– В номер, отсыпаться.

– Ясно. – Кира поежилась от холода. Тоненькая водолазка совсем не грела. – Кажется, вечер знакомств не задался.

Костя пожал плечами:

– Реинкарнаторы вообще не самые общительные и открытые люди.

Кира молчала и смотрела на редкие звезды, Костя же просто дышал морозным воздухом.

– Холодно тут. – Она потерла ладони друг о друга.

– Да, не стойте тут долго, простынете. Ну спокойной ночи. – Костя потянул дверь в пансионат.

– Спокойной ночи, – вздохнула Кира.

– Нам тут положено в этой мантии ходить, чтобы создавать у вас ощущение сопричастности к Ордену, но вообще мы ее никогда не носим. Инспектор должен быть незаметным, обычным, никогда не подчеркивайте свою инаковость. Мало того, что это запорет все ваше расследование, это просто вульгарно. – Владимир Николаевич снял мантию, небрежно бросил ее на стол и продолжил: – Кому-то уже пришлось опрашивать свидетелей?

Сергей Сергеевич поднял руку, Костя же не стал.

– Как прошло? Узнали, что хотели?

– Тяжеловоато было. Один важный свидетель полностью закрылся, я так и не смог его вывести на разговор.

– Да, это непросто, поэтому я сейчас расскажу немного о том, как себя вести под легендой и как оценивать то, что вам говорят.

Владимир Николаевич настолько органично смотрелся в роли преподавателя, так быстро вовлек всю их небольшую аудиторию в активное участие, что Костя искренне восхитился. Но внутри что-то неприятно кольнуло. Он привык списывать свои проблемы с общением и взаимопониманием на беспамятность, на то, что окружающие живут вдвое дольше и поэтому лучше разбираются в мире и людях, а он среди них будто маленький ребенок, постоянно пытающийся потрогать огонь. Но вот перед ним стоит такой же беспамятный, и у него нет этой проблемы.

– Если собеседник слишком замкнут, «в скорлупе», раскачивайте его нейтральными вопросами. Это даст вам инициативное превосходство в разговоре, вы начнете управлять собеседником. Еще очень хорошо на установление первичного контакта работают детали: все, что видите у свидетеля. Например, углядели в его квартире скрипку или мягкую игрушку. Обратите на нее внимание, скажите, что-то типа «О, а у меня дядя скрипач! С детства играет» или «Я тоже очень люблю плюшевых медведей, хотя, казалось бы, уже вырос из игрушек». Это шаг к сближению.

Сегодня в них запихивали информации не меньше, чем вчера, но еще добавили и практической работы.

– Разбейтесь на пары, и пусть один выясняет у другого какую-то личную информацию. Запишите на листе бумаги, что будете узнавать, листы сдайте мне. Потом проверим, что получилось.

Костя в пару досталась Кира, и ей выпала роль инспектора, а ему, соответственно, свидетеля. На мгновение задумавшись, она быстро написала свою цель в тетрадке, вырвала лист и отдала его преподавателю. Тот быстро прочел, кивнул и что-то дописал – видимо, еще одну цель.

– Свидетели, вы уж быстро не сдавайтесь, но и специально «из вредности» молчать тоже не надо, – дал он последнее напутствие и засек время.

– Привет, – немного нервно улыбнулась Кира, подсаживаясь за парту. – Мы сегодня вечером опять хотим посидеть в баре, типа прощальная вечеринка. Придешь?

– Не знаю, не уверен.

– Что, боишься, жена ревновать будет? Мол, уехал на два дня непонятно куда да еще по барам ходит?

– Нет, просто не люблю вечеринки.

– Я тоже их не очень, но изредкахожу по настроению. А ты своей семье вообще рассказал, что в Ордене работаешь? А то у меня сложная дилемма…

– У меня нет семьи, так что и дилеммы такой нету.

– В смысле, нет жены и детей?

– Никого нет.

– И родителей?

Костя кивнул. Он не стал вдаваться в подробности, что его отец жив, ведь они уже много лет не общались.

– Время! – остановил секундомер Владимир Николаевич, и те, кто выполнял роль инспекторов, по очереди подошли и записали на бумажках с целями то, что выяснили.

– В целом все справились, – бегло просмотрел преподаватель ответы. – Теперь давайте узнаем правду.

На Кирином листе торопливым почерком было написано: «Узнать, есть ли у него жена», а затем другим почерком приписано: «и дети». Кира ответила на оба пункта «нет», и Костя кивнул: это правда. А вот Сергей Сергеевич своего «следователя» обманул.

– Но он мне все так красиво рассказал! – возмутился Максим. – Не только марку и цвет машины, но что у нее барахлит, когда последний раз менял масло и сколько стоил ароматизатор воздуха!

— А не надо верить всему, тем более если это красиво и эмоционально, — усмехнулся преподаватель. — Не доверяйте «искренним» словам свидетелей и тем более задержанных; их испугу, слезам, раскаянию и грустным глазам. В стенах Ордена все стремятся выглядеть невинными, белыми и пушистыми. Как узнать, что вам врут, — это отдельная тема. Я немного расскажу, но осваивать ее придется на своем опыте, и не один год.

Вечером выяснилось, что лишь Костя собрался уезжать сразу после ужина.

— Надеюсь, еще увидимся, — грустно улыбнулась Кира. — А может, передумаете и останетесь до утра, как все? Посидим, поболтаем.

— Я как-то не очень умею болтать и веселиться, буду своей грустной рожей портить вам всю вечеринку.

Кира явно хотела переубедить его, но не придумала как и лишь развела руками.

Костя вернулся в номер злой и нервный. Слишком много народа от него чего-то хотело, он же мечтал только об одном: чтобы его оставили в покое. Даже два дня интенсивных занятий не помогли забыть бледное лицо, усыпанное веснушками, оттопыренные уши, шапку-петушок и струйку крови, стекающую по бордюру. Костя не успел.

Следующие дни он работал на износ, но не продвинулсь в расследовании ни на шаг. Инспекторы в Управлении на него практически не обращали внимания, сам Колесов не лез знакомиться, вот и получилось, что общался лишь с командором и архивариусом. К Мирзоевой в кабинет заглядывать боялся и всячески ее избегал.

В этот день он снова допоздна торчал в горкome, вернулся домой уже поздно ночью и собирался лечь спать, но все же открыл почтовый ящик и обнаружил письмо, от которого пробежали мурашки. Тема: В. А. Кучик. Внутри лишь три слова: «Андрей Туманов, Касимов». Ни здравствуйте, ни до свидания, ни подписи — ничего. Невнятный набор букв и цифр в обратном адресе, бесплатный почтовый сервис... ящик явно создавался для отправки одного-единственного письма.

Вихрь вопросов прогнал сон взашей. Кто это написал? Почему? Зачем он помогает? Или это ловушка? Или чья-то глупая шутка? Стоит ли верить написанному? Вспыхнула и сразу потухла мысль, что это

заведующий кафедрой приборостроения разузнал, к кому уехал Кучик. Нет, писал не Игнатенко. Кто-то явно хотел остаться анонимным, и кому-то нужно было сдать Кучика. Или некоего Туманова. Или обоих.

Количество неизвестных в этом уравнении зашкаливало. Без дополнительных данных оно не решалось. Но где их взять? Был лишь один способ: спросить Данзара. Вот кто умел искать информацию.

Костя сначала набрал телефонный номер, а потом глянул на часы и запоздало вспомнил о приличиях. Стрелки приближались к двенадцати. Палец потянулся нажать отбой, но из трубы донеслось: «Алло». Голос казался бодрым, не сонным, так что Костя выпалил:

– Кажется, я знаю, где сейчас Кучик!

И торопливо добавил:

– Извини, если поздно, я могу утром перезвонить. Наверное, за восемь часов ничего не изменится...

– Брось свои расшаркивания. Рассказывай.

Все внутри бурлило и требовало немедленных действий: куда-то бежать, кого-то хватать, но приходилось сдерживать порывы. Данзар пообещал заняться анонимкой, огорчив, что для этого нужна база данных Ордена, доступ к которой есть только в горкоме.

– Подходи завтра в районе обеда. Надеюсь, к тому времени уже смогу что-то раскопать.

Костя нервно взъерошил волосы. Ничего, он умел ждать.

В офис Ордена он все же поехал не к обеду, а с утра: до встречи с Данзаром хотел рассказать об анонимке Амгалану Тумэновичу.

– Не думал, что таким образом тебя хотят сбить со следа? – Командор ходил туда-сюда по «аквариуму» и в задумчивости гладил бородку.

– Думал... Но есть вероятность, что в деле замешана третья сила и она хочет сдать неугодных ей людей. Если это так, то ее действия нам пока на руку.

– Не очень-то я верю в анонимки. Обычно действительно ценная информация такими путями не приходит. Но проверить, конечно, надо. Отправь ее безопасникам, это по их части. Может, найдут адресата.

Командор помог составить запрос в Управление безопасности. К счастью, для этого не нужно было заполнять гору бумаг, как в хранилище.

– Жердин! Саша! Зайди! – крикнул Амгалан в зал.

Вошедший полностью оправдывал свою фамилию: костлявый и высоченный, он создавал впечатление, будто собран из палок.

– Саш, есть ли новости по делу о бандитском кармографе?

Голос у нескладного на вид инспектора оказался на диво приятен и мелодичен. Ему бы арии петь. Хотя, может, он и поет? Не всем же лазить по помойкам с чемоданчиком в руке. У кого-то работа вне Ордена может быть не связана со Скорой реинкарнаторской.

– Пока только выяснил, что этот кармограф украли в Питере десять лет назад. Я направил запрос их приору на разрешение работы в регионе, жду. Пластины, скорее всего, шли в русский Купол, так что бурятам тоже скинул запрос на совпадение кодов.

– Не обязательно. Смотря какой канал у них был. Могли использовать европейский или азиатский Купола, напиши туда тоже.

Костя до сих пор не привык, что у членов Ордена есть доступ ко всем мировым Куполам. Впрочем, у кого, как не у них? Во время Великой войны Старый Пасан сумел созвать Совет глав основных воюющих школ буддизма, где и предложил разделить ответственность. Мол, выяснением, чье учение верно и в какой дацан ходить, занимайтесь сами, а мы будем сохранять людскую карму. Именно он тогда и заложил основные принципы, существующие до сих пор: Орден вне политики и не связан ни с какой религиозной школой, карму имеет право записать любой, вне зависимости от вероисповедания, за работу Куполов и кармографов отвечает Орден, он же их и контролирует. Кстати, правило, что членом Ордена может стать только беспамятный, появилось позже, уже после смерти основателя. Сам Пасан беспамятным не был. Зато он отказывался принимать в Орден атеистов и иноверцев.

Ведь про Купола миру рассказали семь тибетских монахов, приверженцев разных буддистских школ. Именно у них в одно и то же время было одно и то же видение. К каждому спустился Будда и объяснил, что теперь карму можно записывать на стальные пластины, для этого он создал специальные устройства – кармографы. Они находятся в семи Куполах, родившихся в этот день в разных частях света. Цель каждого монаха – открыть миру «свой» Купол.

О жизни и миссии этих монахов написаны тысячи книг, от исторических до художественных. Могло показаться, что проще всего

тому, кому достался Купол в Тибете. Да, ему не пришлось отправляться в трудное и опасное путешествие, как другим, но сколько лет и нервов он потратил на то, чтобы убедить буддистов взойти на гору Кайлас! Тысячи лет она считалась священной, до нее запрещено было даже дотрагиваться!

Впрочем, все Купола появились на священных горах. В Китае – на горе Эмэйшань, в России – на Алтае, на горе Белуха, в Египте – на Синае, в Индии – на священном холме Аруначала, в Османской империи – на Аракате, а в Танзании – на Килиманджаро. Везде были свои сложности. Местные жители не понимали незнакомые языки, не принимали чужую религию, куда-то оказалось очень сложно добраться. Легко не было никому, но все справились. Мир узнал обо всех Куполах и начал их использовать. Тогда не сомневались, что их создал Будда. А затем в священные горы пришли ученые и атеисты.

Костя постарался не думать об этом. Сейчас другие времена. Кадровики знали, что он атеист, и все же позвали в Орден, значит, ему дают шанс. Лучше думать о том, как найти Кучика.

Когда именно в горкое обед, он не знал, но на третьем этаже оказалось пусто, лишь Данзар строчил по клавишам. Замечательно. Получится спокойно поговорить, не опасаясь, что их услышат те, кому не надо. Ну и Данзара коллеги дергать не будут.

– Я тут, пока Туманова пробивал, узнал нечто интересное... В Касимове действительно проживает некий Андрей Туманов, – пробасил архивариус вместо приветствия и показал фотографию с элегантным денди лет тридцати. Жилет, красный шейный платок, черные выющиеся волосы, собранные по азиатской моде наверх, выражение лица «я – король мира». Костя в воображении дорисовал твидовые брюки с подтяжками, трость, толпу девушек, коктейли, вечеринки...

Но чем внимательнее он изучал фото, тем яснее понимал, что первое впечатление обманчиво. Туманову никак не меньше сорока, а то и пятьдесят. Есть такие мужчины, которые долго выглядят юношами, но их выдают глаза. Таких карих глаз, как на фотографии, не бывает у молодых беспечных денди. Либо он гораздо старше, чем выглядит, либо ему в жизни пришлось перенести многое горя.

– Непосредственно на него я ничего особенного не нарыл. Ну холост, сейчас не работает, до этого тоже работал не регулярно, часто

менял место. С криминалом не связан, Орден тоже им никогда не интересовался. Но пока я искал что-то о нем, я нашел много странностей в самом городе.

Оказалось, что в Касимове то вода в кранах становится «живой» – те, кто ее пил, излечились от всех болезней. То вдруг в песчаном карьере стали находить золотые жилы – чего по законам природы не бывает. А раз даже пиратский клад один счастливчик откопал у себя на заднем дворе. Хотя клялся, что каждый год в этом месте сажал картошку и просто не мог раньше не заметить сокровище.

Последние сто лет о чудесах в Касимове пишут регулярно, причем с четкой периодичностью. Раз в десять-пятнадцать лет чудеса связаны с деньгами, раз в сорок-пятьдесят лет – со здоровьем и исцелением. Причем всегда что-то новое, никаких повторов. То «живая вода» из крана, то «молодильные яблочки» из супермаркета, то лечебная грязь на городской свалке, то что-то еще. Да и способы нахождения денег – один другого необычней. Особенно поражала история, как золотые монеты сыпались там, где ступал лось. Обычный лось в лесу. Это длилось сутки, но потом еще несколько лет местное население съезжалось в тот лес в поисках золота.

По большей части все это считалось неподтвержденными слухами, из разряда летающих тарелок, магии и астрологии. Пресса об этом писала лишь желтая, а здравые люди газету «Суббота» не читают и передачу «Мистика и реальность» смотрят только ради смеха.

Однако Данзару и Косте, при всем их критичном отношении к чудесам, пришлось поверить: их подтверждали члены касимовского горкома Ордена. Увы, полноценное расследование не проводилось: не хватало людей. В городе с населением в тридцать тысяч никогда не держали большой комитет, но если в лучшие годы штат доходил до семи человек, то сейчас остался лишь один. Пятьдесят лет назад горком Касимова запрашивал помочь у своего районного приора, и тот даже высыпал инспектора, но тому ничего не удалось узнать. Он лишь еще раз подтвердил, что означенные чудеса происходили.

Горком еще дважды обращался в райком: через десять и через пятнадцать лет, но оба раза получал отказ. Тогдашний приор решил, что странные события не касаются Ордена, не угрожают его членам и реинкарнаторам, не влияют на процесс записи кармы, поэтому на разбирательства нет смысла тратить время и силы. Пусть этим

занимается кто-то еще. С тех пор касимовский горком запросов больше не посыпал, однако продолжал аккуратно фиксировать все необычные события, происходившие в городе.

– Не связан ли Туманов с этими чудесами? – озвучил Костя крутившуюся у обоих в головах мысль.

– Мне пока такой связи установить не удалось, но нутром чую: что-то есть.

Имеет ли отношение Кучик к Туманову или все это ерунда, он просто поехал к кузине, как и сказал завкафедрой, а анонимке нельзя верить? В любом случае про этого Туманова нужно узнать как можно больше. Не исключено, что скоро придется лезть и в эту нору.

Остаток дня и всю ночь Костя читал дома, не отвлекаясь даже на еду. Данзар скопировал ему несколько гигабайтов материалов: газетные вырезки, городские документы, телефонную книгу города, заметки в блогах путешественников и многое другое. Даже чтобы бегло просмотреть все файлы, нужно несколько дней. Уму непостижимо, как сам Данзар успел отыскать все это до обеда.

Вдруг взгляд за что-то зацепился. Костя еще раз медленно просмотрел файл, который читал последним.

Газетная заметка семидесятилетней давности, за две тысячи триста девяностый год. Костя вначале глянул ее по диагонали и понял, что она не по теме, Данзар, видимо, случайно ее сохранил. Никаких чудес, точнее, «касимовское чудо» было, но так называли не «молодильные яблоки», а стелу с часами на вокзальной площади. Газетчик описывал торжественную церемонию открытия и восхищался стелой: на дубовой колонне вырезаны известные сцены из жизни Далай-лам, начиная с первого. Резьбой лет десять занимался местный скульптор, и вот теперь увенчанная часами стела появилась на площади. В статье говорилось о «ценности и быстротечности времени, преемственности поколений и возрождении».

Костя прочел ее дважды, но так и не понял, что привлекло его внимание. Разочарованный, он поднялся, чтобы сходить за чаем, как вдруг увидел. Статья оказалась ни при чем – он ее и не читал, когда просматривал материалы. Его зацепила фотография с церемонии открытия. Четверо стояли около «касимовского чуда»: мэр города, местный лама, скульптор и часовщик. И хотя газетчик в подписи к фотографии уверял, что часовщика зовут Федор Белкин, это был

Андрей Туманов. Короткая стрижка и костюм по моде того времени не сильно меняли его внешность. Это был тот же молодой денди, ничуть не изменившийся через семьдесят лет!

Заснуть в эту ночь так и не удалось. Выпив пять чашек пуэра, Костя рано утром подъехал к зданию в тибетско-китайском стиле. Какая-то пичуга спросонья поприветствовала его, но не увидела солнца и вновь заснула. На улице было зябко, и Колесов сам бы с удовольствием сейчас заснул дома, в тепле, но внутренний жар гнал его вперед.

— Увы, аноним постарался. Даже наши спецы не смогли его отследить, — поделился невеселыми новостями Амгалан.

— Зато я с помощью Данзара кое-что нашел. Можно позвать его сюда?

Амгалан кивнул, поднял трубку, но не стал набирать номер, лишь нажал одну кнопку:

— Данзар, зайди, пожалуйста. Тут наш подопечный что-то хочет рассказать.

«Наш? Вроде как я подопечный только Амгалана», — удивился Костя, но подумать об этом не успел: несмотря на лишний вес, Данзар спустился с третьего этажа довольно шустро.

Костя молча положил перед обоими две распечатки: фотографию Туманова и газетную вырезку с фотографией об открытии стелы на площади. Нескольких секунд оказалось достаточно, чтобы командор и архивариус ошарашенно переглянулись. Значит, Косте все же не показалось.

— Есть еще какие-нибудь снимки? Я отсмотрел все, что ты мне дал, больше этот тип нигде не встречается, — спросил Костя Данзара.

Тот пробормотал «зайди через час» и в задумчивости побрел к себе. Костя решил воспользоваться паузой и позавтракать. По соседству с офисом приютилась булочная, где помимо теплого, свежеиспеченного хлеба и выпечки делали кофе. Запах ароматных зерен и сдобных булочек долетал до первых этажей горкома, и противиться ему могли лишь самые стойкие или мизантропы. Костя понадеялся на хороший чай в меню, но тот, увы, предлагали только в пакетиках. Такого кощунства он не терпел и взял круассан с шоколадом и двойной эспрессо. Глаза слипались, и хотя адреналин не давал расслабиться, организм требовал сна.

Холодный воздух улицы взбодрил сильнее, чем кофе. От вкуса свежего, еще теплого круассана и шоколада мысли потекли в романтичном направлении, к Ане Ступиной. Интересно, где она сейчас? Наверное, на дежурстве, в реанимации. Костя вспомнил ее чуть насмешливый взгляд, волосы, будто выгоревшие на солнце, и от этих образов в груди приятно заныло. Он с удивлением осознал, что все еще живой, что он не только реинкарнатор, но и мужчина, что есть женщина, которую ему хочется обнимать, хочется вдыхать запах ее волос, целовать ее улыбающиеся губы, стянуть футболку и чувствовать своей грудью ее грудь.

Доселе спящие желания зевали и потягивались, просыпаясь. Оказывается, они не умерли, просто давно не давали о себе знать. Лет пять с момента развода? Нет, дольше. Не просто так в последние полгода семейной жизни Костя начал брать по две ставки на работе.

Телефон тренькнул и сообщил, что у Данзара есть новости. Костя одним глотком допил кофе, бросил бумажный стаканчик в мусорку и поспешил в архив. Всего за несколько дней третий этаж офиса московского горкома Ордена реинкарнаторов стал для него родным.

Командор уже рассматривал новые фотографии, заглядывая в монитор Данзара через его плечо. Данзар раскопал еще четыре: две – того же периода, когда Туманов выдавал себя за часовщика Белкина, еще одна – более поздняя, с городского праздника. Туманов явно не хотел попасть в кадр и пытался прикрыться кепкой, но не успел. Снимок был сделан двадцать пять лет назад. Четвертое фото оказалось самое старое, на нем Туманова не узнать: в треуголке и с пышными усами, он гарцевал верхом на вороном коне, в кафтане драгуна.

– Программа сделала анализ идентичности и определила, что на всех этих фотографиях один человек, – пояснил Данзар.

– Асур побери! Сколько же ему лет?! – воскликнул Амгалан Тумэнович.

– Никак не меньше сотни.

– М-да. Дело становится все более и более интересным... Туда надо ехать.

– Я съезжу! – выпалил Костя и выдержал оценивающий взгляд командора.

– Но только не один, с безопасником.

Костя кивнул:

– С Ильей? Как в прошлый раз?

Амгалан Тумэнович и Данзар переглянулись и фыркнули, с трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

– Не думаю, что он сможет. Но я ему предложу. – Командор ничего не пояснил, а Костя не стал спрашивать. Он явно что-то не то ляпнул, но если захотят рассказать, сделают это сами, без его вопросов.

Глава 6

К счастью, Касимов находился в ведомстве московского теркома Ордена, так что для работы в городе не требовалось разрешение чужого приора. Со своим же Амгалан Тумэнович договорился быстро. Для этого оказалось достаточно одного телефонного звонка. В нагрузку командор поручил проводить местный райком, выяснить, как там дела:

– При разговорах по телефону многое остается за кадром, а лично по всем райкомам и горкомам не наездишься, поэтому в местные комитеты обычно заходят командировочные. Отчеты – это, конечно, хорошо, но личное общение никто не отменял. Разузнай, что у них там на самом деле.

– То есть я к ним пойду с проверкой? – не обрадовался Костя этой идеи.

Амгалан грустно улыбнулся чему-то своему:

– Да ну, с какой проверкой. С проверкой к ним пусть приор ездит. Абсолютно бессмысленное занятие. Они будут его поить и кормить, рассказывать, как его любят, как у них «все хорошо, вот только есть одна проблема, на которую нужны деньги и люди». Знаю я, как такие проверки выглядят. Вылизанные отчеты, прекрасные цифры, за которыми скрывается асур знает что! А вот перед тобой, их коллегой, нет смысла лепить красивый фасад. Посиди, чаю с ними попей, можешь даже водки, если надо. Поругай начальство, пожалуйся на жизнь, на цены, на погоду, на курс валют – в общем, просто поговори. Если у них действительно какая-то беда есть – сами расскажут.

Командор посмотрел в глаза своему подопечному и заметил в них еще один вопрос, на который ответил сразу, не дожидаясь, пока Костя решится его задать:

– Ничего им за это не будет, никаких кар начальственных, это не донос. Будем им помогать, если надо. В маленьких организациях почему-то до ужаса боятся озвучивать проблемы – видимо, чтобы не выглядеть перед руководством плохими работниками. Бывало, что молчали о таких вещах, о которых молчать нельзя. И всей организации это выходило боком. Есть, правда, и другие. Те наоборот: раздувают

мелочовку, просят чуть ли не армию Ордена и сундук золота, чтобы сделать то, с чем справится и один профессионал. В общем, просто поговори с ними, осмотрись. Может, они и Кучика помогут найти. Теперь по поводу легенды, с которой пойдешь к Туманову. Есть идеи?

Колесов покачал головой.

– Главное – не спугни. Лучше узнать меньше, чем надавить, запугать и в итоге потерять след. Если что – обращайся за помощью. Хоть в местный комитет, хоть мне звони. Ты, главное, узнай, где обитает рыба и нужна ли она нам, а рыбаков, умеющих подсекать, мы пришлем.

Амгалан с ходу накидал несколько идей, как попасть в квартиру к Туманову и переговорить с ним.

Пообещав разработать себе легенду и согласовать ее с командором, Костя поехал домой. Время неслось, как скаковая лошадь, и казалось, что Кучик уносится все дальше и дальше и скоро его станет не догнать. А это значит, нужно торопиться, и, скорее всего, в Касимов надо было ехать еще вчера. На завтрашнем утреннем рейсе оставалось несколько свободных мест. Вот только прежде чем покупать билет, нужно придумать, как попасть к Туманову и что делать дальше.

Стемнело. Свет фонарей и проезжающих автомобилей падал в окно комнаты, выхватывая из черноты то призовые кубки, то картину с изображением вороного коня на снегу, то корешки книг на этажерке. Толковых идей так и не появилось, и Костя злился на себя за это. Ему хотелось куда-то бежать, делать хоть что-то, выплеснуть свое бессилие. В таком состоянии отлично колотить боксерскую грушу, но ужасно разрабатывать план действий. Костя с ужасом осознал, что он не успевает.

Он не любил просить о помощи, делал это крайне редко и по очень большой нужде, так что чувствовал себя неуютно, набирая номер Данзара. К счастью, архивариус просто выслушал сбивчивую просьбу и пообещал скоро приехать.

Костя ходил тигром по квартире, когда пискнуло сообщение от Ани. Сердце принялось отплясывать чечетку, и перед тем, как взять в руки телефон, пришлось сделать пару глубоких вдохов и выдохов, чтобы успокоиться. Костя даже смог философски отстраненно удивиться самому себе: только что переживал, разговаривая с Данзаром, а теперь опять волнуется, открывая сообщение от Ани. Но

как же отличаются эти чувства друг от друга! А ведь ему уже казалось, что эмоции – это то, с чем он давно попрощался, причем навсегда.

«Привет! Как съездил в Институт реинкарнации? Что собираешься делать дальше? Могу ли я чем-то помочь?» – прочитал Костя сообщение и задумался. Три головы – лучше, чем две. Он еще раз трезво оценил свои силы и понял, что сейчас от него толку вовсе никакого, так что голова тут будет лишь одна, Данзарова, а значит, Анина помощь не помешает. Смутило, что она не член Ордена, но мозг быстро нашел лазейку: командор же сказал вести расследование, как сочтет нужным, да и помогла она ему уже дважды.

– Алло, привет. Я напал на след, и мне нужно помочь придумать план, – скороговоркой, пока не передумал, проговорил он в трубку.

– Ого! Ты прямо Винье́р де Сар! – Костя не смог определить, искренне ли Аня восхищается им, сравнивая с известным сыщиком, или же подсмеивается над ним. – Конечно, помогу! Как известно, у каждого детектива должен быть помощник.

– Тогда, может, подъедешь ко мне? – Почему-то в этот момент он себя почувствовал пятнадцатилетним мальчишкой, с трудом решившимся позвать симпатичную девочку в кино.

– Если это приглашение на свидание, то можно было придумать другой повод. – Тут уже точно слышался сарказм, и Костя замолчал, не в силах придумать адекватного ответа. Аня поняла, что перегнула палку, и отступила: – Шучу-шучу. У меня вообще специфическое чувство юмора. Диктуй адрес, выезжаю.

– Ну да. Как у всех медиков, – буркнул Костя. Хотя в среде реинкарнаторов щепетильностью никто не страдал, но от циничного юмора медиков даже они вздрагивали.

Аня и Данзар приехали быстро и почти одновременно. Костя успел лишь немного прибраться да сложить диван. После дежурств хотелось просто рухнуть спать, а не заниматься поиском простыни или одеяла, так что диван обычно стоял незаправленный, со смятым одеялом и накиданными подушками. Все равно гости заходили редко. Последним был Женяка.

– А у тебя миленько, – улыбнулась Аня, разглядывая черно-белую однокомнатную квартиру. Сам он этот стиль называл «шахматная доска» и долго ругался с женой, чтобы та позволила сделать такой ремонт. Косте нравилась строгая простота цветов, но жена выступала

категорически против черных стен и потолка, так что под свой вкус он переделал квартиру лишь после ее ухода. Стены, пол и потолок кухни – черные, но холодильник, небольшой стол и вся мебель – белые. В комнате же наоборот: пол, потолок и стены покрашены белым, а мебель полностью черная. Впрочем, из всей мебели в небольшой комнате уместились лишь диван, двустворчатый платяной шкаф, этажерка, заваленная книгами и безделушками вроде его старых наград, стол с ноутбуком да кресло.

Костя представил Ане Данзара как коллегу по ведомству, не вдаваясь в подробности. К счастью, должность второго гостя ее не интересовала, внучка Леона больше выспрашивала про Туманова и цель поездки. Колесов честно рассказал про анонимку, про то, что неведомый Туманов может привести к Кучику, однако умолчал о странностях относительно его возраста и о чудесах, происходивших в городе.

Данзар тем временем разглядывал корешки книг: учебники по приборостроению в реинкарнации, оставшиеся с институтских времен, труды по философии и этике кармы, по влиянию буддизма на культуры различных народов. Встречались и художественные книги, в основном фантастика, но не только. Несколько комиксов о супергероев-реинкарнаторе Анзане были запрятаны между философскими трудами. Данзар их нашел, вытащил и хмыкнул. Косте внезапно стало стыдно за такое дурацкое чтиво, он дернулся отобрать, но архивариус уже сам вернул комиксы на место и вытащил потрепанную от чтения книгу в мягкой обложке под названием «Кто такие беспамятные?». Рядом с ней пылился подобный нон-фикшен.

Костя мысленно махнул рукой – пусть смотрят что хотят – и ушел на кухню. Поставил кипятить воду, достал пузатую банку и высыпал немного лао шен пуэра в ча хэ, «чайную коробочку». В качестве нее он в свое время пристроил фарфоровую чашку, в которую удобно засовывать нос. Вручил ча хэ Данзару для «знакомства в чаем» и, пока они с Аней по очереди вдыхали запах хорошего старого пуэра, занялся собственно чайником. В глубине души он им гордился. Отличный чайник, из исинской глины, он стоил как подержанный автомобиль. Костя давно мечтал о таком чайнике, но с зарплаты реинкарнатора накопить на него не мог, а вот Женька смог. Подарил ему на тридцатилетие. Знал, что друг – чайный маньяк. Женька вообще денег

на друзей не жалел, все, что имел, спускал на совместные пирушки или вот на такие подарки.

Вначале чайник и чашки полагалось ополоснуть кипятком и лишь после этого отобрать чаху у Ани и высыпать в чайник скрученные темные сухие листья.

Первую заварку Костя сразу же слил – чай нужно промыть. Снова налил кипятка и теперь уже ароматную жидкость вылил в «чашу справедливости», как поэтично называли в Китае сливник. Он уже настолько привык к сливнику, что каждый раз в гостях искал его взглядом на столе и удивлялся, как другие без него обходятся. Ведь если разливать чай прямо из чайника, то кому-то достанется верхняя слабая заварка, а кому-то вся горечь со дна.

Прихлебывая горячую ароматную жидкость, они начали мозговой штурм. Сложность состояла в том, что Туманов нигде не работал, так что прийти к нему с профессиональным вопросом не представлялось возможным. Можно было нагрянуть под видом почтальона или водопроводчика, но как при такой легенде разговорить его, не выдавая себя? Да и водопроводчик из Колесова тот еще. Идею представиться оперуполномоченным забраковал еще Амгалан Тумэнович, и все трое с ним были согласны. Вряд ли человек, скрывающий Кучика, будет откровенен с полицейским.

– Вы говорите, он работал часовщиком. Причем крутым таким часовщиком, известным, заслуженным, – задумчиво произнесла Аня, наслаждаясь запахом, оставшимся из-под чая в пустой чашке. – Нельзя добиться успехов в том, что тебе не нравится. Думаю, он любит часы, а раз любит, то так или иначе возится с ними. Может, чинит их соседям или собирает дома что-то уникальное. Он не мог бросить свое дело.

– Так. Дайте мне интернет и полчаса не трогайте. Я что-нибудь накоплю. – У Данзара загорелись глаза. Вот уж кто точно любил свое дело!

Костя сомневался, что архивариус за полчаса найдет то, что не смог за целый день, с доступом в базу Ордена, но включил ноутбук. Надежда оставалась. Анино предположение выглядело довольно разумно.

Потребовалось больше часа и еще две заварки чая, прежде чем Данзар воскликнул: «Есть!» – и развернул ноутбук к ним экраном. Статья посвящалась людям с необычными увлечениями, и где-то в

середине рассказывалось об умельцах, собирающих из деталей часов фантастической красоты фигурки людей, животных, зданий. Размеры одних доходили до двух метров, другие, наоборот, умещались в ладони. Костя невольно залюбовался фотографиями таких статуй. Действительно красиво. А потом он увидел фамилию Туманов. И имя Андрей. О нем рассказывали как об умельце из Касимова.

— Вот тебе и зацепка. Хочешь — притворись, что у тебя такое же хобби. Хочешь — представься журналистом. Или коллекционером, желающим прикупить что-то из его поделок. Только я поеду в Касимов с тобой, — заявила Аня.

Костя напрягся:

— Нет. Это опасно.

— Чем опасен Касимов? — захлопала она ресницами и сложила губки бантиком. Ну прямо кукла. Так делала его Джун перед мужчинами, пытаясь от них что-то получить. — Я же там буду достопримечательности изучать.

Костя задумался. Ёккарганай, она действительно помогает, и он действительно хочет, чтобы она была рядом.

— Ладно. Достопримечательности — изучай, а к Туманову не пойдешь.

— Как скажешь, босс. — Аня развела руками, продолжая играть роль послушной девочки. — Я тогда поехала собирать вещи. Завтра в восемь у автобуса, да?

Костя кивнул, и Аня ускакала, одарив его на прощание улыбкой, растопившей все сомнения.

Данзар остался продумывать подробности, а Костя все пытался сосредоточиться на легенде. Вместо этого перед глазами то и дело всплывали то песочный локон, то ехидная улыбка, то округлые бедра.

После получаса обсуждений, еще одного чайника чая и споров Данзар предложил прийти к Туманову под видом влюбленного, ищущего запоминающийся подарок своей девушке. Костя вздрогнул. Неужели архивариус догадался о его сердечном томлении? На самом деле было неважно, под каким предлогом попасть в квартиру и что наплести. Все равно за десять минут втереться в доверие нереально. Особенно если человек на самом деле что-то скрывает. И десять минут у Кости будет в лучшем случае! Суть плана состояла в том, чтобы подбросить «жучок» и дальше слушать разговоры Туманова.

Такой план Амгалан Тумэнович одобрил:

– Я договорюсь, тебя у автобуса будет ждать Владек Витович Мазур. Отличный спец по средствам слежения, хотя характер у него – как порох. Но мне бы очень хотелось, чтобы вы сработались, – выделил командор слово «очень» и попросил Данзара «как обычно, сделать обеспечение легенды». Тот подтвердил, что управится к приезду Кости в Касимов.

– Да, с Владеком нелегко, взрывается действительно как порох, – скривился Данзар, когда командор положил трубку. – Но специалист он отменный. Тебе действительно полезно с ним подружиться.

Костя кивнул и внимательно посмотрел в глаза собрату по Ордену. Показалось или тот сейчас на что-то намекает? И Амгалан вот рекомендовал сработать... Неужели этот Мазур – командор службы безопасности? А если так, то в том числе и от его решения зависит судьба Кости в Ордене. Мирзоева предупреждала, что за ним будут приглядывать командоры Управлений, вот Мазур и решил лично оценить новенького?

Костя мысленно поставил себе зарубку обратить внимание на этого Мазура и расслабился. Заварил лао шен пуэр, протянул чашку Данзару. Тот глотнул, одобрительно покивал и откинулся на гладкую черную спинку дивана. В глазах засияли ехидные огоньки.

– Она же тебе нравится. Почему ты так боишься сделать шаг?

Костю будто мерин лягнул: на мгновение перехватило дыхание и заболело в груди. Он не привык обсуждать свои чувства. Несколько секунд понадобилось, чтобы вернуть контроль над собой, после чего родилась шальная мысль, что раньше ему и обсуждать особо нечего было, а сейчас появилось – так, может, стоит научиться?

– Я реинкарнатор. Я беспамятный. Зачем мне портить ей жизнь?

– Ерунда. Она кажется вполне взрослым человеком, способным самостоятельно испортить свою жизнь, без твоей помощи. Ты ей явно нравишься. По-моему, не она, а ты боишься разочарований и разбитого сердца.

– Она думает, что я полицейский, и не знает, как все на самом деле. Данзар, ты такой же. Старше меня, но не женат. Да кто из наших женат? Не знаю, как в Ордене, а у нас на «скорой» почти все холостяки: либо одиночки, либо бабники.

– В Ордене есть семейные. Не много, но есть. Женщины в основном. Им как-то проще совмещать. Но ты хотя бы попробуй!

Костя отставил чашку:

– Пробовал. Не получилось. Жена уверяла, что моя профессия – не проблема. А через год выяснилось – еще какая проблема! Проблема размером со статую сиамского Будды! Мы с ней жили, как два инопланетянина без переводчика: я говорил одно – она понимала другое, я делал что-то для нее – оказывалось, ей это не нужно. Впрочем, если молчал и ничего не делал, становилось еще хуже.

– Ха! Можно подумать, у обычных мужчин и женщин таких проблем не бывает. Вот мои родители мало того, что все помнили, так они еще в прошлой жизни были семейной парой. Только отец – женщиной, а мать – мужчиной. Казалось бы, у них должен получиться идеальный брак! Ага. Разошлись. А ребенка воспитывать я бы вообще им запретил. Впрочем, суд и запретил...

– Ребенка? Это в смысле тебя?

Данзар кивнул и замолчал. Костя его не торопил, понимал, что будет продолжение.

– Я расскажу мою историю, чтобы ты перестал загоняться прошлой жизнью. Выкинул бы из головы, что раз беспамятный, то к людям тебе нельзя, мол, будешь косячить, вести себя по-идиотски и все испортишь. У тебя хотя бы оправдание есть – ты новичок в этом мире, а вот у них... Нет никакого.

В детстве я был тонким и звонким. Родители, убежденные веганы и буддисты, кормили меня пророщенной пшеницей, и мне было нормально. Правда нормально. Меня вместо театра, цирка и куда еще принято с детьми ходить водили в дацаны и монастыри, читали мне на ночь сутры вместо сказок, пели мантры вместо колыбельных, и мне было нормально. Я хорошо учился в обычной школе, у меня были приятели, футбол во дворе по воскресеньям и счастливое детство. Единственное, чего у меня не было, – памяти. Родителей это напрягало, но они надеялись, что я просто еще маленький и все вспомню позже. Увы, в четырнадцать лет я почуял смерть, о чем беспечно и разболтал матери. Это стало фатальной ошибкой. Я не знал, как они относились к беспамятным, мы это никогда не обсуждали.

В общем, с того дня меня заперли в квартире, почти не давали даже ростков пшеницы и заставляли делать простирания. Вначале тысячу в день, потом – две тысячи, потом, когда не помогло, три.

Костя вздрогнул. Он видел простирания верующих в храмах. Считается, что это лучший способ очистки неблагой кармы, и фанатики делают их тысячами, помня о трех с половиной миллионах простираний великого буддистского учителя ламы Цонкапы. Он сделал их, раздирая в кровь колени, локти и ладони, так что на полу храма остался отпечаток его тела.

Вообще, это больше похоже на физическое упражнение. Вначале сложенные ладони поднимают к макушке, потом прикладывают ко лбу, горлу и к грудной клетке. Потом встают на колени, опираются руками о пол и вытягиваются полностью, скользя ладонями вперед. Поднимаются на ноги в обратной последовательности. Это одно простиранье. При этом верующий читает специальные мантры. Для четырнадцатилетнего мальчика тысяча простираний в день – довольно большая нагрузка, а чтобы сделать три тысячи – нужно только этим и заниматься.

– Мать мне объяснила, что беспамятство и способность чуять смерть – это признаки очень плохой кармы, поэтому если я буду усердно молиться и каяться, если очищу карму, то смогу вспомнить прошлую жизнь и стану нормальным. Я ей верил.

– Погоди, ты сказал, они у тебя буддисты. Откуда такая ересь в головах?

– Ты что, не знаешь, как сангха относится к чующим смерть?

Костя пожал плечами:

– Ну знаю, что религиозные деятели не любят Орден и не особо жалуют Скорую реинкарнаторскую, но всегда считал, что виной тому споры о собственности и борьба за сферы влияния.

– Это уже следствие. Изначально в монастырях и дацанах пугали беспамятными: мол, они асуры в человеческом обличье. А религиозная среда весьма консервативна и очень неохотно меняет свое мнение.

Костя кивнул, и Данзар продолжил:

– Так прошло почти два года. Два адских года. Несмотря на разные приспособления для простираний, колени и ладони у меня постоянно кровили, я постоянно хотел есть и выглядел как скелет, уже ничего не соображал, лишь одно понимал: все это меня убивает. Тогда я

попробовал сбежать. Отец меня нашел, вернул и посадил на цепь. На длинную цепь. Чтобы не мешала простираниям. А мать решила, что стоит испробовать последнее средство: сорокадневную голодовку. Ну ты помнишь, что просветления Сидхартха Гаутама достиг под деревом Бодхи после сорокадевятидневной медитации?

– А ничего, что чуть ранее он пришел к выводу, что жесткая аскеза не способствует духовному развитию? – поразился Костя.

– Ничего, – хмыкнул Данзар. – Такие мелочи не отбили моим родителям желание причинить мне добро.

В общем, сознание я потерял где-то на двадцатый день. Мать перепугалась и все-таки вызвала «скорую» помочь. В больнице медсестра догадалась спросить, что со мной произошло, и я как честный мальчик все ей рассказал. В общем, дальше уже другая история. Мать с отцом лишили родительских прав, меня отправили в детский дом для беспамятных. Через полгода родители развелись и, насколько мне известно, больше практически не общались.

– Детский дом для беспамятных? Есть и такие?!

Чай в сливнике остыл, но ни Костя, ни Данзар о нем так и не вспомнили.

– Лучше тебе о нем не знать. Это оказалось еще более кошмарным местом. Так что, когда мать через год добилась восстановления своих прав и предложила вернуться, я согласился не раздумывая. Благо до совершеннолетия мне оставался всего год.

– Ёккарганай, что же там творилось, в этом детском доме?..

– Эксперименты. Там опытным путем изучали, как работает наш мозг. Например, каждый день нас водили в хосписы, а по возвращении все воспитанники заполняли анкеты: за сколько времени почуяли смерть, на каком расстоянии, личные ощущения и тому подобное. Сравнивали, кто раньше, кто больше, «передовиков» хвалили и кормили дополнительным ужином. Умирающих через нас проходило не один-два человека, а десятки в день.

У Кости слова застряли в горле. Он, взрослый мужик, с трудом переносит десять смертей в сутки, и это одна смена, после которой один-два дня перерыв, когда накрывает отходняк и хочется удавиться. О том, какая это нагрузка на детскую психику, он даже не мог себе представить.

– Я сейчас через Орден пытаюсь потихоньку поднимать эту тему, вывожу ее на широкое обсуждение, ведь мало кто знает, что в этих детдомах происходит, но все очень сложно. Полностью закрытые учреждения, даже в тюрьму проще пробиться. Впрочем, мы уже ушли в сторону. Я все это тебе рассказал не для того, чтобы поплакаться, какая тяжелая у меня была юность, а чтобы ты понял, как косячат нормальные люди, те, кто помнит.

– Ты так и остался жить с матерью?

– Нет, в день, когда исполнилось восемнадцать, сбежал. Без вещей и почти без денег. Колесил по стране, подрабатывал где мог – на нормальную работу меня никто не брал, я ведь даже девять классов не окончил. В знак протesta начал есть мясо, рыбу, всякую ерунду типа шоколадок, печенек и прочего – в общем, перешел с сативической пищи на самую грубую и примитивную. Начал пить алкоголь, курить, но сигареты быстро бросил, а вот мясо полюбил и до сих пор ограблю за это презрительные взгляды и насмешки. Ну ты знаешь, сам не веган. – Данзар хлебнул чаю, но тот, остывший, потерял почти весь свой вкус.

Костя кивнул. О, эти взгляды на тебя как на убийцу за то, что на твоей тарелке лежит свиная отбивная! Было дело, из-за мяса у него сорвалось свидание. Как звали ту рыженьку? Настя? Надя? Он пригласил ее в кафе, но сдуру попросил официанта принести стейк. Настино выражение лица он еще долго помнил: смесь ужаса и презрения. Рыженькая, надув губы и хлопая ресницами, молча поднялась и ушла. Впрочем, на фоне дальнейшего отношения к реинкарнаторам насмешки по поводу мяса стали казаться Косте полной чепухой и уже давно не трогали.

– М-да. А я считал, что это у меня сложные отношения с родителями! – Колесов грустно улыбнулся и осушил чашку, даже не заметив, что в ней.

– Вот и не придумывай проблем там, где их нет. Если, конечно, не стремишься следовать завету Будды Шакьямуни и исследовать истину страдания до конца. Ладно, тебе завтра вставать ни свет ни заря, так что я удаляюсь. Спасибо за чай, я оценил. И удачной поездки, инспектор.

Косте казалось, что после всех событий сегодняшнего вечера заснуть он не сможет, но отключился, стоило только забраться под

одеяло. Через пять часов по звонку будильника он в полусне оделся и побрел на улицу. Холодный воздух взбодрил, но ненадолго: в духоте московского метро опять сморило. Зато при виде смешной шапки с ушками и ярко-зеленой куртки, выделявшейся на фоне черных и коричневых пальто, Костя моментально проснулся.

– Не выспался? – посочувствовала Аня.

– Ничего, я привык. – Он вновь ощущал себя подростком. Топтался и не знал, что сказать. Наконец вспомнил, что Аня еще не в курсе их окончательного плана и не знает, что с ними едет третий. И лучше бы его как-то представить.

– С нами будет еще мой коллега, специалист по средствам слежения. Я, правда, не знаю, как он выглядит, – мы не встречались. Знаю лишь, что зовут его Владек Витович Мазур. Похоже, поляк.

«И как его опознать?» – задумался Костя, поняв, что не спросил даже возраста безопасника.

Колесов закрутил головой в его поисках. Может, это вон тот парень в спортивных штанах, жующий хоттук? Или сосредоточенный старик в длинном пальто и старомодном цилиндре? Или коренастый мужчина, похожий на работягу с вахты, что неуклюже тыкал большими пальцами в маленький телефон?

– Константин Юрьевич? – Безопаснику оказалось около сорока пяти; черное пальто, выпрямка, будто у военного, стриженные под машинку волосы, широкая шея, пухлые губы и высокомерный взгляд опытного сотрудника на новичка.

– Владек Витович?

Они пожали друг другу руки, и Костя представил ему Аню. Мазур дернулся, словно перед его носом помахали мышью на веревочке. Несколько секунд молчал, а затем выплюнул:

– Меня не предупредили, что ты будешь со своей бабой.

Костя почувствовал, как покрывается железной непробиваемой коркой, слова зазвенели металлом:

– Анна – мой помощник.

– У нас не принято брать на расследование своих личных помощниц.

– Она не личный помощник, а помощник в расследовании.

Костя представил, как бьет по этим пухлым губам, и безопасник вместо оскорблений выплевывает кровь и зубы. Но он понимал, что не

ударит. Не сейчас. Это могло повредить делу. Лишь холодно отрезал:

– С командором согласовано.

– Ой ли? – хмыкнул Мазур. – Монах бабу согласовал?

– А ты позвони и спроси. – Костя резко протянул свой телефон.

Безопасник глянул ему в глаза, будто залез через них в душу и там все узнал, затем дернул губой, хмыкая. Демонстративно отошел в сторону и крутанул колесико зажигалки, прикуривая. Больше он не обращал внимания на обоих до самого Касимова.

Костя лишь после всей перепалки глянул на Аню. Та, кажется, даже не поняла, что произошло: стояла совершенно спокойно, не утратив хорошего расположения духа и легкой улыбки на лице. Конечно, она все слышала. Надеялась, что Костя разберется? Или же ее просто такие слова не цепляют? Он выяснить не стал: не сейчас и не тут. Но ситуация с безопасником напрягла. Взрывной характер – это не то слово! Мазур просто хам! А ведь им вместе работать несколько дней... и оба уже совсем не в восторге от этого. Кажется, Амгалан Тумэнович и Данзар не зря предупреждали.

Да, может, этот хам и командор, но сейчас имеет значение только его опыт работы с «жучками». Им нужно найти Кучика, а уж проверяют при этом Костю или нет – дело десятое. Хотя и неприятное. Костя мысленно вздохнул. Поездка с этим типом обещала стать испытанием его терпимости. Ему и так-то тяжело выдерживать людей, а уж хамов...

Места в автобусе у Кости и Ани оказались рядом, у Мазура – за два ряда от них, и Костя порадовался этой мелочи.

– Ну и мерзкий же тип! Извини, что тебе пришлось выслушивать эти гадости, – повернулся он к Ане, когда автобус поехал. Та пожала плечами.

– Ерунда. Пусть.

– Но он оскорблял тебя!

– Он оскорблял, а я не оскорблялась.

Костя завистливо вздохнул.

– Стальное у тебя спокойствие. Буддистское прямо! Я так не умею.

– Ты просто забываешь, что только сам можешь навредить себе, никто другой этого не может.

– Как же, не может! А если этот Мазур – командор... – тут Костя понял, что чуть не проговорился и сразу перевел тему. – Если Мазур

наябедничает моему руководству, то меня и уволить могут. Это не вред?

В синих глазах блеснули искорки, и Аня вспомнила слова индийского мыслителя, буддистского монаха:

– Шантидева говорил: «Когда человек заболевает, у него нет выбора – он заболел, и у него появляются симптомы болезни: кашель и прочее. Было бы глупо испытывать гнев на то, что человек кашляет, – у него нет выбора. Наоборот, надо испытывать сострадание в этот момент. И точно так же никто не хочет злиться, гнев сам по себе возникает, как болезнь ума, и затем появляется и „кашель“ в виде грубых слов, ругательств». В общем, не надо реагировать на гнев, на неприятные слова – тот, кто их говорит, в этот момент болен. Не стоит заражаться его болезнью. Наоборот, надо стать врачом, сделать что-то, чтобы гнев этого человека успокоился.

– Легко говорить...

– Нелегко, но это единственный путь, чтобы стать счастливым и не испортить себе и ему карму.

– Это что, если я осажу хама, то испорчу себе карму? Мне надо молча обтекать?

– Один раз обозвал человека собакой – создал себе причину для того, чтобы пятьсот раз получить рождение в виде собаки. Оно того стоит?

– Действительно, – хохотнул Костя, – пусть лучше Мазур пятьсот раз собакой родится.

Аня вздохнула и поправила волосы. Костя засмотрелся и не сразу услышал ее слова:

– Вот поэтому ты и несчастлив, поэтому постоянно страдаешь.

– Это почему же?

– Потому что, когда вредишь другим, еще больше вредишь самому себе. Желать зла другому – это тоже вред. Мы же все живем во взаимозависимом мире, каждый друг от друга зависит: прямо или косвенно. Любое живое существо в прошлом, настоящем и будущем зависит от других живых существ.

Костя надолго замолчал, разглядывая город через окно автобуса. Теперь понятнее Анино поведение... Ясно, почему там, где обычный человек впадет в панику или истерику, она демонстрирует спокойствие, уверенность и оптимизм. И ее отношение к нему стало

понятнее. Это не женская симпатия к мужчине. Просто она верующая буддистка. Не такая, как большинство обычных людей, а по-настоящему верующая. Может быть, в прошлой жизни она была монахом, а сейчас выбрала мирской путь помочи людям и работает на «скорой».

Костя никогда тесно не общался с истинно верующими и уж точно никогда не влюблялся в таких. Да, Джун заявляла, что она буддистка, но ее «веры» хватало лишь на вегетарианство и поход в дацан на торжественный молебен в ночь на Новый год, после чего она весь «белый месяц» моталась по вечеринкам. Настоящих верующих же Костя побаивался, не понимал, как себя с ними вести, и старался держаться от них подальше. И вот жизнь его столкнула с Аней.

Она не выглядела фанатиком и вроде не использовала всю эту сверхъестественную чушь вроде подношений духам, астрологического календаря и прочего язычества а-ля «эзотерический буддизм». «Ну да, а еще у меня командор, похоже, бывший буддистский монах, и я пытаюсь вступить в религиозный Орден», – напомнил себе Костя. Похоже, пришло время пересмотреть свое отношение к религии и если не принять ее, то хотя бы не противиться ей.

– Да, многие зависят от окружающих, но ведь можно так выстроить собственную жизнь, чтобы не зависеть ни от кого, – решил Костя продолжить этот философский диспут. Теперь настал черед Ани задуматься и молчать, но недолго.

– Я расскажу одну притчу. Жил-был богатый человек, и в один из дней поехал он в город, чтобы выгодно продать на аукционе несколько картин, а заодно навестить давнего друга, шеф-повара известного ресторана. Богач ехал на дорогой машине, и его сопровождал джип охраны. Тем временем по обочине шел в город буддистский монах. Богач увидел его и решил: «Подвезу его – сделаю благое дело, что улучшит мне карму». Сказано – сделано. Монах поблагодарил за заботу и сел на заднее сиденье автомобиля. Но проехали совсем немного, как узкий путь оказался перегорожен грузовиком. Оказывается, рыбак вез устриц и так торопился на рынок, что не заметил железяку и пропорол колесо. Грузовик развернуло, и одному тут было не справиться.

Богач же торопился на аукцион, поэтому решил не тратить время, а приказал своей охране выпихнуть грузовик в овраг, что те и сделали.

Монах увидел это и остался помогать рыбаку. С грузовиком возились долго, но в конце концов и из оврага вытащили, и колесо заменили. Глядь – а на дороге кошелек с деньгами. Монах смекнул, что богач обронил его, когда выходил из машины.

«Как я могу отблагодарить тебя за помощь?» – спросил рыбак.

«Найди владельца этого кошелька и верни его», – ответил монах.

Тем временем богач уже приехал в город и при заселении в отель узнал о своей пропаже. Он решил, что телохранители его обокрали, наорал на них и пригрозил уволить. Те многие годы служили ему верой и правдой, и их всегда оскорбляло такое отношение. Не первый раз уже на них спускали собак, причем чаще всего – просто не разобравшись в ситуации. Так что, когда богач вышел из номера, телохранители забрали его картины и ушли, решив, что хватит с них терпеть такого хозяина.

Богач пришел в ресторан навестить друга и узнал о катастрофе. Оказывается, вечером ожидался банкет и гости заказали устриц, но завистники шеф-повара, прознав про это, скупили всех устриц на рынке. Рынок уже закрылся, и что делать – непонятно. На банкете ожидались очень известные и влиятельные люди, и шеф-повар сходил с ума. Богач утешал друга, но ничего не мог посоветовать, как вдруг увидел того самого рыбака в грязной рубахе. Тот вернулся кошелек, объяснив, где его нашел, и богач тут же вспомнил, какой товар он вез в грузовике. Радостный шеф-повар заплатил тройную цену за все устрицы – рыбак и надеяться не мог, что так выгодно их продаст!

Вернувшись в отель, богач обнаружил, что телохранители его обокрали. Он вспомнил монаха, буддийское учение, весь свой день и вместо того, чтобы кричать, топать ногами и грозить небесам, как он делал всегда, если с ним случалась беда, – лишь вздохнул. Внезапно он увидел все связи, понял, что создал эту ситуацию своими руками, понял, что это не гнев богов или несправедливость мироздания, но неминуемая карма, которую он сотворил сам.

– Я твою мысль понял, – кивнул Костя. – Но как ты предлагаешь применять это в реальной жизни? Вот когда я в форме, на дежурстве... – Костя хотел сказать в «скорой», но вовремя вспомнил, что он оперуполномоченный, а не реинкарнатор. – Знаешь, сколько гадостей приходится в свой адрес выслушивать? Впрочем, ладно, на слова я стараюсь не обращать внимания. Но когда я в патруле,

например, и мне надо задержать преступника, а он сопротивляется, – что, проникнуться буддийскими принципами и не причинять ему вреда? Ждать, пока преступник кого-нибудь убьет, а потом придет сам сдаваться в полицию?

– Ну зачем ты утириуешь? Буддизм не отменяет здравый смысл. Принцип ахимсы, непричинения вреда – это не бездумное следование какому-то канону.

– А как иначе? Нельзя же нарушать основные принципы!

– Хорошо. Вот тебе пример: ты решил практиковать сатью, то есть взял на себя обещание не врать, не обманывать. И вот ты стоишь возле дома, а мимо как очумелый проносится парень в красной куртке. Через несколько минут к тебе подходит человек с ножом и спрашивает: «Не видел тут парня в красной куртке? Куда он побежал?» Что ты ответишь?

– Лично я – совру, скажу, что парня видел, но укажу неверное направление. Но если я буддист и практикую сатью... наверное, должен сказать правду?

– Если ты скажешь правду, то ты хреновый буддист, – улыбнулась Аня.

– Почему? Разве можно нарушать свои обеты?

– Нет, обеты нарушать, конечно, плохо, но нужно перед совершением поступков анализировать, приведут они к благой карме или неблагой. Где больше неблагой кармы: способствовать убийству живого существа или солгать? Убийство хуже. Кроме того, если в данном случае соврать, то ты не только спасешь жизнь живого существа, но и поможешь тому человеку не совершить убийство, предотвратив появление у него неблагой кармы, за которую ему потом расплачиваться.

– М-да. Как все запутано. Мне казалось, что религия как раз дает простые ответы на сложные вопросы и четкие инструкции, как достичнуть просветления и стать счастливым.

– Дает, – подтвердила Аня. – Но без мудрости ими не получится воспользоваться. Заставь глупца простирания делать – он весь лоб расшибет. Мудрые люди заботятся о счастье в следующей жизни, и счастье в этой жизни к ним приходит само по себе. Не мудрые же люди думают только о том, как испытать радость в этой жизни, и даже в этой жизни у них нет счастья.

«Видимо, я совсем дурак, – подумал Костя, – я даже о радости не забочусь». Он не заметил, как пролетело время за беседой. Автобус тряхнуло, затем еще раз, и внезапно оказалось, что они приехали.

Касимов произвел странное впечатление. С одной стороны – это российский центр по производству пластин для записи кармы. Огромный завод построили около пятидесяти лет назад, и с тех пор он обеспечивал пластинами всех реинкарнаторов центральноевропейской части страны. Аня загорелась идеей сходить в музей завода. Там, помимо старого оборудования и документов времен строительства, хранилась уникальная экспозиция раритетов. Была даже пластина с кармой Сайн-Булата. Костя, правда, сомневался в ее подлинности – столько веков прошло! Но Аня уверяла, что экспонат подлинный. Как известно, касимовский царь всея Руси жил долго, карму записывал часто, вот одна из промежуточных и сохранилась.

С другой стороны – город переживал не лучшие времена. Под ногами – разбитый асфальт и лужи, на улицах – бродяги. Один такой, в подземном переходе, грелся и умолял о подаянии, протягивая прохожим пластиковый стаканчик, но руки так дрожали, что мелочь со звоном рассыпалась по грязному мраморному полу, и бродяга громко матюгнулся. Многие фонари разбиты. Сейчас, в разгар дня, света солнца, что еле пробивался сквозь затянутое тучами небо, хватало, но Косте бы не хотелось ходить по касимовским улицам ночью. Серые кубы домов не добавляли красок и жизнерадостности, зато квартиры в них стоили дешево, так что руководство завода щедро раздавало их работникам. Ну хоть что-то.

Любой школьник времен Костиной юности знал, что Касимов знаменит своими пластинами. По сути, это был моногород. Несколько тысяч работников обеспечивали полный цикл производства: от выплавки нужной стали до упаковки с этикеткой. Завод занимал третье место в стране по объему выпуска пластин после Екатеринбурга и Усть-Зеи, что по Амуру граничит с китайским Хэйхэ.

Это-то и подкосило город, когда Европа завалила мир дешевыми товарами. Да, немецкие пластинки хуже, но цена ниже почти вдвое. И конечно, нищее Минреинкарнации стало закупать именно их, несмотря на то что брака в слепках серьезно прибавилось. Госзаказы в Касимове упали почти до нуля, ну а для розницы касимовский товар не годился. Мало кто сейчас держит у себя на всякий случай чистую

пластину – если только совсем древние старики, которые еще от своих дедов слышали, как те копили всю жизнь на похороны. И не дай Будда умереть раньше, чем наберешь нужную сумму! Сталь тогда ой какая дорогая была!

Сейчас для выполнения заказов хватало пятой части заводских мощностей, сотрудников поувольняли, другой работы в городе не было, и Касимов потихоньку вымирал. Руководство пыталось переориентироваться на экспорт, заключать договоры с экономически развитыми странами, такими как Тибет, Китай, Сиам, Индия, Лансанг и даже с их колониями в Америке и Африке. Но там хватало своей высококачественной продукции.

На металлургических заводах Екатеринбурга и Усть-Зеи столкнулись с теми же трудностями, но смогли частично переориентироваться на другое производство. К тому же в этих городах-миллионниках работы всем хватало: только заводов там было больше десятка. Немногочисленным касимовцам не оставалось ничего другого, кроме как уезжать на заработки в Москву, а это пять часов на автобусе только в одну сторону. Работали вахтами, жили в общежитиях по десять человек в комнате, питались дешевой лапшой, месяцами не видели жен и детей. Или же оставались дома и пили. На водку денег уже не хватало, поэтому гнали самогон.

Первое, что увидели Костя, Аня и Владек Витович на центральной площади – резную стелу с часами. Ту самую! Как на фотографии! Стелу окружала металлическая ограда, рядом прогуливался усатый полицейский с резиновой дубинкой ирацией, из которой что-то шипело. На вопрос, зачем тут ограда и полиция, он вальяжно, но добродушно пояснил, что стела – это памятник архитектуры, охраняется государством, а малолетние вандалы регулярно пытаются вырезать на ней свои инициалы или популярное русское слово из трех букв.

Аня огорчилась, что издали не сможет хорошоенько рассмотреть резьбу, но усатый махнул дубинкой в сторону группы старушек, намекнув, что эти предпринимательницы с удовольствием предоставят в пользование бинокль. После непродолжительной беседы с ними сторговались на сто рублей за пять минут. Судя по виду и размеру биноклей, в прошлой жизни те явно обитали в театре. Вероятно, вместе со старушками. Правда, и те и другие тогда были моложе.

Дерево за эти годы немного ссохлось и потрескалось, а может, это ловкие мальчишки все же оставили свои отметины, но многие искусно вырезанные фигурки потрескались, будто покрылись паутиной. Тем не менее созерцание этой титанической и прекрасной работы привело в восторг. Костя узнал сцену заключения мира в Великой войне под патронажем Далай-ламы V. Сложно не узнать то, что подробно описано во всех учебниках истории, изображено на множестве картин, о чем написаны тонны книг и сняты километры кинопленки.

Аня с интересом рассматривала в бинокль стелу, то хмыкая, то, наоборот, хмурясь. Костя не предполагал, что это вызовет у нее столько эмоций! Ну вот, уже не бесцельно свозил девушку на экскурсию. Мазур молчал, но всеми своими видом показывал, что его все бесит. Эта поездка, этот новенький инспектор и особенно эта баба, пляящаяся на какую-то ерунду. Лишь мельком глянул он на произведение искусства и смолил одну сигарету за другой, ожидая, пока инспектор двинется дальше.

Костя задрал голову, рассматривая часы. Ажурные стрелки изящно смотрелись на циферблате, похожем на большое блюдце из тончайшего китайского фарфора. В промышленном городе, среди работяг и нищих, часы казались даром богов. Их явно делали во времена расцвета Касимова, и, вероятно, мастер набирался вдохновения и умения не в этом месте. Скорее всего, Туманов переехал сюда из каких-то более просвещенных и утонченных земель. Но почему остался? Любовь? Несчастье? Или от кого-то прятался? Костя вспомнил кадр, где тот пытается прикрыть лицо. Это случайный жест или нет? Сплошные вопросы.

– Может, твоя баба останется плятиться на деревяшку, а мы займемся делом? – не выдержал Мазур. – То есть я имел в виду – ваша личная помощница.

Костя почувствовал, как адреналин впрыскивается в кровь.

– Да вы идите, я догоню, – легонько коснулась его руки Аня и улыбнулась. Удивительно, но этого оказалось достаточно, чтобы мозги заработали вновь ясно и спокойно. Врезать возможному командору – не лучший способ построить карьеру, но и терпеть его дальше Костя не мог, так что предложил разделиться.

Оставив Аню на площади, поймал такси и продиктовал адрес райкома Ордена. Внучка Леона намеревалась облазить все музеи

города, благо их тут не очень много. Владек Витович же взял другое такси и поехал к дому Туманова: изучить окрестности и выбрать наилучшее место для прослушки.

Дом по Рабочей улице сказал о состоянии райкома больше, чем любой разговор с его сотрудниками. Наверное, здание построили еще в прошлом веке и с тех пор не только не ремонтировали, но даже не убирались в нем. Входная дверь, поскрипывая, болталась на одной петле, а из подъезда несло кошками, табаком и чем-то кислым. Потемневшая табличка рядом с квартирой на первом этаже гласила, что тут находится некое «АРС-транс», но Костю это не обмануло. Комитеты Ордена никогда не работают открыто. В регионах они чаще всего маскируются под офис небольшой фирмы, а на здании московского горкома, например, и вовсе нет никаких опознавательных знаков.

Костя вдавил кнопку звонка, и вскоре из-за двери появилась лохматая рыжая кудрявая шевелюра. У ее обладателя оказались голубые глаза и лицо, усыпанное веснушками, как у того лопоухого, Юры. На тридцать пять лет этот юнец совсем не тянул. Костя только открыл рот, чтобы попросить позвать старшего, как рыжий возмущенно начал его отчитывать:

– Это опять вы?! Еще и недели не прошло! Мы же договорились, что все оплатим, как только придут деньги. Кому вы еще сдадите эту халупу? Можно подумать, на нее прям очередь желающих!

Костя посмотрел на себя глазами этого юнца. Взрослый мужик в черном длинном пальто и с суровым выражением лица: ну точно недовольный арендодатель! Не сдержавшись, он улыбнулся и хмыкнул. Рыжий резко замолчал и ошарашенно уставился на гостя, а Костя вновь стал серьезным и тихо приказал:

– Старшего позови.

Лохматая шевелюра нырнула в дебри офиса, откуда доносился запах кофе. Впрочем, долго ждать не пришлось. Дверь широко распахнулась, и на пороге показался седой старик лет шестидесяти в шерстяной кофте, изъеденной молью. Кофта казалась его ровесником.

– Вы ведь не из Каскомимущества.

Костя отрицательно покачал головой.

– Кто вы?

– Я войду?

Старик посторонился, и Костя перешагнул порог.

– Москвич небось?

Костя кивнул.

– С проверкой, что ли?

– Нет. Я тут по делам, а к вам Амгалан Тумэнович просил заехать, посмотреть, как живете, не надо ли чего.

– Живем хорошо. Денег нет, работы нет, людей нет, надо уйму чего, но вы ж все равно не дадите. Ну, проходи, раз приехал, не стой в коридоре. Пойдем кофе попьем. – Тапочками, стертыми до состояния балеток, старик прошмыгнул в сторону кухни.

О том, что пропуск в кармане служит не только для прохода в офис московского горкома, но является опознавательным знаком члена Ордена, Косте рассказали на экспресс-курсах. Все офисы Ордена по всему миру оборудованы специальными рамками: проходишь сквозь нее, и сканер считывает информацию с карты. Если у тебя есть допуск, то лампочка загорается зеленым, нет допуска – красным, вообще нет карты – датчик не срабатывает, лампочка не загорается. Все просто.

Впрочем, принцип работы сканера им не раскрыли. Карта явно не магнитная. Надежда Сергеевна с курсов уверяла, что запись на ней невозможно стереть или повредить – если, конечно, сам носитель цел. А еще она обмолвилась, что более сложные сканеры считывают не только уровень доступа, но и личную информацию: имя, должность, возраст и Будда знает что еще.

Офис касимовского комитета располагался в обычной однушке. На плите, оставшейся на кухне еще со времен татаро-монгольского ига, кипел чайник со свистком. Костя уже и не помнил, когда такие видел в последний раз. Кажется, у бабушки. В чашку с крупно намалеванной розой и сколотым краем стариk плеснул кипятку и только потом спросил, чаю или кофе. Костя прикинул, какой тут может быть чай, и выбрал кофе, насыпав пару ложек из жестяной банки.

— Константин Юрьевич Колесов, инспектор, — протянул он руку. Стариk быстро обтер свою ладонь о кофту и пожал в ответ.

— Валерий Иванович Хоботков. Управление внутренней безопасности.

Колесов хлебнул огненно-горячий кофе и обжег язык. Ну надо же! Кто бы мог подумать... Безопасник!

— А что там за юноша? И сколько ему лет?

Судя по внешности, рыжему еще и восемнадцати не исполнилось, то есть он никак не мог быть членом Ордена, а допускать посторонних в офис райкома, насколько знал Костя, строжайше запрещено.

У безопасника чуть заметно дрогнула рука с чашкой.

— Антон его зовут. Сирота. Беспризорник. Он чует смерть.

Вопрос о возрасте Хоботков проигнорировал, и Костя уже все понял, но настоял на ответе.

— Лет ему сколько?

— Слушай, ты сказал, что приехал по своим делам, — вот и занимайся ими! Не лезь в наши. Мы тут как-нибудь сами разберемся.

Облокотившись о клеенчатую скатерть, Костя впился в светло-серые глаза безопасника. Первым не выдержал стариk.

— Он член Ордена?

— Да нету в Касимове больше Ордена! Все развалилось! На мне последнем держится, как сарай на трухлявой палке: пни — и рассыпается! — психанул Хоботков, с надрывом выкрикивая каждую фразу. — Мне уже семьдесят шесть! У меня подагра, артроз и перенесенный инфаркт. Единственное, что я могу, — отвечать на телефонные звонки и идиотские письма от руководства. А этого мальчика я учю! Воспитываю в принципах Ордена! Он станет хорошим сотрудником. Получше многих! И он тут пашет! И за инспектора, и за архивариуса, и за безопасника, и за асура лысого! Хочешь сдать нас? Давай! Вперед! Парня вышибут пинком под зад! Он снова пойдет

бродяжничать и воровать. Я помру. Отделения в Касимове больше не будет! А тебе объявят благодарность!

– Дед, успокойся! Устроил тут истерику! А еще в безопасности работаешь! – рявкнул Костя, словно на паникующего пациента, к которому приехал делать слепок.

Валерий Хоботков и правда замолчал. Успокоился ли? Не факт. В таком состоянии люди могут творить что угодно. Бывает, что затишье приводит к очередной буре, еще более сильной, а то и к попытке избить или даже убить реинкарнатора. Так что Костя старался не выпускать старика из поля зрения. Тот может решить, что терять ему уже нечего, и проще московского пижона просто огреть чайником или пырнуть ножом и сделать вид, что никто и не приходил.

– Эй, Антон! Иди-ка сюда! – крикнул Костя, решив, что при парне старику будет держать себя в руках. Ну и, может, этот рыжий что-то внятно расскажет.

Тот моментально возник в дверях: видимо, ждал. Костя махнул ему, мол, присаживайся.

– Пока твой наставник пытается успокоиться, расскажи-ка мне, что у вас тут происходит? Почему такой упадок? Где все остальные беспамятные?

– Где? Да в Москве, где ж еще? Завод как захирел, так весь город и помирает. Раньше, когда нормально работал, отчислял столько налогов в городской бюджет, что хватало на все: я маленький был, помню, и детские парки открывались, и автобусы новенькие ездили, и праздники проводили. А теперь в бюджете минус, школы и детские сады не ремонтируют, медикам и учителям зарплаты не платят, трубы постоянно прорывает, и даже на Сагаалган гуляний не организуют! И реинкарнаторская служба уже тоже давно в упадке.

Костя хмыкнул. Юнец вряд ли сам начал бы рассуждать такими категориями. Чувствуется мастерская обработка наставника.

– Это тебе Валерий Иванович открыл глаза?

Антон потупился:

– Да я и сам все вижу. Не дурак.

– Ну хорошо. Не дурак. Но как это все связано с вашим комитетом?

Вы ведь не на госфинансировании в отличие от реинкарнаторов.

– Люди уезжают. И члены Ордена тоже. Тут ловить нечего, – вклинился старику. Он уже немного успокоился, только хриплый голос

выдавал недавнюю истерику. – Людей нет, а что за Орден без людей? Деньги сами не поймают преступника, не будут вести архив, обеспечивать безопасность. Нужны люди. А у нас, почитай, на весь город осталось человек пять беспамятных.

– А из других городов не приезжают?

Старик только фыркнул. Костя и сам понял, что сморозил глупость. Кто сюда поедет?

Хоботков глотнул уже почти остывший кофе и с интересом уставился на чашку, избегая смотреть Косте в глаза.

– Раньше к нам часто гости из Ордена приезжали. Не только из московского, из других регионов. Хлопов и Никитина – безопасники из Оренбурга, Стас Комаров из Ростова, да много кто! Больше всего мы дружили с ребятами из Ликино-Дулево. Вот эти чашки – их подарок, знаменитый дулевский фарфор. Посмотрите на трещины и сами догадайтесь, когда последний раз у нас были гости.

От этих слов веяло такой безысходностью, что Антон встревожился и решил подбодрить:

– Дядя Валера, мы прорвемся, восстановим райком!

Но старик пропустил это мимо ушей, нырнув в воспоминания. Наверное, видел себя сейчас молодым и сильным, в окружении коллег. Завод работал, жизнь кипела.

– Вы ведь меня не выдадите? – с мольбой в голосе спросил Антон.

Костя сглотнул. Ситуация сложилась неоднозначная, и он не понимал, как поступить. Впрочем, об этом можно подумать позже, а сейчас пугать рыжего и его наставника явно не стоит.

– Не переживай об этом. Помоги мне разузнать кое-что об одном человеке из Касимова. Посмотри, есть ли в базе данных что-то на Андрея Туманова.

– Мне дядя Валера не разрешает выходить в общую базу, но у нас есть касимовская локалка. Если он проходил через наш райком – я найду.

Старика оставили на кухне, Антон плюхнулся на продавленный диван, зажатый стеллажами с папками, и привычно зашуршал по клавишам. Судя по завываниям большого допотопного компьютера, вентилятор у него требовал замены.

При первом впечатлении казалось, что рыжий одет молодежно. Оранжевая футболка с карикатурно нарисованным монахом в обнимку

с девушкой и надписью: «Живи, как в последний раз». У молодежи это сейчас модно: разные шуточки про уход в нирвану, про буддизм и память. Обилие жизней их тяготит. Хочется получить удовольствие здесь и сейчас и не думать о том, что завтра придется расхлебывать последствия. Хочется выйти из сансары, но не трудиться ради этого. Некоторые, правда, снизили планку: согласны и на перерождение в мире богов, так и быть. Но максимум, на что они готовы ради этого, – поставить какой-нибудь религиозный статус в соцсетях и подписатьсь на флешмоб: «Сделай сто добрых дел». Совершать эти дела уже вроде как и не обязательно.

Но, приглядевшись, Костя понял, что у рыжего с деньгами швах. Футболка – стираная-перестираная, брюки такие ни один уважающий себя подросток не наденет: полушенстяные костюмные штаны – это что-то из дедушкиного шкафа. Возможно, их даже отдал ему Хоботков. Похоже, фраза, что Антон пойдет бродяжничать и воровать, если его выгнать отсюда, – не преувеличение, а реальность. Где старик вообще откопал этого парня? Какая судьба свела их вместе? И почему вдруг специалист по внутренней безопасности, тот, кто отвечает за охрану даже не Куполов, а самого Ордена, грубо нарушил один из основных законов Ордена? Костя понял, что не хочет всего этого знать. Ему и так надо принять нелегкое решение, а чем больше личных подробностей, тем сложнее набрать номер Амгалана и обо всем рассказать.

– Нет, у нас на Туманова ничего нет, – покачал головой Антон.

Костя рассеянно кивнул. Здесь делать больше нечего, пора уходить. Он хотел попрощаться с Валерием Ивановичем, но тот проигнорировал протянутую ладонь. В отличие от наивного Антона старик знал, что московский инспектор доложит обо всем. Не может не доложить. Безопасник и сам бы сделал это, будь он на месте инспектора, и от этого злился еще сильнее.

В холле гостиницы с незамысловатым названием «Касимов» к Косте подскочила Аня. Протараторив, что через двадцать минут ждет его в ресторане на ужин, она убежала, не дав возможности ответить. Но даже за эти несколько мгновений Костя почувствовал, что успокаивается. Взъерошенные мысли будто пригладили, натянутые нервы – чуть ослабили. Аня действовала на него как транквилизатор. Чем дольше она рядом, тем умиротвореннее и даже счастливее становился Костя. Ни с кем больше у него такого не было.

Туристы Касимов и так не жаловали, а уж накануне зимы и подавно, так что в ресторане Костя увидел лишь Владека Витовича. На мгновение его охватила досада: он-то предвкушал, что за столом окажется один на один с Аней, а про Мазура и вовсе забыл, но быстро взял себя в руки: он сюда работать приехал, а не на свидание. Пустой зал пестрел яркими красками. Цветные складки занавесок, диваны с многочисленными расшитыми подушками, низкие столики, позолоченные светильники на стенах – все говорило о том, что коронные блюда в этом заведении – бешбармак и эчпочмак, что Костю лишь радовало, поскольку татарская кухня осталась одной из немногих, сохранивших традиции приготовления мяса в мире вегетарианцев. И конечно, тут можно было рассчитывать на хороший чай.

Аня еще не подошла, что оказалось кстати. Членам Ордена нужно было скоординировать завтрашние действия, и лучше бы наедине. Заказав круглоголовому официанту плов с бараниной, Костя рассказал безопаснику, что с утра он под видом покупателя позвонит в квартиру Туманова и попросит продать одну из фигурок, собранную из деталей часовогого механизма. Мол, это такой подарок любимой девушке на день рождения, а о мастере он узнал в интернете. Предполагалось, что Туманов пригласит его зайти, чтобы показать коллекцию, и Костя в процессе этого подбросит «жучок». Возможно, Кучик сейчас прячется у Туманова, и при крайне благоприятном раскладе можно будет даже заметить его следы: сумку с вещами, одежду или что-то в таком роде.

Мазур скривился, услышав Костин заказ, однако ничего не сказал, глотнул прохладный катык и одобрил план величественным кивком.

– Не трать время на поиски Кучика, сосредоточься на «жучке», – достал он из кармана обычную на вид зеленую пластиковую зажигалку. – Если сможешь оставить ее в квартире, то дело почти сделано, нам останется лишь слушать. Аккумулятора хватит на шестьдесят часов работы, и за это время мы разберемся, прячет кого-то этот тип или нет и замешан ли он вообще в эту историю.

По словам безопасника, напротив дома Туманова очень удачно расположена библиотека, где можно торчать часами, не привлекая внимания. Собственно, в ней он и намеревался засесть с утра, чтобы следить, кто входит и выходит из подъезда. Судя по плану квартиры

Туманова, несколько окон смотрели в сторону библиотеки, так что подкинуть зажигалку нужно было в одну из тех комнат.

— «Жучок» я включу сразу, так что буду слышать весь разговор с Тумановым. Когда пойму, что ты на точке, — отвлеку: позвоню ему по городскому телефону. У тебя в лучшем случае будет минута, но ориентируйся на несколько секунд. Прикинь заранее, куда делать закладку, и, как только этот тип отойдет, не теряй времени. Ну а если что-то пойдет не так... — Мазур повернул голову и увидел Аню с распущенными волосами, в обтягивающем трикотажном платье. Тут же на его лице появилось презрение, и фразу он закончил на несколько тонов громче:

— ...то у нас же есть девушка Аня, помощница, вот она и поможет.

Костя промолчал. Ему внезапно стало все равно, что брешет безопасник. Улыбка. Пряди соломенных волос. Синие глаза, заглядывающие в душу. Нежность. Костя и злился на присутствие третьего, и радовался. В одно мгновение хотелось подойти и просто обнять Аню, в другое — сбежать от нее в Москву. Он боялся. Не того, что она его отвергнет. Что примет.

«Перестань сейчас же думать об этом! — приказал он сам себе. — Подумаешь о ней после успешной поездки к Туманову». В этот момент очень кстати принесли плов и картофельные лепешки.

Глава 7

Утро встретило дождем и серыми тучами, беспросветно затянувшими небо. Отличная погода для того, чтобы остаться дома в депрессии.

Мазур уехал на свою точку, в библиотеку. У Кости же до выхода оставалось несколько часов, в течение которых он пытался придумать себе занятие, чтобы заглушить волнение. Выбежал купить пачку сигарет – на всякий случай, чтобы не возникало вопросов о зажигалке, затем пытался засесть за материалы по делу Леонхарда Петмансона, но без толку. Сосредоточиться не получалось. Он крутил меж пальцев зеленый пластик и думал о том, что даже в школьном театре никогда не играл, да и влюблялся последний раз восемь лет назад, в Джун, и уже забыл это ощущение. А ему нужно выглядеть беспечным романтиком, влюбленным, ради подарка для девушки проехавшим сотни километров!

Перед выходом, как и условились, он позвонил безопаснику, чтобы узнать обстановку, но ситуация не изменилась. Ни Туманов, ни Кучик из подъезда не выходили, а значит, до сих пор непонятно, есть ли они вообще в этой квартире. Дождь за окном пропустил со свежими силами, и на улицу не хотелось. На мгновение Костя позавидовал Ане: ей можно остаться в номере и спать хоть до обеда, но тут же запретил себе эти мысли. Пора!

Пока он добрался до нужного дома – промок так, словно искупался в Оке. Пальто впитало воду и стало тяжеленным, в ботинках хлюпало. Впрочем, это даже хорошо: проще замаскировать нервное напряжение; очевидно же, что человека трясет от холода, а вовсе даже не от страха – у Кости еще хватало сил шутить.

Он вдавил кнопку звонка и, пока ждал, с пальто натекла приличная лужа.

– Вы ко мне? – окинул его с головы до ног денди с фотографии.

Да, выглядел тот лет на тридцать, но глаза... «Гусиные лапки» и взгляд не могли скрыть прожитое. Действительно, ему гораздо больше тридцати. Такой взгляд был у Леонхарда Петмансона до записи кармы.

– Фохао! Вы же Андрей Туманов? Вы делаете скульптуры из часовых механизмов?

– У вас ко мне какое-то дело?

Роль нужно было отыграть достоверно. Костя через силу улыбнулся как можно шире и добавил голосу восторженности.

– Меня зовут Коля, и у моей невесты скоро день рождения. Я просто обязан сделать ей особенный подарок! Что-то, что приведет ее в восторг и будет напоминать обо мне долгие годы. Не банальное колечко или кулон, не торт, который она съест, и уж точно не платье, коих у нее миллион. Я перерыл весь интернет и нашел вас. То, что вы делаете, – это фантастика! Я видел фото ваших скульптур и понял, что это как раз то, что надо. Это будет восхитительный подарок! Вы ведь продаете их?

– Ну... не то чтобы я занимался этим на продажу, но... проходите, – пробормотал хозяин и отступил назад, пропуская гостя.

Костя мысленно выдохнул. Первый этап пройден успешно: он в квартире.

Разувшись и сняв мокрое пальто, Костя прошел за Тумановым мимо одной закрытой двери, другой, мимо кухни и свернул налево, в просторную гостиную – единственную комнату, чьи окна смотрели во двор. Худший вариант для «жучка». Его нужно оставить где угодно, но не тут!

Увиденное впечатлило. Всю гостиную заполонили фигурки зверей, птиц и других существ, собранных из часовых деталей: шестеренок, стрелок, винтиков, пружин. Одни были крошечные, размером с фалангу мизинца, другие крупные, до метра, но большинство помещались на ладони. Костя видел в интернете фотографии трех скульптур, однако и представить не мог, что их такое множество и это так красиво!

Все полочки оккупировали механические животные, но больше всего мастеру нравилось создавать птиц. Те сидели на подоконнике, на телевизоре, на подушках дивана, а некоторые даже «жили» в клетках, подвешенных к потолку.

– Это... прекрасно... – ошеломленно произнес Костя, забыв на мгновение, кто он и что тут делает. – Их можно трогать?

– Спасибо, – кивнул Туманов. – Конечно. Они довольно крепкие.

Костя снял с полки ближайшую скульптуру. Лошадь сантиметров пятнадцать в холке. Созданная из шестеренок, она тем не менее обладала собственным характером и отличалась от других лошадей. Они все были уникальны. Вот явно жеребец – вожак табуна. Большой, сильный, мускулистый. Наглый. Рядом с ним несколько кобыл: одна тихая и покорная, другая вздорная, нервная, неукротимая, готовая чуть что лягнуть и своих и чужих. А вот кобыла с жеребенком. Тот боится своего отца-лидера и жмется к матери. В руках у Кости оказался второй жеребец. Один из подрошенных. Упрямый, как асур. Еще немного, и он бросит вызов лидеру. Ну прямо как его вороной Пегас!

Костя не понимал, как все это возможно передать обычными шестерenkами, деталями из сломанных часов. Просто магия! Впрочем, талант и несколько жизней практики еще и не такие чудеса творят.

– Вот это вам еще больше понравится! – Туманов открыл одну из клеток, достал райскую птицу и протянул гостю. Та казалась еще более реальной, чем кони. Костя буквально видел мягкие перья, длинный пушистый хвост, хрупкость и крутой нрав маленькой пичуги. В дополнение ко всему в его руках ее глаза стали изумрудными.

– Вы определенно волшебник! – воскликнул Костя. – Сколько стоит эта птица?

– Она не продается. Это, можно сказать, мой талисман, оберег. Но вы можете выбрать из множества других. – Туманов махнул рукой в сторону полок-насестов, где птицы толкались, выбирая лучшие места.

– Ох, их действительно много. Я вас не отвлеку, если какое-то время повыбираю? – Костя чихнул и шмыгнул носом. Нет, он не простыл под дождем, а тянул время и напрашивался на чай: ему просто необходимо попасть хотя бы на кухню – ее окна выходили в нужную сторону. Хотелось бы еще заглянуть за две закрытые двери. Вдруг все намного проще и Кучик сейчас в одной из тех комнат? Тогда не нужен «жучок», достаточно вызвать службу безопасности, и дальше уже их работа. Но на такой подарок судьбы Костя не рассчитывал.

– Пожалуйста, выбирайте. – Туманов оставил его одного, прикрыв за собой дверь.

Костя перевел дух. Ноги медленно двигались вдоль стеллажей, а мысли тем временем бешено носились, как райские птицы меж ветвей. Он заметил, что ванная и туалет находятся в коридоре между гостиной и кухней, так что сейчас самый разумный вариант – сделать вид, будто

ему необходимо в туалет. Если кухня пуста – проскользнуть туда и оставить «жучок». Если нет... придется придумывать другой план.

– Вы что-то ищете? – С хозяином квартиры Костя столкнулся, когда вышел из гостиной.

– Да, хотел спросить, можно ли воспользоваться удобствами.

– Конечно, я вам покажу.

Костя медленно мыл руки, решая, что делать дальше. Продолжить попытки попасть на кухню или оставить «жучок» в гостиной? Да, из библиотеки сигнал не поймаешь, но можно перебраться с рацией во двор. Минусов масса: неудобно, привлекает внимание, но все лучше, чем ничего! Вряд ли появится второй шанс попасть в эту квартиру.

– Не хотите ли чаю? – предложил Туманов, заглядывая в ванную.

– Не откажусь.

У Туманова оказался настоящий ча гао, и Костя внезапно осознал, что этот человек богат. И дело не только в чае. Одни двери в комнаты говорили о неплохом достатке. Качественные вещи Костя мог отличить от европейской дешевки – спасибо бывшей жене и обществу, в котором она вращалась. Очевидно, деньги для Туманова совсем не проблема, хотя формально он безработный. Предположим, что за прошлые жизни он немало скопил, это не редкость, но почему тогда живет в этом депрессивном городе? Мог бы переехать в Москву, Петербург, да куда угодно! Хоть в Пекин или Гонконг! Что он забыл в этой дыре?

Пока пили чай, говорили о скульптурах из часовых механизмов. Костя усиленно ими восторгался, играя роль, и мысленно перебирал варианты, куда спрятать «жучок». В один из шкафчиков с посудой? Нет, там его быстро обнаружат, всего лишь сунувшись за тарелкой или чашкой, между прочим, китайского фарфора. Бросить на пол под стол, в самый угол? Тоже плохая идея. Сунуть между стеной и микроволновкой? Опасно так близко к электроприбору. Безопасник предупреждал, что этого лучше не делать, могут возникнуть помехи.

Взгляд упал на широкий подоконник за шелковыми занавесками. Заваленный баночками с приправами, зубочистками, салфетками, загроможденный старой сахарницей, перечницей и прочим хламом, он оказался идеальным местом для того, чтобы там потерялась зажигалка. Когда зазвонил телефон и Туманов вышел снять трубку, Костя пристроил ее между жестянной банкой и ароматической свечой.

– Благодарю за чай, я пойду еще раз взгляну на ваши фигурки. Никак не могу выбрать между двумя восхитительными птицами! Кстати, они у вас не поют? Думаю, это вполне реально сделать.

– Реально, но мне это не интересно. Если я захочу послушать пение птиц, то просто выйду на улицу. У нас тут великолепные леса, и уж кого-кого, а птиц там предостаточно.

– Даже зимой?

– Зимой можно и музыку включить. У меня хорошая стереосистема, – с гордостью улыбнулся Туманов, и «гусиные лапки» вокруг глаз тут же добавили ему еще с десяток лет.

Костя рассматривал птиц, когда в гостиную вошел Туманов:

– Вы кое-что забыли.

В руке он держал ту самую зеленую пластиковую зажигалку. Косте вдруг стало очень холодно и неуютно. Ее нельзя было заметить случайно. Или можно? Ошметки надежды еще болтались на дне сознания, но улетучились после следующего вопроса:

– Как мне вас называть, кандидат в члены Ордена реинкарнаторов?

Туманов был абсолютно спокоен, и это означало лишь одно.

– Вы меня ждали?

– Уже несколько дней.

– И знаете, зачем я тут?

Туманов хмыкнул:

– Даже лучше, чем вы сами. Хотите еще чаю?

– Конечно. Он у вас превосходный.

Ситуация перевернулась с ног на голову. Его не просто ждали, но и явно хотели что-то рассказать.

Андрей Туманов разжал ладонь, и зеленая зажигалка полетела на плиточный пол, а затем хрустнула под каблуком ботинка, рассыпавшись на пластиковые осколки. Туманов аккуратно смел их веником на совок, ссыпал в мусорное ведро и как ни в чем не бывало продолжил священнодействовать с чайником. Он явно не хотел, чтобы их разговор слушал кто-то еще.

– Как вы узнали, кто я?

– Райская птица.

– Ее глаза... – понял Костя.

– В ней такой же считающий сканер, что и в рамках офисов вашего Ордена. Самое смешное, что вас я мог не узнать: у членов

Ордена идентификатор вшил под кожу, вы же, кандидат, могли просто оставить карточку дома...

В этот момент в Костиной памяти мелькнула зажигалка со светящимся глазом. Где он ее видел? Совсем недавно... у Кольчина! Тот ею чиркнул, и фантастическое животное проснулось. Каким цветом вспыхнули его глаза? Тоже зеленым? Или нет? Не сейчас. Он попробует вспомнить это позже.

— А вы, я смотрю, знаток Ордена! — с ноткой ехидства произнес инспектор, уязвленный своей ошибкой.

Туманов в ответ посмотрел так снисходительно, будто Костя — пятилетний малыш, прибежавший к отцу поделиться грандиозным открытием: крабы передвигаются боком!

— Я присутствовал при его создании и еще не впал в маразм.

Во рту внезапно пересохло, и Костя залпом допил чай. В голове вспыхнула дата основания Ордена — 2075 год, то есть 384 года назад. Значит, это четвертое, а то и пятое перерождение Туманова, и помнить он ничего не может, помнят только прошлую жизнь. Вот брехун!

— На самом деле помните?

— Видите ли, молодой человек, вы ошибаетесь. Да-да, я догадался, что вы посчитали. Но это второе мое перерождение, так что я прекрасно помню не только создание Ордена, но и Великую войну, и Старого Пасана, и многое чего еще. Да, я вижу, что вы, как и все члены Ордена реинкарнаторов, недоверчивы, упрямые и считаете себя особенными. И, как любая молодежь, уверены, что все старики выжили из ума. Но я ждал вас не для того, чтобы в чем-то убеждать. Я кое-что расскажу, а вы передадите это своему командору. Поверите лично вы или нет — меня не касается. Мне триста двадцать один год, и убеждать в чем-то заносчивых детей у меня нет никакого желания.

У Кости вскипела кровь, захотелось рявкнуть на наглеца, но он лишь сжал кулак под столом так, что заболели пальцы. Гнев притих, голова прочистилась. Мало ли его в жизни оскорбляли? Это всего лишь слова. Впрочем, была разница. Одно дело — умирающий или его близкие гневом выражали свою боль и растерянность, а реинкарнатор в их глазах был дэвом или асуром, вершащим судьбы. Да и в своих собственных, чего уж врать самому себе. Другое дело — сейчас. Его просто походя припечатали.

– Не беспокойтесь. Я все передам. Даже если не поверю ни единому вашему слову.

– Отлично. Тогда слушайте урок истории от очевидца. – Туманов плеснул еще чаю. – Две тысячи семьдесят пятый год от паринирваны Будды. Войной охвачена вся Юго-Восточная Азия, Индия, Шри-Ланка, восток России, Монголия, Япония. Локальные бои проходят в Европе и Африке – в общем, на всех континентах, где стоят Купола. Записи кармы практически прекратились. Никто не хочет лезть в пекло ради слепков. Заводы по изготовлению пластин остановлены. Нужно ковать мечи и стрелы для арбалетов. Да и кто пластины-то покупать будет? «Гробовые» деньги давно потрачены на еду.

В это время создаются два Ордена. Один, впоследствии известный на весь мир, к нему прислушиваются главы государств и ламы всех школ, – Орден реинкарнаторов. Существование другого держится в тайне, о нем знает не больше двух сотен человек, – Орден анагаминов.

Я уважаю Старого Пасана за два великих дела. Он создал систему записи кармы и спас вас, беспамятных. Думаете, это сейчас вас ненавидят и боятся? Родились бы вы лет четыреста назад – до тридцати пяти не дожили бы. Мелких детей тогда убивали сами родители: за ноги – и головой об угол дома. Те, у кого дар чуять смерть проявлялся в старшем возрасте, сбегали и бродяжничали, ночуя под мостами, по постоянным дворам, а то и вовсе уходили в леса отшельничать. Никакого применения вашему дару не было. Первые лет сто считалось, что беспамятные входят в состояние транса, выбирают в нем жертву и убивают ее.

На Совете глав основных буддистских школ Старый Пасан предложил создать Орден реинкарнаторов. Его идея понравилась далеко не всем. Были те, кто хотел контролировать Купола сам, разрешая перерождения только истинно верующим, а не всяким там христианам и мусульманам. Были и те, кто вообще не хотел никакой искусственной системы. Опущу подробности, как именно он уговаривал лидеров, но в итоге большинство его идею одобрило.

Я и мои друзья тогда были молодые и горячие и хотели сами управлять своей жизнью. Все эти Купола и система Пасана нам были не по нраву. Мы считали, что человек – это хомячок, бегущий в колесе сансары. Буддизм махаяны предлагал бежать в нем до тех пор, пока колесо не рассыплется, по пути помогая остальным хомячкам. Но мы

вообще не хотели бегать! Почему бы просто не остановиться и не выйти из колеса, прогрызя пару прутьев? Нас было не много, сто четырнадцать человек, и больше половины – ламы тхеравады. Мы отказались признать решение Совета и создали свой Орден, Орден анагаминов, то есть тех, кто более не намерен перерождаться в этом мире. В него помимо меня вошли и те, кого вы, молодой человек, знаете под именами Леонхард Янович Петмансон и Виктор Андреевич Кучик.

У Кости дрогнула рука, чуть не расплескав темную смолянную жидкость. Он торопливо опустил китайский фарфор на блюдце.

– Леон был гениальным инженером. Бабник, любитель розыгрышней и позер, он становился крайне дисциплинированным и серьезным, когда дело доходило до исследований. Тщательно конспектировал все свои удачи и поражения, хранил материалы в банке памяти – они как раз стали появляться после окончания Великой войны. Жаль, государство так и не узаконило их. Впрочем, я понимаю почему.

Костя тоже понимал почему. Идентификация личности. В этом вся загвоздка. Похожая проблема с идеальным переводчиком с иностранных языков. Нельзя его создать, не создав искусственный интеллект: ведь чтобы правильно перевести фразу, нужно осознать ее смысл. Так и с банком памяти: чтобы доказать, что ты владелец банковской ячейки, нужно доказать, что нынешний ты являешься той же личностью, что арендовала эту самую ячейку в предыдущей жизни. Но если это доказать, то придется тебя официально признать либо той личностью, либо ее правопреемником, а это тянет за собой такие имущественные, финансовые да и личностные споры, что потребует перестройки вообще всех сфер жизни.

Обычно запрет банков памяти объяснялся тем, что системы идентификации личности становились черноземом для мошенничества. Уже стало традицией: через пятнадцать-двадцать лет после смерти очередного миллионера появлялась толпа его «перерождений», претендующих на содержимое его ячейки. Власти особо рьяно с банками памяти не боролись: закрывали уж совсем зарвавшихся наглецов, возбуждая уголовные дела по статье «мошенничество». И все прекрасно знали, что пользоваться услугами

этих банков можно лишь на свой страх и риск, и каждый сам оценивал, чему он больше доверяет: сомнительному банку или схрону в лесу.

Возможно, были и надежные банки. Вряд ли Леону постоянно везло. Если он присутствовал при создании Ордена, значит, нынешняя смерть у него примерно пятая. За пять раз не наткнуться на мошенников? Крайне маловероятно. Скорее уж надежные банки создавались для своих, и люди со стороны о них даже не знали.

— Леона я не виню, он всегда твердил, что нам поможет наука, но вот к остальным у меня есть вопросы... — Туманов сжал губы, и в глазах мелькнула ярость. — Мы пошли своим путем. Точнее, путями. Все же среди нас были выходцы из разных школ буддизма, с разным мировоззрением. Это и привело в итоге к большому расколу. Через сто сорок три года после основания Ордена анагаминов на общем собрании мы решали, что делать дальше. Спорили до хрипоты. Три дня мы рано утром собирались и поздно ночью расходились, чтобы в оставшиеся несколько часов найти новые, более сильные аргументы в поддержку своей точки зрения. Чуть до драки не дошло. Нервы у всех были взвинчены. Уходить на третий виток реинкарнации никому не хотелось, но как выйти из сансары? Способов видели два.

Вы, молодой человек, счастливец. Вы ничего не помните. Вы даже не представляете, насколько это ужасно — помнить. Ладно ошибки. Ну подумаешь, в прошлой жизни ты убил человек двадцать. С этим можно смириться, себя можно простить, оправдать. Этим, в конце концов, можно даже гордиться. Самое ужасное в том, что ты помнишь свое место и не можешь его уже изменить. Как в школе: в первый класс приходит умненький хорошенекий мальчик, но остается и падает в лужу на глазах у всех. В него тычут пальцем и смеются. Потом он брякнет какую-нибудь чушь. Одноклассники снова смеются. Потом его толкают, а он теряется и не дает сдачи, молчит. И все. Место этого мальчика в социальной иерархии определено до конца школы. Что бы он ни делал. Но мальчик еще может что-то изменить: перейти в другую школу, в конце концов вытерпеть, отучиться и поступить в институт, туда, где его никто не знает. Начать завоевывать свое место в обществе заново, с чистого листа. А у нас этими перерождениями отобрали чистый лист.

За среднюю жизнь в семьдесят лет твоё место в мире выжигается у тебя на подкорке. Нет, в новой жизни никто тебе не указывает, что

делать и как жить. Ну кроме родителей, конечно, и то лишь в первые годы. Потом поди заставь ребенка, к которому вернулись воспоминания, делать то, что ему не хочется! Но ты указываешь себе сам. Сам знаешь, что ничтожество и не способен добиться большего. Или наоборот, что вождь, ведущий за собой глупых людышек. Ой, да вариантов бесчисленное множество. Беда в том, что они не тасуются, они повторяются. Почему бы тебе, великому вождю, не прожить тихую жизнь домохозяйки? Это новый опыт, передышка. Это, наконец, просто интересно, пес задери! Но нет. Даже если ты родился девочкой в донельзя традиционно-патриархальной семье, то не сможешь совладать с прошлым и стать домохозяйкой. Стремление занять свое место, пришедшее из прошлого, – оно с каждым днем проявляется все сильнее, ибо с каждым днем ты вспоминаешь все больше и больше.

Туманов замолчал, и надолго. Костя его не торопил и не спорил, хотя был не согласен. С чистого листа всегда сложнее работать, спроси об этом писателей! Именно благодаря памяти о прошлых жизнях человечество совершило грандиозный скачок в развитии, не только научном. Буквально за одно перерождение изменилось отношение к женщинам, детям, во многих странах рухнули диктатуры, сократилось число убийств, да многое какие перемены произошли в обществе, в основном позитивные. Но напоминать сейчас об этом – не лучшая идея.

– В общем, с перевесом в десять голосов победили технократы. Если тогда, на собрании, говорилось лишь о «рекомендациях», то уже через несколько лет технократию сделали главенствующей идеологией и стали косо смотреть на тех, кто упорствовал в другом мнении, а вскоре и вовсе собрали нас, упертых, и поставили ультиматум.

– Вас – это кого? – рискнул перебить Костя.

– Нас – это тех, кто считал, что хомячок из колеса выберется не с помощью технических средств, а используя свой мозг и дух. Эти идиоты заявляли, что мы извращаем саму идею Ордена анагаминов. Они не хотели понять, что духовную проблему можно решить только духовными методами. Самое смешное, что они в итоге оказались правы, как доказал Леон... Короче, меня изгнали из Ордена как человека, отказывающегося принимать новую утвержденную доктрину. Меня и еще нескольких. Остальные трусливо поменяли свои взгляды, предав то, чем занимались сто пятьдесят лет.

Я не стал им рассказывать, что уже очень близок к нахождению ключа. И я его нашел. Мне было девяносто лет, когда оно наконец сработало. Первым делом я вернул себе молодое здоровое тело. На сутки одна из яблонь в Рязанской области, а я прятался в одной из рязанских деревень, покрылась молодильными яблоками. Ну да, банально, знаю, но заниматься изысками у меня тогда не было никакого желания.

– Погодите, что сработало? Как вы такое сотворили?

Туманов хмыкнул. Налил еще чаю себе и гостю. Тот, правда, уже чувствовал себя наполнившимся бочонком от выпитого, но не посмел отказаться.

– Кто-то назвал бы это духовным хакерством. Я называю духовной практикой. Ничего сложного. Определенная ментальная методика, повторить которую способен любой. Для этого не надо ни изнурять себя аскезой, ни соблюдать какие-то принципы. Выполняешь методику – и начинаешь управлять миром, будто осознанным сном. Хочешь – отменяй закон тяготения, хочешь – делай себя королем, хочешь – создавай драконов и пегасов. Раз это сон, то в нем все возможно. Буддизм подсказал мне, куда двигаться.

– Почему же вы не сделали себя королем, не создали драконов? Если все так просто, как говорите...

– Мне достаточно периодически обновлять себе тело да находить в земле несколько килограммов золота, а драконов себе заберите.

– Я вам не верю. – Костя подался вперед и посмотрел в глаза человеку, якобы живущему уже не одну сотню лет. На мгновение показалось, что он глядит в глаза собранной из шестеренок механической птицы. Они будто вспыхнули красным и погасли.

– Это неважно. Там есть одна побочка, но это сейчас совершенно не важно. Я не собираюсь рассказывать вашему Ордену об этой методике. Я и своим-то не сказал. Они умоляли, обещали что угодно в обмен, но зачем мне? Что угодно я и сам могу получить. Увы, но не смог я всего одной вещи, той, ради которой все и затевалось: выхода из сансары я этим способом не нашел. Жить бесконечно – могу, желания исполнять – могу, но сансара держит. Если я умру, а это возможно от каких-то внешних причин, то, увы, вновь буду рожден. Поэтому я пока предпочитаю не умирать.

Сердце в Костиной груди забилось намного быстрее, мозг лихорадочно прокручивал возможные варианты. Этого не может быть! Это же настоящее чудо! А чудес в нашем сугубо материальном мире не существует! Должно ведь быть какое-то научное объяснение. Мало фактов. Или Туманов врет. Или... это действительно возможно?

– Федор Белкин – это все же вы?

Туманов кивнул.

– Мне надо было чем-то заниматься, я освоил профессию часовщика. Крайне заниматальное дело! Потом собирать часы надоело, я переключился на эти безделушки. – Он мотнул головой в сторону гостиной. – Ну и пора было менять личность, так что вместо Белкина появился Туманов.

– А как вас зовут на самом деле?

– Ох, ну что за наглая молодежь пошла! Вас не учили тому, что ковырять в носу и спрашивать имя у того, кто представился псевдонимом, – неприлично? – Вновь этот менторский тон, от которого Костя начинал вскипать. – Я вообще всю эту историю рассказываю не для того, чтобы обсуждать свою биографию, а чтобы вы поняли, ну или кто-то в вашем Ордене, кто поумнее, понял, что происходит. Вы ведь сюда приехали в поисках Вити? Так что же не спрашиваете, где он?

– А вы знаете? – Костя не верил, что Туманов ответит. Тот выдержал театральную паузу и наконец соизволил произнести:

– Где он сейчас, я не в курсе. Но он приезжал несколько дней назад. Честно – я рад, что не знаю, куда он поехал. Не хочу ввязываться в разборки двух Орденов. Но я знаю, что у Вити с собой. Вы пытаетесь узнать, почему у Леона не записалась карма, но не представляете, что прячет, трясясь от страха, его давний друг. Видите ли, кандидат в инспекторы, наш гений изобрел прибор, перенастраивающий кармограф с записи кармы на ее стирание.

Эффект удался. Костя в ужасе прошептал:

– Если это правда... Вы же понимаете, к чему это приведет?

Туманов кивнул с видимым удовольствием:

– Любой сможет выйти из круга перерождений. Да, он не станет бодхисаттвой, но и пес с ним! Кому нужен Будда, спасающий от страданий, если любой сможет сам себя спасти, всего лишь включив прибор? Это то, к чему стремился наш Орден: добровольный выбор.

Продолжать жить по кругу или умереть навсегда, возможно, направившись после этого в nirvanу. Мы – за демократию.

Холодный пот прошиб Костю. Сердце, как древний тракторный мотор, чихнуло, пропустив пару ударов. Новость оказалась катастрофической важности. Если прибор запустить, то мир снова изменится, но совсем не так, как планировал неведомый строитель Куполов. Впрочем, его цели до сих пор остаются лишь гипотезами. Сообщить о них он не соизволил, посчитав, что людям достаточно лишь информации о том, как пользоваться Куполами и для чего те нужны.

– Зачем вы рассказываете об этом ненавистному вам Ордену реинкарнаторов?

Туманов отбросил менторский тон, ответил буднично и спокойно:

– Вы ведь сюда приехали, получив анонимку. Это дело рук анагаминов. Они... не поверили, что я не в курсе, где Витя. Полагаю, они считали, что я его прячу в гараже, или в сарае, или где-то еще. Тогда пошел в ход банальный шантаж. Ну а я плевал на них и их шантаж. Подумаешь, сдадут меня вашим псы! В общем, я действительно не знаю, где Кучик.

– А знали бы – сказали?

– Им – наверное, да. Уж лучше пусть прибор попадет в руки анагаминов, чем реинкарнаторов. Те хотя бы деньги на нем заработают, ваши же его просто похоронят под десятью замками. И почему? Из благородства? Ерунда! Власть – вот что интересует ваш Орден. А прибор Леона отнимет ее, и я не собираюсь вам помогать.

– Этот прибор... такой выход из сансары... это читерство. Карму нужно отработать. За свои поступки нужно отвечать.

Туманов пожал плечами:

– В формате правил, которые придумал ваш Орден, – да. Но кто дал вам право устанавливать правила? Я вот не давал.

– Правила устанавливали не мы...

– А кто?

– Тот, кто создал Купола.

– Тот, кто их создал, никаких правил по почте под расписку нам не присыпал. Он просто предоставил устройство и объяснил, для чего оно. Разве эта неведомая сила вводила закон об обязательной реинкарнации, а не ваш Орден?

– Неужели вы против?

– Конечно. Я сам хочу распоряжаться своей жизнью и смертью. А вы разве нет?

– А я хочу жить. И помогать другим жить. Даже если им сейчас кажется, что смерть привлекательнее. Например, потому что любимая девушка бросила.

– То есть тех, кто самостоятельно хочет распоряжаться такими базовыми основами личности, как жизнь и смерть, ваш Орден считает неразумными подростками, над которыми нужно взять шефство, – подытожил Туманов. – Ну-ну. Вот поэтому я бы предпочел, чтобы прибор Леона нашли анагамины.

– Вы хотите сказать, что Виктора Кучика сейчас ищет не только наш Орден, но и ваш? – Костя внезапно обнаружил, что участвует в соревновании на скорость.

– Он не мой! Мой Орден меня бы не сдал, – прошипел Туманов.

– Хорошо, и как же мне найти «не ваш» Орден?

– Зачем? Вам надо искать Витю и прибор, а уж анагамины, думаю, найдут вас сами. Впрочем, дальнейшие события меня уже не волнуют. Если вы перегрызете друг другу глотки, меня это полностью устроит.

Костя кивнул, поднялся из-за стола.

– Что ж, спасибо за чай. Давно я не пил ча гао. У него крайне необычный и удивительный вкус.

Туманов проводил Колесова до входной двери и задумчиво смотрел, как тот обувается и влезает в мокре пальто. Косте хотелось побыстрее убраться отсюда, но один вопрос не давал покоя, и он все же его задал:

– Вы всю жизнь искали способ выйти из сансары. Почему же, когда у вас в квартире оказалось изобретение Леона, вы им не воспользовались?

Андрей Туманов молчал долго, и Костя уже решил, что тот не ответит, однако ошибся. Вот только ответ оказался странным.

– Вы читали «Критона»?

Костя покачал головой.

– Прочтите. Всего доброго.

Костя вышел из подъезда и сощурился от солнечных лучей. Погода решила сделать касимовцам подарок. Хватило бы уже того, что

кончился мерзкий дождь с пронизывающим ветром, но небо расщедрилось на солнце. Экран мобильника бликовал, так что нужный номер удалось найти не сразу; Костя отозвонился безопаснику, договорился о встрече в отеле и нажал отбой, не дожидаясь вопросов, ответы на которые пока не готов был дать. Необходимо прогуляться и подумать. Он просто шел вперед, щурясь от непривычно яркого света, и не замечал ни компанию подростков с банками «Праны» и бутылками пива, настороженно провожающих его взглядом, ни работая с широкими крепкими ладонями и трехдневной щетиной на лице, разложивших на лавочке газетку с закуской, ни редких усталых мамочек с колясками.

Сpirаль событий закручивалась все туже, и Костя с тягучей безысходностью понимал, что в любой момент она распрямится, выстрелив так, что мало не покажется всем, а он ничего не мог с этим сделать. В голову лезли дурацкие расчеты. Запись кармы длится одну минуту, значит, видимо, и стирает карму прибор Леона за одну минуту. В году пятьсот двадцать пять тысяч шестьсот минут, значит, столько человек можно вывести из сансары за год, если работать без перерыва. В мире сейчас живет около десяти миллиардов человек, то есть примерно за девятнадцать тысяч лет всех людей можно вывести из сансары. М-да. Одним прибором всем карму не почишишь. Впрочем, если брать только умирающих... По статистике, около ста пятидесяти тысяч человек умирают каждый день. То есть в год – чуть меньше пятидесяти пяти миллионов. В общем, это известный ответ на вопросы, чем так ценны кармографы и почему их поломка или потеря – катастрофа.

Да, Орден реинкарнаторов, скорее всего, похоронит прибор Леона. И не потому, что боится за свою власть. Хотя... может быть, и это тоже. Но в первую очередь потому, что это религиозный Орден традиции махаяны. В отличие от тхеравады, чьи последователи создали Орден анагаминов, махаянисты стремятся к благу всех живых существ, а не только себя. Как гласит народная пословица, тхеравадины достигают архатства, махаянисты – просветления! Магистры Ордена реинкарнаторов – глубоко верующие люди, не сомневающиеся в том, что Купола создал Будда ради блага всех живых существ. Пятьсот лет назад он сообщил это семи буддистским монахам в разных частях света. Выход из сансары с помощью прибора Леона –

это, с их точки зрения, однозначно мошенничество, оно не приведет ни к чему хорошему.

Вот только Костя не верил в Будду. Именно поэтому он сейчас шел по лужам куда глаза глядят. Он верил в перерождения лишь потому, что видел их своими глазами, но Будду или нирвану не видел. С другой стороны, никто не знает, что на самом деле делает прибор Леона. Туманов считает, что выводит из сансары. Видимо, в этом уверен Кучик, а ему об этом сказал Леон. Но вдруг они все ошибаются? Ни одного эксперимента ведь не проводилось, а Леон еще может и переродиться! Вдруг прибор только стирает память в следующей жизни? Принесет ли такой дешевый дженерик счастье людям? Костя не знал. Он не знал, как сделать счастливым себя, куда уж думать о других! Вот только в отличие от нормальных людей он знал, каково это – жить без памяти. Такого и врагам не пожелаешь. Это ежедневный ад, а не счастье.

Или прибор все-таки прекращает перерождения? Но тогда... он просто убивает, а жизнь Костя считал самой большой ценностью и защищал ее, как умел.

В общем, как ни крути, получалось, что использовать прибор без точного понимания результатов его работы нельзя. Так что в руки безответственных людей он попасть не должен – в этом Костя не сомневался. А значит, не должен он попасть и в руки анагаминов, ведь те, как полагает Туманов, начнут за деньги отправлять умирающих «в нирвану», не занимаясь перепроверкой. Впрочем, для начала нужно найти Кучика.

Костя внезапно осознал, как Туманова подставил его Орден. Так в Средние века сдавали ведьму Святой инквизиции. Вроде бы свои руки не мараешь, всего лишь пишешь записочку инквизитору: мол, так и так, по такому-то адресу живет человек, который вас может заинтересовать. Все остальное инквизитор сделает сам. Его не жалко, у него и так руки по локоть в крови.

Зазвонил телефон, и Костя сбросил звонок от безопасника. Тот явно видел, что инспектор вышел из дома Туманова, и пытался понять, что происходит. Но сейчас Костя не готов отвечать ни на чьи вопросы.

Лишь когда он очутился в своем номере и закрыл дверь на замок – набрал номер командора. Нельзя, чтобы этот разговор слышал кто-то еще. Амгалан Тумэнович взял трубку на третий гудок.

- Костя, фохао. Ну как? Удалось установить «жучок»?
- Нет. Но, похоже, у меня информация о «ядерной бомбе».
- О ядерной бомбе?

Костя подробно рассказал события этого дня, старался припомнить и повторить даже оскорблений в собственный адрес. Вдруг это важно? Его лишь изредка прерывали вопросами.

– Ты прав, это действительно «ядерная бомба». Даже похлеще. Я срочно докладываю приору и высыпаю к вам группу захвата. Пока они едут, попробуй уговорить Туманова работать с нами добровольно.

– Я попробую... но что ему обещать? – растерялся Костя.

– Обещай что угодно. Это просто чудо, что мы вышли на члена Ордена анагаминов.

– Бывшего...

– У них бывших не бывает. Да, и никому пока о приборе.

– Даже Данзару?

– Данзару можно.

– Что мне сказать Мазуру? Он до сих пор, наверное, в библиотеке. Мы договорились встретиться в гостинице позже.

– Пусть в библиотеке и остается и продолжает наблюдать за домом. Если Туманов выйдет на улицу – проследить, куда пойдет. Мы не должны его упустить. Все, до связи, – бросил Амгалан и отключился.

Костя выругался. Что можно обещать человеку, который сам способен создать что угодно?

Он перезвонил безопаснику, передав наставления командора. Только положил трубку, как телефон завибрировал. Это Аня прислала сообщение с вопросами, где он и не нужно ли помочь.

– Что делать-то? – в отчаянии воскликнул Костя в трубку, после того как коротко рассказал Данзару о ситуации. – Предположим, я застану его дома. Что сказать-то? Проедемте со мной в московский горком, где вас арестуют? Бред. Ни один нормальный человек не согласится. Драться с ним? Связать и ждать безопасников? Еще не факт, что в этой драке я стану победителем. К тому же, если он не врет, у него способности менять мир так, чтобы исполнялись его желания. Пожелает – и я превращусь в жабу.

– Как думаешь, почему он не сбежал сразу, как его стали шантажировать? Он сказал, что ждал тебя еще три дня назад. Почему не уехал, если действительно боится нашего Ордена?

Костя мысленно хлопнул себя по лбу.

– Ну конечно, он совершенно не боится нас, потому что не верит, что у нас получится его взять. Не знаю, как насчет жаб, но что-то он явно в состоянии сделать, чтобы нас остановить.

– Или же наоборот. Хочет умереть, – возразил Данзар.

– Что? – поразился Костя. – Это ерунда, он не хочет. Тогда ведь придется рождаться заново, а это то, чего он стремится всеми силами избежать. Думаю, на самом деле он просто боится не вспомнить в следующей жизни свою методику. Не знаю, может, ее нельзя записать, сохранить в банке памяти. Может, не доверяет этим банкам. Или боится, что ее украдут.

– «Критон». Я его читал.

– Хорошо, сдаюсь. Поясни.

– Это разговор Сократа со своим учеником Критоном после оглашения смертного приговора Сократу. Критон уговаривает учителя бежать, но тот отказывается. Он считает, что лучше умереть, чем пойти наперекор всему, во что веришь и считаешь правильным. Ты думал только о Кучике и не обратил внимания на чувства Туманова. Этот человек четыреста лет занимается тем, что ищет способ слизнуть из сансары в обход правил. Он на это жизнь положил, уже две жизни. Орден, который он же и создал, вышвырнул его, заявив, что его методы несут вред. Обида так сильна, что даже через триста с чем-то лет его трясет при воспоминании об этом. И вот решение почти найдено. Он реально может творить чудеса, он бессмертен, но... цель не достигнута. Но путь явно правильный! И вот теперь ему приносят доказательство того, что его главный оппонент добился цели. А он – нет. Четыреста лет можно выкинуть на помойку. Если он сейчас сбежит – он все это признает.

Думаю, ему хочется умереть. Ему будет нестерпимо больно видеть плоды достижения Леонхарда. Наверное, он бы предпочел, чтобы мы просто уничтожили это устройство. Но даже если так и произойдет, Туманов понимает, что это крах всего. Крах его идей, крах его жизни. Зачем ему теперь жить? Чтобы найти еще один способ выйти из сансары? Это все равно что вторым найти решение теоремы Ферма.

Костя стоял, пораженный этими выводами. И ведь Туманов честно во всем этом признался, вот только... Костя не читал «Критона». И не понял его признание.

– Нашему Ордену не нужно, чтобы он умер. Нужно, чтобы сотрудничал. Но я не представляю, чем его можно соблазнить. Может, напугать? Но если он хочет смерти, то это тоже плохая идея, – размышлял он, когда услышал стук в дверь.

– Кто там? – отвлекся он от телефонного разговора.

– Это я! – услышал он голос Ани.

– Ёккарганай! Это внучка Леона, – прошептал Костя в трубку. – Прогнать ее?

В его голосе было столько тоски, что Данзар сжался.

– Не надо. Зови. Устроим мозговой штурм, как позавчера у тебя дома. Тем более что она реально нам помогла.

– И что сказать? Про прибор Леона ведь нельзя.

– Скажи, что мы хотим уговорить Туманова сотрудничать с полицией и у нас есть несколько часов, пока едет спецназ из Москвы.

Костя вспомнил недавний разговор в автобусе. Лгать он не любил, но подставить всю операцию и людей из Ордена – это точно хуже.

Следующие полчаса они втроем накидывали идеи, как принудить Туманова к сотрудничеству. Увы, мозговой штурм больше напоминал мозговое отступление.

– Можно смутить, – вдруг предложила Аня.

Костя удивленно глянул на нее, ожидая пояснений.

– Туманов уверен в иллюзорности мира, но как он отличает иллюзорность от реальности? Есть ли у него доказательства, что он не во сне? Что он жив, в конце концов? От иллюзии до посмертия лишь один взмах крыльев бабочки. Если мы зародим в нем сомнения в реальности этого мира, он потеряет опору.

– Да, хороший вариант, – согласился Данзар. – Я сейчас пришлю почитать «Бардо Тхёдол», тибетскую «Книгу мертвых».

– Да когда мне читать?! – воскликнул Костя и посмотрел на часы. Неизвестно, сколько у него еще в запасе времени и что планирует Туманов. – Лучше перескажи ее, да и все.

– Ну-у... это не так легко. Ладно. Слушай. Для буддистов важно правильно умереть. Умрешь правильно – с большой вероятностью достигнешь Просветления. Если не умеешь умирать, то все будет зависеть от кармы, благого или неблагого накопил больше за жизнь. В посмертии, то есть в Бардо, тебя будет мотать, как мотылька на ветру, и если хоть немного готов к этому и сможешь обуздать свои эмоции, а

будет страшно, то выберешься из посмертия, улучшив карму. Может, родишься в мире богов или асиров. Или хотя бы человеком снова. Если впадешь в панику, то жить тебе в мире животных, голодных духов, а то и в аду. Ты наверняка неоднократно видел, как умирающих провожают в Бардо.

Костя кивнул. Религиозные ритуалы во время работы кармографа сильно мешали, лучше оставаться с умирающим наедине, выпихнув родственников за дверь. Увы, не всегда получалось. Но в суть этих ритуалов он никогда не вдумывался.

Аня нетерпеливо попросила:

– Читай то, что поможет убедить Туманова, будто он застрял в посмертии.

По громкой связи раздалось klaцанье клавиатуры, а затем Данзар зачитал кусок из книги:

– «Рождение в Бардо так описано древним учением: у тебя тело похоже на прежнее. Все чувства при тебе, ты в движении свободен. Обладая сверхъестественными кармическими силами, ты способен видеть другие существа Бардо, и они тебя видят. Тело твое подобно твоему прежнему, но оно совершенней, ибо рождено из надежд и желаний, знаков грядущего...»

Данзар замолчал. Посыпалось кликанье мыши – архивариус явно прокручивал куски текста. Вскоре он продолжил читать:

– «Огромен искус в Сидпа Бардо. В остроте чувств, со способностью перемещаться мгновенно по желанию, даже если при жизни был согбен и немощен, ты можешь захлебнуться от радости. Удержись. Ты – в Сидпа Бардо. Осознай это! Отдай в том отчет и осади волнения. Ты больше не стеснен плотью, в этом кармическом теле ты можешь проникнуть сквозь толщи стен, скал и даже гор. Это еще одна проверка и свидетельство, что ты – в Сидпа Бардо. От одной недели до семи, до сорок девятого дня пробудешь ты в этом состоянии. Большинство остаются в этом состоянии двадцать два дня, хотя в точности неизвестен срок, он определяется Личной Кармой».

– Ладно, я примерно понял, – перебил Костя. – И в чьем облике мне перед ним предстать? Бога? Демона? Такого же несчастного?

– Сейчас поищу кого-нибудь подходящего! Например, вот. «Если не в силах ты отвлечься от своих страданий, тогда Добрый Дух твоего возраста придет и станет складывать белые камушки твоих добрых

дел. С ним вместе с другого боку придет Недобрый Дух и станет черными голышами отсчитывать твои дурные дела. Увидав эти кучки, ты можешь испугаться и станешь лгать, кричать, что это несправедливо и не было таких дурных дел, а добрых было больше... Сразу появится Князь Смерти перед тобой с Зеркалом кармы, в котором отражаются доброе и худое в точности.

Заглянешь ты в это зеркало и увидишь правду. После Князь Смерти наденет тебе петлю на шею и потащит за собой. Тебе отрубят голову, вырвут сердце, выгребут наружу кишki и внутренности и станут пожирать мозги твои, пить кровь твою, жевать плоть и грызть твои кости. Безумная и невероятная боль охватит тебя. Увы! Ты не умрешь. Твое мистическое тело вновь соберется, и снова тебя потащат с петлей на шее, снова разорвут и разгрызут на части. Это будет повторяться снова и снова, и не будет тому конца, пока ты не осознаешь происходящего. Пока не отдашь отчет, что это ты сам себя судишь, что все картинки всплывают из мутных вод твоих мыслей!

Не лги, когда считать начнут белые и черные голыши. Не бойся Князя Смерти! Проси у него помощи и защиты. Распознай всю страшную картинку и не выделяй себя из нее, тогда спасешься! Вспомни хотя бы свое настоящее имя! Выкрикни это имя Князю Смерти! Побори страх, будь искренним хотя бы на мгновенье! Упустишь эту возможность – тебя ждет очередное воплощение».

Данзар замолчал, а Костя фыркнул:

– Пожирать мозги... пить кровь... вот зачем я сейчас все это узнал?
– Ничего, – бодро откликнулась Аня. – Вся Дхарма полезна, что в мозг полезла.

– Я не понял, вы предлагаете мне быть... кем?! Князем Смерти? Серьезно?!

Аня развела руками, Данзар издал какой-то звук, похожий на сдавленный смешок.

– Вы шутите, да? Это же полный идиотизм.
– А есть другие варианты? Нет, в принципе, к тому, кто находится в Бардо, кто только не приходит. Но, боюсь, их роли сыграть будет потруднее. – Снова раздалось клацание по клавиатуре. – Вот, например, Важра-Херука, Будда Ордена Важра. Он белого цвета и окутан пламенем. У него три головы с тремя глазами в каждой, шесть рук и четыре ноги. Или вот еще: Ратна-Херука, Будда Ордена

Драгоценного Камня. Он желт и в пламени, обладает трехглазыми головами, шестью руками и стоит на четырех ногах. В первой правой руке у него изумруд, во второй – трезубец, в третьей – булава. В первой левой руке он держит колокольчик, во второй – череп с кровью, в третьей – трезубец.

Костя вздохнул. Бредовейшая идея. Но других нет. В конце концов, он задержит Туманова, пока будет выставлять себя на посмешище, а потом приедет группа захвата, и дальше уже их забота. Такой расклад Орден устраивал, значит, придется просто немного потерпеть в роли клоуна.

– Так. Зеркало кармы тут где можно достать? И веревку...

Лишь когда Аня отдала свое зеркальце и через администратора отеля достали моток бельевой веревки, Костя понял, что его друзья в восторге от этой сумасшедшей идеи. Конечно, ведь играть роль не им!

Аня настаивала, и Данзар с ней соглашался, что стоило попытаться убедить Андрея Туманова, будто он находится в Бардо. Да, вряд ли он за час в это поверит, но Костя мог посеять зернышко сомнения. То, что не могло сработать с реалистом, имело шанс на успех с идеалистом, воспринимающим мир как управляемую иллюзию. Костя обещал приложить весь свой дар убеждения, умолчав о том, что дар этот у него весьма скромен.

Туманов, похоже, создавал очередной шедевр: он открыл дверь в тапочках на босу ногу, тренировочных штанах и футболке, в пальцах зажата маленькая шестеренка от часов. Костя не ждал приглашения: нагло переступил порог и двинул на кухню, не снимая ни ботинок, ни все еще влажного пальто. Туманов от удивления лишь молча последовал за ним.

– Вы понимаете, что происходит? – С серьезным выражением лица Костя снял пальто, перебросил его через спинку стула и сел на этот стул, демонстрируя, что пришел сюда надолго.

Туманов хмыкнул, отложил шестеренку и ответил:

– Что ж непонятного? Вы беспардонно ввалились в мой дом, наследили... видимо, пришли, чтобы забрать меня в подвалы московского горкома.

– Нет, я вижу, вы не понимаете. Причем уже давно.

Несколько секунд они буравили друг друга взглядом, ожидая, кто первый опустит глаза. Проиграл Туманов.

– Что вы имеете в виду?

– Вы неглупый человек... были когда-то таким. Подумайте. Вы же сами мне все рассказали несколько часов назад, сидя вот тут. Вам было девяносто лет, вы понимали, что вот-вот умрете, но идея выхода из сансары путем духовной практики завладела вами полностью. Уже вторую жизнь она не отпускает вас и не отпустит и после смерти. Все еще не понимаете?

Костя давил уверенностью, не разрешая себе ни мгновения сомнений, ни тени улыбки. Тот, кто долго живет, научился отличать ложь и издевку от истины, даже если эта истина только для одного говорящего. В эти минуты Костя сам верил на сто процентов в то, что он Князь Смерти в Бардо, что он устал ждать, пока несчастный, застрявший тут на столетия, поймет, где находится на самом деле. Потому что нет у Князя Смерти злобы или намерения заставить страдать. Как нет такового у любящего родителя, бережно мажущего зеленкой разбитую коленку своему дитяти. Да, больно, да, щиплет, но, если этого не сделать, будет больнее.

– Не морочьте мне голову. Хотите забрать меня? Идите в пекло. Я никуда не поеду, – устало отмахнулся Туманов, но в глазах мелькнула настороженность: он уже понял, что дело не в Ордене, но отказывался признавать это.

А Костя, сам от себя не ожидая, начал вдохновенно излагать впечатления находящегося в Бардо:

– Соответственно карме либо наступает Освобождение или Просветление, либо, в случае плохой кармы, вы сразу же встречаетесь с тем, что вызывает страх. На самом деле это с огромной силой проявляются впечатления вашего собственного ума. Если вы этого не

осознаете, то впечатления вас полностью захватят. Если вы раньше практиковали, теперь это очень поможет. Вы сразу поймете, что происходит, и разберетесь во всем, избежав замешательства.

– Да ты бредишь! – заорал Туманов с такой силой, что кровь прилила к его лицу. Из интеллигентного часовщика он превратился в вороватого продавца на рынке, чей обман засек покупатель. – Хочешь сказать, что я в Бардо?! Хочешь сказать, что все это мои видения?! Вон из моего дома! Убирайся!

– Ай-ай-ай, сколько эмоций. Если это бред, чего ж так заводиться-то? Ха-ха, посмеялись – разошлись. Но нет. Ты же понимаешь, что деваться тебе от меня некуда.

И тут Костя улыбнулся и скосил глаза на карман пальто.

Уже не первый раз в жизни он видел, как человек мгновенно белеет. Секунду назад лицо напоминало помидор, но стоило часовщику посмотреть туда, куда бросил взгляд Костя, как кровь мигом схлынула. Показалось, что Туманов сейчас рухнет в обморок.

Из кармана торчал хвост веревки.

– Кто ты?

– Неправильный вопрос. Лучше спроси себя, кто ты? Я не просто так несколько часов назад задавал тебе вопрос о настоящем имени. Ты сам-то его помнишь? – Он процитировал врезавшиеся в память строки из «Книги мертвых»: – «Вспомни хотя бы свое настоящее имя! Выкрикни это имя Князю Смерти! Побори страх, будь искренним хотя бы на мгновенье! Упустишь эту возможность – тебя ждет очередное воплощение».

Выражение лица Туманова снова кардинально изменилось. За последние минуты это случалось так резко, будто Туманов и не человек, а кукла, и кто-то дергает ее за веревочки. Губы сложились в кривую усмешку, взгляд стал надменным, ни тени страха, ни капли сомнений. Он снова ощущал себя победившим смерть и законы мироздания. Идея Ани и Данзара провалилась? Костя запретил себе думать об этом, даже призрак этой мысли не коснулся его. Роль нужно доиграть до конца с полной верой в нее.

– Ты? Щенок из Ордена – Князь Смерти? Меня снимает скрытая камера, да? Куда помахать?

– Все паясничаете... Громоздишь одну иллюзию на другую и паясничаете. Чего ты боишься? Узнать, что на самом деле умер? Тебе

легче поверить в молодильные яблочки и живую воду из-под крана, но не в собственную смерть? И сколько еще ты намерен заниматься самообманом?

– Да ты псих! Или накурился? Кого только не берут нынче в Орден... Впрочем, тебя ж еще не взяли. Надеюсь, и не возьмут. Ну если ты такой знаток «Книги мертвых», то должен знать, что у Князя Смерти было Зеркало кармы. Давай, покажи мне его, хочу полюбоваться на совершенное мною добро и зло.

Теперь пришла очередь Кости бледнеть: этого момента он и боялся с самого начала. Надежда убедить словами умерла, а других способов друзья не придумали. Что делать? Достать зеркало и опозориться окончательно или развернуться и уйти? До приезда группы захвата оставалось часа два, может, меньше, и Туманов вроде не пытался сбежать. Эмоции голосовали за то, чтобы уйти, но разум оказался против. Перед ним очень опасный человек, и лучше не выпускать его из поля зрения. Кто знает, что случится в эти два часа?

– Ты хочешь это видеть? – Костя сделал последнюю попытку убедить голосом, интонацией, однако Туманов уже вернул себе уверенность и ответил с обычным сарказмом:

– Конечно! Я полон нетерпения!

Костя медленно вытащил из кармана Анию крышку пудреницы. Вложил ее себе в ладонь и поднял вытянутую руку на уровень глаз Андрея. Сердце стучало так, что заглушало тиканье часов на кухне, в ушах гремел лишь этот набат, поэтому Костя абсолютно точно знал, сколько прошло времени: девять ударов. После чего неведомый кукловод, управляющий выражением лица Туманова, сошел с ума. Вначале, правда, Костя решил, что у него самого, исполняющего роль Князя Смерти, начались галлюцинации.

Туманов посерел лицом и упал перед гостем на колени. Неловко взмахнув руками, задел чашку на столе – ту самую, тончайшего китайского фарфора, из которой несколько часов назад пил ча гао. Фарфор разлетелся мелкими брызгами, встретившись с полом, но Туманов даже не вздрогнул. Он выглядел словно провинившийся раб перед хозяином.

– Князь Смерти... умоляю тебя о милости... Я, Эфраим бен-Хаим, прошу у тебя помощи и защиты!

Костя чуть не запорол роль, открыв рот от удивления. Мелькнула мысль, что его разыгрывают, но специально изобразить такой ужас невозможно. Туманова трясло мелкой дрожью, словно перед ним действительно Князь Смерти. Что он увидел в зеркале?! Костя в шоке продолжал держать зеркало на вытянутой руке и не мог сам в него заглянуть.

– Умоляю, убери его... я не могу больше... – прошептал Туманов, не отрывая взгляда. Из глаз текли слезы.

Костя быстро сунул крышку от пудреницы в карман, за что удостоился благодарственного вздоха облегчения.

Теперь стало заметно, что Андрей Туманов стремительно стареет. Буквально на глазах из подтянутого зрелого денди он превратился в чуть обрюзгшего пенсионера и продолжал дряхлеть.

Костя ощутил запах и схватился за телефон, мысленно выругался, сунул телефон в карман и вытащил коммуникатор «скорой». Туманов умирал. Похоже, от старости. Со скоростью взбесившегося локомотива его догоняли все те годы, от которых он сбегал с помощью молодильных яблок, живой воды и прочих чудес.

Мир привычно сжался до туннеля, оканчивающегося человеком, жизнь из которого стремительно утекала. Когда почуял запах, тяжело отвлекаться на что-то другое, но еще сложнее продолжать играть роль Князя Смерти.

– Я умираю? – Туманов разглядывал тыльные стороны своих кистей: кожа стала пергаментной, обтянув сухожилия, затем покрылась темными пятнами. Страха в вопросе не было, лишь робкий интерес.

– Ты уже давно мертв. Сейчас ты выходишь из Бардо, – холодно ответил Костя. Запах смерти лучше корвалола глушил все эмоции.

– У меня опять не получилось, да? Я снова буду рожден и снова начну поиски выхода из сансары?

– Скорее всего, да. Но у тебя еще есть шанс прервать это. Хотя от меня это уже никак не зависит. Дальше ты пойдешь один.

Туманов кивнул. Он уже успокоился, ужас на лице сменился умиротворенностью и покорностью.

В дверь позвонили, но хозяин квартиры даже не дернулся, так и остался на коленях, хотя физически это давалось ему все тяжелее.

Костя открыл. На пороге стоял молодой кудрявый парень в белой форменной рубашке, но без кителя. Он явно ощущал не холод, а запах. Костя лишь прошипел: «Ни единого вопроса», но так и не понял, услышал ли его приехавший реинкарнатор.

Впрочем, оперативники вопросов обычно не задают, особенно когда у них осталось всего две минуты. Минута – собрать кармограф, минута – сделать запись. Если чуть замешкаться, хоть на одну секунду, человек умрет без слепка.

Касимовский реинкарнатор очень торопился. Костя неотрывно глядел на его тонкие пальцы, собирающие аппарат, и понимал, что тот все делает правильно, но недостаточно быстро! Встроенный за годы работы хронограф в голове с точностью до эталонной отсчитывал секунды, и Костя знал, что реинкарнатор не успевает. Отпихнул парня с криком «я сам!», и теперь уже его пальцы летали над кармографом.

На кнопку он нажал ровно за одну минуту до смерти и только затем перевел взгляд на Андрея-Эфраима. Тот распластался на полу, не в силах подняться, воздух с хрипом выходил из легких, тело будто разваливалось на части, кожа кусками отслаивалась, обнажая мясо и даже кости. Туманов разлагался живьем. Материальная оболочка не выдерживала двухсот семидесяти лет, нагрянувших в течение двадцати минут.

– Благодарю тебя, Князь, – раздалось на грани слышимости. Костя кивнул, и через мгновение кармограф пискнул, поменяв цвет лампочки. Тут же навалились звуки, запахи, эмоции и ощущения. Трупная вонь заполонила кухню. Обычно реинкарнаторы закрывали умершему глаза, но сейчас Костя остановил свою руку на полдороге. Хоронить придется в закрытом гробу.

Оперативник тоже очнулся и с удивлением огляделся по сторонам, но взгляд то и дело возвращался к кучке костей, мяса и одежды на полу.

– Ну что застыл? Звони, сообщай, что у нас тут покойник. Пусть забирают, – с наигранной бодростью распорядился Колесов.

Тот сглотнул и кивнул. Казалось, его сейчас стошнит. Костя и сам держался исключительно благодаря адреналину, пульсирующему по венам вместо крови, так что сжался над парнем и решил отпустить его. Да и вопросов меньше будет.

– Давай вали отсюда. Нечего тебе тут уже делать. Я сам и медиков встречу, и полицию. Ты сделал главное: успел.

– Я такого никогда не видел...

– Я тоже. Поэтому Орден этим и занимается. – Костя сразу отсек возможные вопросы и домыслы. Расспрашивать члена Ордена о деле у реинкарнаторов считалось дурным тоном, но на всякий случай Колесов все же предостерег: – Не стоит никому болтать о том, что видел.

Кудрявая голова мотнулась: мол, все понимаю. Оперативник быстро, не глядя на труп, собрал кармограф и махнул рукой на прощание. Из коридора донесся его разговор по коммуникатору с медиками, потом дверь хлопнула, и Костя остался один. Была еще одна причина, почему он выпроводил коллегу: хотелось обыскать квартиру. Без свидетелей.

Для начала он обошел все комнаты. Буковый паркет смягчал, приглушал шаги, словно дом еще не понял, что его хозяина больше нет и это идет не званый гость, а Князь Смерти. Двери открывались без единого писка, солнечные лучи пробивались сквозь щели между занавесок, чтобы остаться пятнами на полу. Ни в спальне, ни в кабинете Кучика не оказалось. Ожидаемо, конечно, но проверить стоило. Кабинет заинтересовал особо: если и прятать где-то секреты, то там. Большую его часть занимал массивный дубовый стол по цене годовой зарплаты реинкарнатора – именно за ним Туманов создавал свои шедевры. Сейчас стол был завален шестерenkами от часов, а на расчищенном пятаке притулились два крыла будущей механической птицы. Здесь тайник искать бессмысленно, зато в терракотовом секретере у стены, под резной откидывающейся створкой обнаружился ноутбук. Тот оказался запаролен, так что Костя не стал терять на него время. В Ордене разберутся. Многочисленные ящики на ключ не закрывались: возможно, потому, что ничего ценного в них не оказалось. Счета за квартиру, немного денег, сувенирные безделицы... ничего личного, никаких писем или открыток, ничего, что дало бы какую-то зацепку.

Тем временем за окном раздался рык двигателя. Костя чуть отодвинул занавеску и выглянул. Труповозка. Оставалась от силы пара минут, пока медики поднимутся в квартиру, поэтому он бросил рыться в секрете и метнулся в гостиную. Может быть, тут есть что-то

ценное? Сейф, который он не заметил? Договор на аренду банка памяти? Что-то, что можно спрятать на виду? Но лишняя минута не помогла. В последнее мгновение, когда послышался звук открываемой двери, взгляд упал на клетку с птицей. Той самой, умеющей считывать идентификационные чипы членов Ордена. Не раздумывая, Костя схватил ее и сунул в карман. Не то чтобы она зачем-то могла пригодиться, но он вдруг понял, что будет жалеть о том, что оставил ее здесь.

Представившись и проводив медиков на кухню, к тому, что когда-то было Андреем Тумановым, Костя ушел. К счастью, отчет о случившемся писать не ему, а тому, кто прибыл по вызову, то есть кудрявому пареньку. Костю могут попросить дать показания, но, насколько он помнил, член Ордена имеет право отказаться. Впрочем, об этом стоило уточнить у Амгалана.

Мысли и идеи одни невероятнее других появлялись в голове, сталкивались, соперничали друг с другом и уходили в небытие, пока Костя шел к отелю. В нем клокотал коктейль из адреналина, злости и страха. Катастрофически не хватало фактов. Самый важный вопрос: что и как увидел Туманов в зеркале? Костя сунул руку в карман, достал крышку от пудреницы и внимательно ее осмотрел. Зеркало как зеркало. Как ни взгляดывайся – отражается лишь его небритое хмурое лицо да взлохмаченные волосы. Пора стричься – вот и все, что говорило ему зеркало.

На всякий случай он осмотрел и веревку. Тоже ничего особенного. Он не понимал, что произошло, что теперь будет и как ко всему этому причастна Аня. Или не причастна. Факт был лишь один: Туманов умер от резкой, невозможной старости. Либо он действительно прожил двести семьдесят лет, и сейчас то, что сохраняло его тело молодым и здоровым, каким-то образом разрушилось, либо Туманову на самом деле сорок, но сработала какая-то... магия.

Оставался еще один вариант, совершенно безумный, еще более невозможный, чем два предыдущих: Туманов действительно все эти годы находился в Бардо, став видимым в нашем мире. Обычно живые не видят обитателей Бардо, хотя все эти истории про привидения, вполне возможно, как раз и описывают сбои, когда некоторые сущности проникают сюда. Если действительно так случилось, то психика Туманова могла объяснить это уникальной духовной

практикой, скрывая от него правду, что он, по сути, привидение. Впрочем, был еще и четвертый вариант. Но о нем Костя решил не думать, иначе пора пряником в дурку. Вариант, что в Бардо находится не Туманов...

Аня ждала в фойе на первом этаже, уютно расположившись на диване среди мягких цветастых подушек, и гладила какого-то помойного кота с порванным ухом, блаженно разлегшегося на ее коленях. Это ведь было ее предложение: сыграть Князя Смерти! И зеркало ее. Она явно что-то знала, а то и сама все подстроила! Костя почувствовал, как злость заполняет его, вытесняя остальные эмоции: ему не нравится, что его используют. Удалось сдержаться и не заорать прямо в фойе, но поговорить наедине требовалось срочно.

– Как все прошло? – улыбнулась Аня, но кот спрыгнул с коленей и зашипел, выгнув спину.

– В номере расскажу. – Костя вцепился в ее руку и потянул за собой; девушка послушно пошла по лестнице. Лишь закрыв дверь номера изнутри, он скинул маску хладнокровия.

– Ёккарганай! Что происходит?! Что ты сделала с зеркалом?! Кто ты такая, асур побери?! – Чтобы не привлекать внимания горничных и охраны отеля, он орал шепотом.

– Эй, эй, ты что? – отшатнулась Аня, однако Костя схватил ее обеими руками за плечи, больно стиснув, и притянул к себе.

– Что увидел Туманов в твоем зеркале? Почему он поверил, что я Князь Смерти? Почему он после этого умер? Отвечай!

Анин взгляд изменился: с таким реаниматологи сражаются за жизнь тяжелобольного. Ее губы сжалась в линию. Она ни капли не боялась, лишь ледяная злость, смешанная с упрямством, поднялась из глубин на поверхность сознания. Медленно, делая паузы после каждого слова, но четко и твердо произнесла:

– Отпусти. Меня. Сейчас же. Успокойся. И объясни, что происходит.

Костя сделал глубокий вдох и выдох. Пальцы, вцепившиеся в напряженные плечи, разжались, но он не отошел ни на шаг. Стараясь унять бурю негодования, медленно ответил:

– Туманов умер. Все пошло не так. Он потребовал доказательств, и мне пришлось показать твое зеркало, после чего он плюхнулся на колени и стал бормотать, что я Князь Смерти, а потом за десять минут

умер от невозможной старости. Его тело разлагалось прямо у меня на глазах. А теперь я требую объяснить, что он там увидел и как ты это сделала?

– Я не могу. Ты думаешь, я какая-то колдунья, что ли? Увы или к счастью, это не так. Это было обычное зеркальце из моей пудреницы. Я при тебе разломала ее. И не представляю, что именно он там увидел. Судя по его реакции – свою карму, но я не знаю...

– Хочешь сказать, ты ничего не делала и ничего не знаешь?!

Аня пожала плечами.

– Я ничего не хочу сказать, я просто не знаю, как доказать, что я не верблюд. Подумай, рассуждая логически: если бы я была такой крутой колдуньей, почему бы мне не сделать все с помощью магии? И потом... ты правда веришь в магию?

О боги Тушита! Конечно, Костя в магию не верил. Но он уже не знал, чему верить. Молодильные яблоки, аппаратура для выхода в Нирвану, зеркало кармы, Князь Смерти... от всего этого голова шла кругом. Увиденное не складывалось в логичную картину, даже фактами это назвать было сложно. Факт один – Туманов умер. Все остальное, даже увиденное своими глазами, было столь зыбко, что больше походило на иллюзии. На это невозможно опираться.

Может, Аня действительно ни при чем. Просто по какой-то причине иллюзии разрушились именно от ее зеркала. Играло ли роль то, что это зеркало именно ее? Или подошло бы любое? Костя стал вспоминать квартиру Туманова и сообразил, что ни разу не видел там зеркал. Даже в ванной, куда заходил помыть руки. Тогда, занятый другими вещами, он не обратил на это внимания. Может быть, это ключ? У любого героя, как у Ахилла, должно быть слабое, незащищенное место. Не может не быть. И Туманов упоминал о какой-то «побочке». Могла ли она быть связана с зеркалами? Надо сообщить безопасникам, пусть проверят. Или все же Аня врет? Может, на самом деле она умеет многое, но скрывает эти способности...

Лихорадочные размышления прервал телефонный звонок. Вместо приветствия в трубке раздалось:

– Управление безопасности. Мы подъехали.

– Поднимайтесь, – хмуро ответил Костя и отошел от Ани. В ближайшие часы ему придется объяснять Ордену то, чего он сам не понимал.

Через два часа, когда у Кости уже язык заплетался рассказывать о событиях прошедшего дня, безопасники наконец оставили его в покое. И хотя он подробнейшим образом описал, что видел, передал найденный ноутбук и даже рассказал о нелегальном подростке в райкоме Ордена, на него смотрели с подозрением. Особенно Мазур: Костя не сомневался, что тот внес посильную лепту в создание его негативного образа. Владек Витович словно примеривался, съездить Колесову по физиономии или плюнуть в него, причем ядовитой слюной. Причина такой яростной ненависти выяснилась позже: Данзар проговорился, что Мазуру очень сильно влетело. Мол, его как опытного члена Ордена назначили куратором в этой поездке, приставили к новичку, чтобы тот не облажался, а Мазур не смог предотвратить смерть такого важного свидетеля.

Допрос Ани также не дал никаких результатов, и наконец безопасники оставили их в покое. Один уехал в морг, другой – в квартиру Туманова, прихватив с собой Мазура. Костя попросил их поискать там зеркала, выдав свою теорию, но энтузиазма она не вызвала, Мазур и вовсе окатил его презрительным взглядом. Впрочем, безопасник хотя бы пообещал обратить внимание на зеркала.

Лишь одно Костя утаил ото всех: механическую птицу с глазами-индикаторами. Ценностей для следствия она не представляла, но ее бы просто отняли как вещдок. Жалко. Никакой это не вещдок, а уникальная скульптура ручной работы и редчайшей красоты. И, конечно, пользы. Правда, скорее для тех, кто боится Ордена.

По возвращении безопасники должны были отвезти его в Москву. В ожидании Костя методично напивался в баре.

Его уже официально отстранили от дела «до выяснения», так что даже при желании он не мог заняться чем-то полезным. Впрочем, желания не было. Все нити оборвались. Ценный свидетель мертв, куда уехал Кучик – неизвестно, идей, где искать уникальный прибор, нет. Плюс теперь он не понимает, как относиться к Ане и стоит ли ей доверять. За эту неделю Костя успел подняться по карьерной лестнице и рухнуть с нее.

– Можно? – Она появилась где-то после пятой порции виски. Костя плюнул на все и заказал двенадцатилетний односолодовый по цене его месячной зарплаты в «скорой». Кредитку Орден пока не заблокировал,

а если поставят на вид за нецелевое использование средств, то... что ж... одной проблемой больше. Роли это уже не играет.

Он неопределенно махнул, и Аня предпочла считать это приглашением. Возникший из ниоткуда официант принес второй стакан и бутылку воды, а затем неслышно удалился.

Костя плеснул себе виски, залпом выпил и тут же налил снова. Он и злился на всех вокруг, и радовался тому, что Аня рядом. Инстинкты, разбуженные алкоголем, требовали попробовать ее губы на вкус и вдохнуть запах пшеничных волос, но разум, как строгий пограничник, закрывал шлагбаум, хмурил брови и твердил, что с въездной визой что-то не так. Костя сомневался в Ане, хотя не было ни одного доказательства ее неблагонадежности. Да, она оказалась единственным подозреваемым, но это еще ничего не значит. Да и в чем он ее подозревает? В колдовстве? Не смешно. Получалось, что Туманов в зеркале увидел свои добрые и злые дела, после чего поверил, что перед ним Князь Смерти. Но на самом деле Костя считал невозможным так заколдовать зеркало.

– А ты не думала, что мы сами сейчас находимся в Бардо?

– Однажды Чжуанцзы приснилось, что он – весело порхающая бабочка. Он наслаждался от души и не осознавал, что он Чжуанцзы. Но вдруг проснулся, очень удивился тому, что он – Чжуанцзы, и не мог понять: снилось ли Чжуанцзы, что он – бабочка, или бабочке снится, что она – Чжуанцзы?! – вспомнила Аня притчу.

– Угу. – Костя снова выпил. – Я думаю, что после появления Куполов люди потеряли опору для определения реальности. Раньше все было просто: реальность – это что ты видишь, что ощущаешь, когда не спишь. Все остальное – сны, иллюзии. И для меня это так. Но не для тех, кто помнит прошлую жизнь. Каково это, когда иные воспоминания всплывают в твоей памяти? Когда ты не можешь понять, обрывки сна это или же события прошлой жизни? Говорят, иногда рождаются те, кто помнит две свои жизни. Как они не сходят с ума – я не знаю. Или сходят?..

Аня забыла про свой стакан с водой и лишь внимательно слушала, а Костя говорил и сам себе удивлялся. Редко с кем он делился мыслями. Возможно, в этом виноват алкоголь. Или же присутствие синеглазой блондинки. Несмотря на все свои запреты, его тянуло к ней, как ребенка к конфете. В конце концов, ничто не мешает

пригласить Аню на свидание. Или это глупо – сидя вдвоем в пустом ресторане, приглашать на свидание? Вот же оно. Или нет? Костя не умел ухаживать за девушками, терялся рядом с ними, не знал, какие и когда говорить комплименты и все такое. Может, ну его, свидание?

– Я ведь сегодня убил человека. Наверное, это испортит мою карму, и родиться мне в следующей жизни земляным червяком или жабой.

– У тебя какой-то пункттик на жаб. Чем они тебе насолили? – чуть улыбнулась Аня.

Костя пожал плечами:

– В сказках волшебники обычно превращают плохих парней в жаб.

– Ты не плохой. И смерть Туманова – это не твоя карма, ты его не убивал.

– Ну да, он сам умер. А я просто стоял рядом и держал зеркало.

Виски разливался теплом и умиротворением, мир перестал казаться смрадной помойкой, всего лишь обычной помойкой, где среди хлама и отбросов можно найти и что-то стоящее, что выбросили случайно или за ненадобностью. Например, вот такого реаниматолога.

– Чем займешься?

– Чем всегда. Думаю, мое отделение «скорой» уже очень соскучилось без меня. А ты?

– Тоже вернусь на работу. Свободных рук, как обычно, не хватает. Как думаешь, тебе дадут продолжить расследование?

Костя пожал плечами и снова выпил. Об этом не хотелось ни говорить, ни думать. Аня поняла и не настаивала на ответе.

– Пойду вещи соберу.

– Я провожу, – подскочил Костя. Ему очень не хотелось, чтобы она уходила, но попросить остатся язык не повернулся.

Всю дорогу до номера они молчали. Костя вдруг стал деревянным, такое с ним часто случалось рядом с понравившейся девушкой. Лишь около двери, когда пришло время попрощаться и уйти, он разрешил себе погладить ее от плеча до кончиков пальцев, а затем взял ее лицо в ладони.

– Не надо, – прошептала Аня, качая головой. – Поверь мне, тебе будет лучше без этого.

– А тебе?

– Нам обоим.

В ее голосе не было ни грамма кокетства или сомнения. Это не женское «хочу, но еще не уверена», это четкое «нет». Костя был плохим ухажером, не понимал женщин, часто делал не то и не так, не разбираясь в том, чего они хотят. Но одно он понимал совершенно ясно: его они не хотят. И он дурак, что решил, словно сейчас будет иначе.

– Я сообщу, когда приедут безопасники, – бросил он и направился в бар. В бутылке еще оставался виски.

Глава 8

– Четвертая, прием, вызов с Дмитровского шоссе, сто пятьдесят девять.

Костя услышал голос диспетчера по громкой связи и нырнул в машину, чтобы ответить:

– Вас понял. Едем.

Они только отработали предыдущий вызов, и водитель вылез размять ноги и подставить курносый нос внезапным лучам уже почти зимнего солнца. Кажется, этот паренек лишь недавно окончил школу и всего несколько месяцев работал в Скорой реинкарнаторской. С непривычки беднягу шатало от усталости. Десятый час за баранкой, задница приняла форму кресла, хотелось вытянуться и поспать.

Косте не нравилось, как водит этот новичок, но он молчал. На такую зарплату приходили далеко не автогонщики, а Сан Саныча, шофера от бога, на всех не хватит. Да и старенький он уже, чтоб выдерживать Костины двойные смены.

На МКАДе встали в пробку. Намертво. От воя включенной сирены звенело в голове, но без толку: их маленькую желтую машинку зажали со всех сторон. Костя барабанил пальцами по бардачку, пытаясь унять раздражение, то и дело бросал хмурый взгляд на часы. Часовая стрелка двигалась, кажется, быстрее, чем их машина.

Новый вызов по рации застал у съезда на Лианозовскую.

– Четвертый, отбой. Пациент уже умер.

– Твою мать! – врезал Костя кулаками по панели перед собой. – Демоны тебя задери! Ты вообще ездить умеешь?!

– Константин Юрьевич, тут пробка, – пролепетал курносый трясущимися губами.

– Из-за тебя только что умер человек! Ты понимаешь это вообще? Ты знаешь, что такое, когда умирает близкий без слепка кармы?! Ты либо подонок, которому плевать на все, либо инфантильный дебил!

– Константин Юрьевич...

– Что?! Что ты вообще можешь сказать?!

Костя чувствовал себя пойманым диким зверем, от безысходности грызущим железные прутья клетки, понимал, что это бессмысленно,

но продолжал кричать, потому что иначе – только лечь и завыть. Он не успел, он не смог сделать то единственное, ради чего пришел на этот свет. То единственное, что оправдывало его существование.

Неизвестно, сколько бы еще обвинений вылилось на голову несчастного, если бы не возник запах. Костя почуял, и в это же мгновение преобразился, будто из него вытянули все человеческое, оставив лишь функцию. Мозг переключился в режим компьютера, просчитывающего варианты и выбирая оптимальный. Запах на грани слышимости, но смерть наступит скоро, через десять-двенадцать минут. Доехать они не успеют, но можно дойти. Этого достаточно. Реинкарнатор взял чемоданчик и шагнул из машины.

– Константин Юрьевич! Вы куда?! – заорал ему вслед окончательно перепуганный водитель, но его голос потонул в рычании моторов.

Костя шел вдоль МКАДа, не замечая машин, те для него сейчас были словно деревья в лесу – всего лишь препятствие, которое надо обойти. Временами «деревья» начинали двигаться и сигналили, но он не обращал на это внимания. Шел по своему туннелю, и время тикало, будто бомба с часовым механизмом. Не успеешь – взорвется и кого-то убьет. Реинкарнатор не знал кого, но ему очень этого не хотелось.

А вот и причина пробки. Два автомобиля застыли смятой фольгой, рядом мигала проблесковым маячком машина ГАИ, а на обочине бригада медиков сутилась над распростертым телом. Даму лет сорока пытались вернуть к жизни. Ее красивые светлые волосы рассыпались по асфальту, но на них никто не смотрел.

– Разряд! – крикнул реаниматолог, и от удара током хрупкое тело дернулось.

– Еще!

Дефибриллятор вновь отдал импульс тока и умер. Больше чем на два раза его не хватало, и, пока его спешно заряжали, медик стал делать массаж сердца, ритмично надавливая на грудь.

– Фохао. Реинкарнация. Мне нужно пространство, – произнес Костя, опустил на асфальт чемоданчик и привычно начал собирать кармограф.

Медик, большой и грузный, похожий на бурого медведя, гаркнул:

– Какого демона?! Кто его сюда пустил?! Прочь!

Двое в белых халатах, женщина лет пятидесяти и молодой интерн, растерянно переглянулись. Как можно не пустить реинкарнатора? И

если он тут, то... дело плохо. И пусть он исполнит, что должен. Сам же Костя и не слышал ничего. Закончив собирать прибор, он уже потребовал:

- Освободите пространство. Метр от умирающего!
  - Выкуси! Она не умрет, пока я рядом! – прорычал реаниматолог, не прекращая нажимать на грудную клетку.
  - Она умрет. В любом случае. Но либо со слепком кармы, либо без. Убирайся отсюда!
  - Илья Ильич, может, правда дать ему минуту, пусть сделает слепок, – осторожно предложила врач.
  - Заткнись! Где кислород, твою мать?!
- Женщина бросилась к машине «скорой» помочи и через мгновение уже надевала на блондинку маску.
- Ты убьешь ее. – В Костином голосе не было эмоций, лишь констатация факта.
  - Это ты убьешь ее!
  - Она мертва. Или будет такой через две минуты. Я почуял это десять минут назад.
  - Или ты ошибаешься!
  - Я никогда не ошибаюсь.

Внутренние часы тикали с ужасающей громкостью. Костя не мог позволить, чтобы смерть снова победила, поэтому он просто подошел к здоровяку и отвесил ему хук. Тот рухнул мешком и отключился.

Костя успел нажать кнопку на кармографе, прежде чем получил кулаком от интерна. В голове взорвалась сверхновая, кровь из разбитой губы заляпала белую форменную рубашку, но он остался в сознании. Бить так, чтобы вырубать противника, в мединституте явно не учили, в отличие от реинкарнаторской. Так что это ерунда, не страшно. Вот только интерн бросился делать массаж сердца...

Костя выключил прибор. Медленно начал его разбирать, складывая в чемоданчик с тиснением в форме круга. Секунды стучали в голове, как град по листу железа. Сорок... тридцать... Здоровяк со стоном приходил в себя, врач замерла белым изваянием, а интерн все жал на грудную клетку.

Мир обрушился, будто водопад. Автомобильные гудки, выхлопные газы, холод, боль, усталость, жажда и еще множество ощущений и, самое ужасное, эмоций. Захотелось взвыть. Он бы успел! Он же почти

ее спас! Ну что за дебилы работают в реанимации?! Ну почему люди должны умирать, когда он рядом?! Костя схватился за голову и застонал.

– Она умерла? – тихо спросила врач.

Костя не глядя кивнул.

– Вадик, хватит. Проверь пульс, запиши время смерти.

– Зинаида Михайловна, давайте разряд! Я смогу...

– Вадик! – рявкнула врач. – Зафиксируй время смерти!

Костя с трудом отошел на обочину и почти рухнул на землю. Его тряслось: то ли от холода, то ли от невыплаканных слез. Он. Опять. Не. Успел. Эти четыре слова – самый большой страх всей его жизни. То, что не дает ему покоя ни днем ни ночью. И сталкиваясь с ним лицом к лицу, вот как сейчас, хотелось выть, скулить, кататься по земле, сделать что угодно – лишь бы не чувствовать то, что раздирает его на кусочки.

– Это ты ее убил.

Костя даже не сразу понял, что эти слова – в его адрес. Здоровяк в белом халате навис глыбой.

– Я сказал: буду с ней – будет жить. Но ты решил по-своему.

Костю учили не только вырубать противника, но и убивать. И сейчас эти навыки включились сами. Будь перед ним худощавый интерн, запоровший слепок кармы, наверное, все кончилось бы очень плохо. Но двухметрового бугая весом под сто килограммов не так просто убить, даже если умеешь.

Когда вмешался гаишник, все уже само кончилось. Больше других пострадал несчастный Вадик, бросившийся на подмогу. Кажется, ему даже выбили зуб, и не один. Вот только непонятно кто, реинкарнатор или реаниматолог? У Кости набухал фингал, рубашку можно было пустить на тряпки, и стоило сделать рентген ребер. С левой стороны после медвежьих объятий неприятно ныло. Самым целым выглядел здоровяк, но Костя подозревал, что у того сотрясение – очень уж он крепко приложился головой об асфальт.

К счастью, кармограф не пострадал, а ребра и губа заживут, дело житейское. Зато черная безысходность на время уползла в свою нору, так что стало возможным дышать и даже жить. В этот момент Костя и увидел девочку лет шести, в бежевом пальто и белой шапке с огромным розовым помпоном. Она сидела на обочине, поджав колени

к груди, и не отрываясь смотрела, как медики укладывают труп на носилки, накрывают его белой простыней и несут в машину. Похоже, девочка не заметила драку, она смотрела только на маму.

– Тебя как зовут? – Костя подсел ближе. Слева резануло, и пришлось закусить губу, чтобы не застонать.

– Даша.

– Даша, у тебя родные есть?

Та кивнула, не отрывая взгляда от уезжающей «скорой»:

– Да. Дядя полицейский сказал, чтобы я никуда не уходила. Скоро за мной приедет папа.

– Это правильно. Давай подождем твоего папу.

«Скорая» исчезла с горизонта, и тогда девочка впервые глянула на Костю.

– А когда мама проснется? И почему так быстро заснула?

– Устала очень.

Вряд ли он – тот человек, который сможет правильно объяснить ребенку, что такое смерть. Ребенку, который еще не вспомнил собственную смерть.

– Вон отсюда!!! Это приказ! Я лично издам распоряжение, что тебе категорически запрещено выдавать кармограф! Убирайся с глаз моих и не мешай разгребать ту дерьямовую кашу, которую ты заварил!

Костя еще ни разу не видел заведующего в такой ярости. Сергеич вообще славился тихим, невозмутимым нравом.

– Я действовал строго по инструкции, – отчеканил Костя. – Кирилл Сергеевич, ну он ее угробил! На моих глазах угробил! Я что, должен был стоять и молча смотреть?

– По инструкции?! Да плевал ты на инструкцию! Идти на запах посреди МКАДа – это по инструкции? Бить медика «скорой» помочи – это по инструкции? Я уже молчу про оскорбление сотрудника полиции и прочее!

– Да я ему слова не сказал! Гаишник вообще стоял в стороне и не вмешивался, гад! А здоровьяка этого я бил точно по инструкции: пункт два точка один, пятый раздел: «Действия реинкарнатора при попытке воспрепятствовать его профессиональной деятельности, что может привести к смерти пациента».

– По морде ты его, упыря, бил, а не по инструкции. И вообще, где там говорится о том, что нужно избить двух врачей «скорой» после того, как пациент умер? Короче, Колесов. Две недели принудительного отпуска. И чтобы я тебя не видел и не слышал! Этот Илья Ильич подал рапорт в Минздрав, те нагнули Минреинкарнации, и сейчас у нас из-за тебя большие проблемы! Тебя вообще хотят дисквалифицировать и отстранить от работы. Понимаешь ты это?!

– Отлично! Этот кретин убил пациента, а дисквалифицировать меня! Да я его увижу – голову ему... – Под испепеляющим взглядом Сергеича Костя прикусил язык. Похоже, он и правда перегнул, и лучше пока помолчать. Никакой вины за собой он не ощущал, но это ведь ничего не значит. Мир несправедлив тогда, когда больше всего нуждаешься в его справедливости. Ладно, пусть его сделают козлом отпущения, но только работы не лишают! При мысли о дисквалификации все внутри сжалось. Это будет конец.

Из кабинета заведующего он вышел таким вымотанным, будто не пятнадцать минут разговаривал, а отработал двойную смену. Ноги еле держали, пальцы чуть заметно тряслись, как у алкоголика, в черепную коробку будто ваты напихали. Он не помнил, как доехал до дома, когда последний раз ел, с кем разговаривал. Просто опустил тяжелую голову на подушку и выключился на двадцать часов.

– Так вот где прячется будущий инспектор Ордена, – внезапно раздался голос Амгалана Тумэновича. Костя напрягся: командор над ним подшучивает или сейчас серьезно? Мысли об Ордене после отстранения от дела не давали ему покоя. Оставалось чуть больше месяца до конца испытательного срока, а его даже до дела не допускают. Есть ли у него шанс реабилитироваться? Или все, он уже провалился, но выгнать из Ордена прямо сейчас не позволяет внутренняя инструкция? Костя взгляделся в широкое бурятское лицо, но нет, не понять. Из-за узких глаз, словно лукаво прищуренных, и мягкого голоса с легким акцентом казалось, что Доржиев всегда не до конца серьезен.

Вспомнив, в каком он сейчас виде, Костя неожиданно почувствовал себя неловко и выпрямился, отставив лопату. Но общей картины это не изменило. В высоких резиновых сапогах и комбинезоне он вычищал денник, бросая в тачку навоз, смешанный с соломой. Запах стоял

соответствующий, и комбинезон уже давно превратился в приманку для мух – благо в январе никаких насекомых нет.

Сейчас Костя мог позволить себе просто заплатить за постой, воспользовавшись карточкой Ордена, но за годы безденежья привык работать конюхом. Ему это даже нравилось. Лошади фыркали, прядали ушами и смотрели большими черными глазами, от этого все Костины проблемы становились не страшными, не важными. Когда жизнь шла наперекосяк – он ехал сюда, на конюшню, к Ивану Викторовичу, ставшему за годы общения хорошим приятелем. К Пегасу и Чалому, сующим при встрече морды ему в карман – вдруг там яблоко или морковка? К Алешке, рыжему балбесу, прогуливающему тут уроки и так же, как и Костя, платившему за занятия черной работой. К потертым седлам, стременам, уздачкам и подпругам.

Всего в пятидесяти километрах от Москвы текла совсем другая жизнь, размеренная, спокойная и настоящая. Костя в нее погружался, словно в прохладное озеро после палящего солнца мегаполиса. Пять лет назад, после развода Колесова, Иван Викторович разрешил ему пожить на конюшне, и именно это тогда удержало Костю от пьянства и депрессии. Сейчас, оглядываясь назад, он даже мог себе признаться, что те три недели вспоминает с теплотой и некоторой завистью, несмотря на события, им предшествующие.

– Съездим на прогулку? – Амгалан обращался к Чалому, и тот, будто отвечая на вопрос, мотнул головой, убирайая челку с глаз. Впрочем, Костя понял, кому на самом деле это адресовалось.

– А вы умеете?

– Ну, из седла не выпаду.

Мало желающих прокатиться верхом утром в понедельник, а сегодня и вовсе ни одного, так что кони скучали. Оставив командора гладить теплые фыркающие морды, Костя полез наверх, в комнатку, где обитал последние дни, – переодеться. Комбинезон бросил в ведро, приспособленное под бак для грязного; вместо него надел утепленные бриджи, кофту из флиса и специальную куртку – последний подарок отца на день рождения. Косте такие вещи были не по карману, отец же тогда еще надеялся, что сын станет если не инженером, то хотя бы профессиональным спортсменом. Тоже не самое подходящее занятие для отпрыска, но все лучше, чем работа на «скорой». Рукава уже обтрепались, куртка стала коротка, но, специально созданная для

зимних прогулок, она до сих пор выдерживала морозы. Теперь отец не то что подарки не дарит – даже не звонит поздравить. А вот сапоги на меху – это уже вынужденный подарок самому себе. Пару раз как отморозил ноги, так и выкроил деньги на покупку.

– Весельчак понравился? Да, он у нас та еще обаяшка. Небось все руки вам облизал, – чуть улыбнулся Костя, спускаясь по лестнице.

Амгалан чесал за ухом рыжего коня донской породы.

– Похоже, он не против прогуляться.

– Он всегда только «за», но возьмите лучше теннесийца, он спокойней, и вам проще будет.

Командор не спорил, кивнул.

В соседнем деннике махала хвостом гнедая кобыла по кличке Монетка. Костя быстро ее поседлал: та уже поняла, что намечается прогулка, и в нетерпении переставляла ноги. Затем очередь дошла и до Пегаса. Вороной потерся мордой о плечо своего всадника, тот потрепал тракена по холке.

Амгалан, как оказалось, действительно неплохо держался в седле, и уже минут через пять Костя перестал его страховать и направил лошадей по мерзлой дороге в лес. Несмотря на минусовые температуры, снега ни в городе, ни в окрестностях не было. Черные голые ветви деревьев, тянувшиеся к серому небу, нагнетали тоску и мысли о бесконечности зимы. Тепло и лето казались чем-то фантастичным, далеким, как с другой планеты. Природа будто проецировала то, что чувствовал последние дни Костя. Но в эти минуты он смотрел на мир иначе, радостно, словно повернув калейдоскоп и выбрав цветное стеклышко. Когда Колесов верхом на Пегасе, словно все вокруг меняется. Особенно когда конь срывается в рысь или галоп. Обычно в таких случаях Костя его успокаивал – тот уже совсем старенький, – но сейчас не стал. Лишь крикнул командору: «Я скоро!» – и умчался, привстав в стременах и плотно обхватив коленями теплые бока. Никто не может грустить, когда мчится галопом!

Вернулись оба повеселевшие, Пегас теперь важно вышагивал рядом с Монеткой, не пытаясь сорваться куда-то. Набегался. Костя решил не тянуть время:

– Вы же не ради покатушек приехали.

Амгалан кивнул и заговорил серьезно:

– Саша Жердин раскрыл дело о кармографе, который ты забрал в ОПГ «Китай».

Костя тут же превратился в слух, забыв и думать о лесе, погоде и даже о Пегасе.

– Один из петербургских реинкарнаторов, биржевой игрок, занял у бандитов крупную сумму, но ему не повезло. О зарплатах в «скорой» ты лучше меня знаешь, долг был большой, так что игрок инсценировал ограбление. Якобы украденный прибор отдал в ОПГ, но попыток загрузить с него пластины в Купола за два года никто не зафиксировал. Как я понимаю, кармограф был нужен даже не бандитам, а Петмансону. Видимо, Леонхард Янович два года назад вышел на Макеева с просьбой достать кармограф для своих экспериментов. Не знаю, что он обещал взамен. Скорее всего – стереть Макееву и его окружению карму, когда прибор будет готов. Дальше мы уходим в область домыслов, но исходя из того, что нам на сегодня известно, в процессе экспериментов Петмансон повредил сердечник. Макеев взбесился, потребовал возместить ущерб, грозил неприятностями. После одного такого разговора сердце у Леонхарда и не выдержало – случился инфаркт.

– Надеюсь, того подонка уже посадили?

Костя аж побелел от бешенства. По вине реинкарнатора «скорая» лишилась кармографа! Немыслимо! Это преступление особой тяжести!

– Его взяли под стражу, открыли уголовное дело.

Конь, почувствовав эмоции всадника, сбылся с шага, дернулся, фыркнул. Мол, что с тобой происходит? Это опасно? Костя погладил Пегаса по холке, не столько успокаивая коня, сколько успокаиваясь от этого сам. Ракшас с ним, с реинкарнатором. В голове пазлы сложились окончательно, и Костя увидел всю картину целиком:

– Для того чтобы стереть карму, нужен был кармограф, а тот, что хранился у Макеева, не работал. Поэтому Леон и вызвал перед смертью реинкарнатора. Дождался моего приезда и включил свое устройство... Кстати, оно лежало под кроватью: там остался след в пыли. Я его заметил, когда осматривал комнату, но подумал, что там хранился ящик с инструментами... вот только ящика не нашел. Карма вместо записи стерлась, Леон стал Просветленным. Вот почему он так

изменился! Я помню его взгляд. И удачи он мне не просто так пожелал. Сказал, она мне понадобится. Увидел будущее?

– Тут не нужно видеть будущее. Ясно, что, когда найдут чистую карму, всполошится Орден реинкарнаторов, – возразил Амгалан.

– А что с найденными в кармографе пластинаами? – внезапно для себя выпалил Костя. Последние недели у него оказалось слишком много свободного времени и то и дело захлестывали сожаления о собственных ошибках. И про рыжего сироту в касимовском райкоме он зря выболтал, и о судьбе найденных пластин с неустановленной кармой переживал. Да и конопатый Юра несколько раз снился в кошмарах – Костя снова и снова не успевал его спасти.

– А что с ними? – не понял командор.

– Ну... их не уничтожили? Карма-то нелегальная.

– Мы не выбрасываем пластины с записью, что ты! Даже нелегальные. Код таких пластин вносится в базу, и если он еще раз где-то всплывает, мы анализируем ситуацию. Чаще всего человек перед смертью делает еще один слепок, его и загружают в Купол. Лишь в таком случае старый слепок уничтожается.

– А если код так и не всплывает?

– То пластину хранят сто пятьдесят лет с момента обнаружения. Затем, после тщательной проверки и подтверждения, что этот идентификационный номер не загружался в Купол, этот слепок загружают.

Костя выдохнул. Слава всем богам, хотя бы этой кармы за ним нет, а люди будут спасены. Даже если они бандиты.

– Но вы же приехали не ради того, чтобы рассказать про найденный кармограф. – Костя даже не спрашивал, а утверждал.

– Я хочу предложить тебе взять другое дело. Тем более что ты все равно на основной работе в отпуске, можешь чем-то заняться, – хмыкнул командор, и Костя понял, что тот в курсе его скандальной истории с медиками. Он промолчал, лишь покрепче ухватился за поводья. Никакого другого дела не хотелось, хотелось вначале довести до конца старое.

– В Иваново украли кармограф. В полицию, конечно, заявили, но пока те занимаются своим расследованием, Орден хочет провести свое. Туда нужно съездить, выяснить, не ведет ли этот путь к Виктору

Кучику. Кучик должен искать кармограф, ведь без него невозможно воспользоваться прибором Леона.

Пегас, повинуясь невидимым для нетренированного глаза командам всадника, начал пританцовывать вокруг Амгалана Тумэновича, двигаясь то одним полубоком, то другим.

– Красиво. Профессионально занимаешься?

– Занимался. В школе еще. Только не выездкой, а конкурсом. До КМС дошел.

– И бросил?

– Ну в профессиональный спорт не ушел. А бросить Пегаса я не смог.

Амгалан кивнул, мол, понимаю, такого коня и сам бы не бросил.

– Что мне нужно будет делать в Иваново?

– Для начала узнать, не связан ли пострадавший реинкарнатор с грабителями. Возможно, это инсценировка. Мы такие вещи в обязательном порядке проверяем, тем более сейчас, после ситуации в Питере.

– И часто бывают инсценировки?

– Бывают. Но давно уже не встречались.

Гнедая Монетка презрительно фыркнула, будто выразила свое отношение к услышенному. Командор похлопал ее, успокаивая, и продолжил:

– Затем засесть за компьютер и попробовать отследить кармограф: возможно, он где-то всплывет уже в ближайшее время. Смотрю, вы с Данзаром хорошо сработались, вот и бери его напарником. Если удастся узнать, связан ли с этой кражей Кучик или кто-то другой, – доложить мне. Впрочем, мне доложить в любом случае. Да, и одному никуда не лезть! Вообще без моей санкции никуда не лезть, особенно если это опасно для жизни. Наслышен я про твои подвиги на прошлой неделе на МКАДе...

Костя опустил голову, и шаг Пегаса сбился на высокий, крутой. Но в отличие от всадника конь быстро успокоился и вернулся на медленный аллюр. Костя вспомнил застенчивую девушку на курсах в Подмосковье. Как ее звали? Нина? Ира?

– В Иванове вроде есть наш горком?

– Да. Я уже договорился, тебе окажут содействие.

Костя отметил для себя «уже договорился»: видимо, сомнений в том, что он возьмет дело, у Амгалана не было. А если бы он отказался? Ему приказали бы? Или просто занесли в личное досье? Наверняка на каждого кандидата имеется папочка.

Впрочем, это он так, бурчал про себя, хотя на самом деле радовался. Ему не просто предложили какое-то дело – по сути, ему позволили заниматься старым, к которому Костю тянуло. Буддисты сказали бы, что он с Леоном связаны кармически, вот только за отсутствием какой бы то ни было кармы у старого пройдохи Костя стал связан не с человеком, а с его изобретением.

– Когда ехать?

Амгалан посмотрел на часы:

– Через три с половиной часа от автовокзала отъезжает автобус в Иваново. Тебя подбросить? Я на машине.

Костя вспомнил, что девушку из ивановского горкома зовут Кира.

При подъезде к Иваново Костя, считающий себя атеистом, тем не менее почувствовал что-то наподобие благоговения. Этому способствовали и паломники, бредущие вдоль дороги, коих ближе к городу становилось все больше, и небольшие храмы, все чаще мелькавшие за окном. Что и говорить: половина автобуса была паломниками, другая – туристами, стремящимися туда же, но только не с четками, а с фотоаппаратами в руках.

Когда показалась золоченая крыша знаменитого на всю Россию монастыря Будды будущего, Костя уставился в окно. Он не верил в многочисленные истории «божественных исцелений» и прочих чудес, однако не мог не признать: место намоленное. Весь город уже почти три века как считался священным для буддистов. Их привлекал не только монастырь, хотя, конечно, именно он стал жемчужиной в этой раковине, но и под сотню буддистских дацанов, включая, конечно, Ивановский, мимо очереди в который автобус как раз сейчас проезжал. Говорят, что деревянный Будда исполняет все желания, загаданные с чистым сердцем, вот и тянутся в Ивановский дацан с просьбами счастья, уж кто как его понимает. Кому-то для этого не хватает денег, кому-то жениха или карьеры, кому-то детей или жилплощади. Насколько Костя знал, очередь к деревянному Будде стоит всегда. В любое время года, в любой день недели.

Попетляв по узким улочкам, автобус затормозил на станции. Туристы шумной гурьбой бросились выискивать своих гидов: те встречали их с табличками в руках, на каждой написано название фирмы; паломники тихо, по одному направились в сторону монастыря, а Костя решил вначале зайти в службу реинкарнации, затем в горком Ордена – благо они в одном здании, только в разных подъездах, а уж потом заселяться в отель. Спасибо Данзару, тот его забронировал. А также скинул всю информацию по делу, адрес горкома, отчет полиции и прочее, на поиски чего Косте бы понадобилась, наверное, неделя.

В Иваново оказалось еще холоднее, чем в Подмосковье. Ох, как бы тут пригодилась куртка для верховой езды! Хотя, конечно, запах у нее специфический. Но пришлось мерзнуть в городском пальто, не рассчитанном на сырость и ветер, больше пригодном для того, чтобы добежать от автобуса до метро.

Впрочем, о холодах Костя вскоре забыл, против желания засмотревшись на храмы. Было на что! Уникальная старинная архитектура двадцать второго века, сплав китайской, тибетской и славянской. Меньше вензелей и узоров, больше простоты, прямоугольных форм и сдержанности, при этом не забыт ни один из классических буддистских символов: колесо, ступа, ваза, бесконечный узел и другие. И конечно, уникальная роспись внутри. Ни до, ни после в России ничего подобного не создавали. Историки считают, что традиция появилась на фоне христианской, а затем ушла насовсем. Храмы той эпохи внутри расписаны от пола до потолка историями из жизни Сиддхартхи Гаутамы.

Костя вздохнул. Нет у него времени глазеть на архитектурные изыски. Нужно сосредоточиться на деле и не отвлекаться. Вот как этот монах, что сидел на тротуаре в позе лотоса и медитировал. Обычный человек, обернутый всего лишь оранжевым обрезом ткани, при такой погоде уже давно окоченел бы, но монах будто вообще не замечал холода. Он не реагировал и на шумных туристов, то и дело подбегающих сфотографироваться с ним (особо наглые даже клали ладонь ему на плечо), ни на монеты, со звоном падающие в чашу для подаяний.

Служба реинкарнации оказалась недалеко от вокзала: в левом крыле серого унылого двухэтажного дома типовой постройки. Правое его крыло, соответственно, занимал горком. В таком доме мог

обосноваться ЖЭК или муниципальная поликлиника. Но Орден? Впрочем, что он знает о его финансовых возможностях? Эльвира Мирзоева рассказывала о том, чем занимается Финансовое управление, что-то о ПИФах, акциях и венчурных инвестициях, но Костя не помнил подробности. Зато память услужливо подкинула коридор с запахом кошек и обветшалую квартирку, где ютился касимовский районный комитет...

Вскоре Костя уже просил проводить его к заведующему отделением. В серых стенах реинкарнаторской он чувствовал себя привычно, как дома. Но в кабинете его ожидал сюрприз.

– Ты?! – воскликнул он, замирая от удивления. – Что ты тут делаешь?!

– Тебя жду. Что-то ты долго, – как ни в чем не бывало ответила Аня Ступина, отпивая чай из большой кружки. Рядом с ней сидел, видимо, Сергей Васильевич Кошкин, заведующий ивановским отделением службы реинкарнации – если верить табличке на входной двери.

– С приездом, Константин Юрьевич. – Он поднялся и протянул руку.

Костя машинально ее пожал, все еще ничего не понимая.

– Да вы не переживайте, Анечка рассказала, почему вам помогает. Такая утрата, я понимаю. Леонхард Петмансон был специалистом высочайшего уровня. Я читал его работы по исследованию кармографов и скажу вам мое мнение: лучше него в этой теме никто не разбирается! Если кто и сможет понять, как воспроизвести сердечник, так только он! Очень надеюсь, что в следующей жизни он не бросит науку! А то, знаете, сейчас стало модно «попробовать другую жизнь», молодежь потянуло на «новенько» и всю эту псевдофилософию о новых возможностях...

Костя мысленно вздохнул. Как она узнала, куда ехать?! Впрочем, это очевидно. Данзар, зараза, видимо, сообщил. Тоже мне сваха!

– Да, большая утрата. Но я тут по другому делу. У вас четыре дня назад случилась тоже большая утрата. Хорошо хоть, сотрудник остался жив-здоров. Понимаете, мы хотим провести расследование...

– Да-да, мне звонили. Пожалуйста! Все, что нужно, – к вашим услугам! Любая помощь, только скажите. Вы, может, не знаете, но для нас потеря кармографа – это просто катастрофа! Их и так не хватает, старые потихоньку ломаются, а новые давно не поступали.

Костя кивнул. Ну не рассказывать же, что он семнадцать лет уже работает на «скорой».

Обкраденный реинкарнатор оказался красавчиком: черные кудри, греческий профиль... сейчас, правда, заплыvший и фиолетовый. Нос сломан, передние зубы выбиты. Да уж, девушки в ближайшее время вряд ли будут ему строить глазки. Пострадавший уверял, что ехал на вызов, почуял запах, но из машины пришлось выйти не у самого подъезда, а метров за триста – во дворе меняли трубы, все перекопано, не подъедешь. Он уже почти пересек развороченный двор, как внезапно сбоку мелькнул силуэт, кто-то ударил в лицо, а больше красавчик ничего не помнил. Потерял сознание. Медики сказали: по голове чем-то тяжелым сзади стукнули, обрезком трубы, скорее всего.

Очнулся – запаха уже нет, кармографа нет, голова раскалывается, во рту – солено от крови. Добрался до машины, водитель ахнул и рванул в больницу. Нападавших пострадавший не видел, вообще не знает, сколько их было, но явно не меньше двух. Он лишь заметил фигуру того, кто ему нос сломал, – это молодой парень в черной куртке с капюшоном на голове, примерно одного роста с ним. Увы, больше ничего.

– Глухо? – спросила Аня, увидев хмурого Костя. Он кивнул. Отчет полиции он изучил еще по пути в Иваново, и там тоже пусто. Следов преступников нет, установлено повышенное наблюдение за черным рынком – вдруг кармограф там попытаются продать? Разговор с пострадавшим новых зацепок не принес. То ли тот действительно не замешан в деле, то ли выгораживал себя до конца, понадеявшись, что в Иванове сила Ордена слаба, а полиция до правды не докопается.

– Ничего. Найдем!

После ее в общем-то банальных слов Косте почему-то стало спокойнее. Неужели это округлые бедра на него так действуют? Он уже не злился. Да, ее не должно тут быть, но... он рад, что она тут. Просто смотреть в эти насмешливые синие глаза, впитывать ее оптимизм и энергию – уже удовольствие. Костя честно признался самому себе, что вести дело с Аней ему спокойнее и проще, чем одному. Это новое, странное ощущение одиночки, которому напарники всегда лишь мешали. Но то было в службе реинкарнации. В Ордене без Данзара он бы и половину не сделал, а без Ани... ему бы не хватило моральной поддержки.

Что ж, тут он выяснил все, что мог. Пора было прощаться с Сергеем Васильевичем и наведаться в горком. Одному.

Но, как ни странно, в горком его не пропустили.

– Куда?! – рявкнул охранник. Несмотря на зажегшийся зеленый огонек на входной рамке, стеклянные двери в рост человека остались закрыты. Костю удивил уже сам факт таких дверей на проходной ивановского горкома Ордена, а то, что они не восприняли его пропуск, и вовсе поставило в тупик. От кого тут защищаются? Даже в Москве такого нет.

– В горком, – спокойно ответил Костя и посмотрел на охранника.

– Как фамилия?

– Колесов.

Крепкий мужик в камуфляже долго водил пальцем по бумажному списку, наконец поднял голову:

– Таких нет.

– Извините, я, наверное, что-то не понимаю. Я член Ордена, почему я не могу попасть в горком?

– Вход только по местным пропускам! Или по спискам.

О таком на подмосковных курсах им не рассказывали. Наоборот, учили, что чип – это и есть пропуск!

– Может быть, меня не внесли в список… – решил он не спорить с системой в лице охранника. Тот выглядел отставным военным и явно сидел не для проформы. К безопасности тут подошли серьезно.

– Это вы уже сами разбираетесь. Если не внесли, значит, я вам не открою. Освободите помещение!

– Я сегодня приехал из Москвы, московский приор должен был договориться с вашим о моей встрече. – Костя немного приукрасил, вряд ли приор лично звонил в местный горком, скорее всего это сделал Амгалан.

– Из Москвы?! – Охранник схватил телефонную трубку и забубнил в нее.

– Ждите, – вскоре бросил он и потерял к посетителю интерес.

А вот Косте становилось все интереснее. Что тут происходит? Прошло минут десять, прежде чем стеклянные двери отворились и из них вышел человек, затянутый в классический костюм-тройку, с обязательной цепочкой часов, торчащей из кармана. Его горло стягивал черный атласный шейный платок, хитро завязанный бантом, по моде

двадцатилетней давности. Казалось, он ровесник, может, на пару лет старше, и Костя очень удивился, когда тот представился:

– Фохао. Меня зовут Алексей Борисович Веселый, я командор Управления расследований. Пойдемте, провожу вас к приору.

Выглядел Веселый довольно грустно, то ли от природной меланхолии, то ли от старомодных усов, ниспадающих почти до подбородка. Происходящее становилось все непонятнее. С чего вдруг Костю удостоили чести встретиться аж с самим городским приором? Он рассчитывал лишь на разговор с командором... Но промолчал. Не время задавать вопросы.

Такие же убогие серые облупившиеся стены, как в крыле, где обитала служба реинкарнации, вытертый до непонятного цвета линолеум на полу и обитые дерматином двери с табличками – вот и все, что видел Костя, пока шел по коридору. Да, в горкоме дела обстояли не лучше, чем в соседнем ведомстве.

На втором этаже их ожидала целая делегация во главе с седым старики лет восьмидесяти, облаченным в костюм-тройку. За ним толпился человек десять, включая и Киру. Похоже, вот этот старомодный наряд – местный дресс-код. Единственное яркое пятно среди черных и темно-синих пиджаков – бордовый шейный платок приора, заколотый золотой булавкой. Кажется, в ивановском горкоме не знали, что уже давно изобрели галстуки. В это мгновение Костя вспомнил своего командора в джинсах и порадовался, что живет в Москве. Ему несколько раз в жизни пришлось по целому вечеру терпеть на себе то, что называется «классическим костюмом», с тех пор форма реинкарнатора казалась мягкой и удобной, словно пижама.

– Никита Алексеевич Оболкин, ивановский приор, – представил старика командор. – А это Константин Юрьевич Колесов, инспектор из Москвы.

– А-а, тот самый кандидат, насчет которого мне звонили, – чуть склонил голову Оболкин. – Ну что ж, добро пожаловать.

Костя обратил внимание, что руку приор ему не протянул. Вместо этого жестом предложил ему, Веселому и еще одному члену Ордена, похожему на хмурую гориллу, зайти к нему, остальных отправил прочь.

Роскошь кабинета настолько выбивалась из серости и нищеты коридоров, что сверкала еще ярче, еще великолепнее. По стенам,

обитым шелком вместо обоев, были развешены картины на буддийские темы. Все в золоченых рамках. Костя отметил, что деньги в ивановском горкоме совершенно точно есть. На самом видном месте, над массивным резным дубовым столом, – портрет нынешнего Далай-ламы. Близость к дацанам и монастырям диктовала свои правила. В этом горкоме религиозные деятели ценились больше, чем свои, из Ордена.

Черный с металлическим отблеском паркет чуть скрипнул, когда приор уселся за стол, с шумом подвинув тяжелый высокий стул. По правую руку от него бесшумно устроилась «хмурая горилла», оказавшаяся командором Управления безопасности, по левую – командор Управления расследований.

– Итак, чем мы заинтересовали Москву?

Костя отметил для себя, что чаю, в отличие от реинкарнаторской, ему не предложили.

– В Иванове украли кармограф. Московский горком отправил меня разобраться в ситуации.

– В Москве полагают, что сами мы с этим не справимся? – Приор наигранно поднял брови.

Костя пожал плечами.

– Мне приказали съездить, помочь найти грабителей.

Он решил выбрать тактику «это не моя инициатива, мне сказали – я делаю», потому что не понимал, что за отношения у ивановского горкома с московским, хотя уже очевидно – крайне натянутые.

– Леша, мы же справимся сами? – Оболкин повернулся к Веселому.

Тот быстро кивнул:

– Да, Никита Алексеевич, конечно справимся!

– Видишь, Костя? Наш командор уверяет, что грабителей мы найдем. Можешь сообщить в Москву. Не переживай, мы скажем, что ты нам тоже очень помог. Кстати, рекомендую тур по ивановским буддийским монастырям. Очень интересно! Сам уже трижды ездил и каждый раз что-то новое узнаю. Могу организовать на высшем уровне!

Костя понял, что ему настойчиво рекомендуют не лезть в их расследование, для чего и устроен весь этот спектакль, демонстративное тыканье и отношение к нему, как к мальчишке. Но такой расклад его не устраивал.

– Понимаете... Никита Алексеевич... мой командор считает, что кража кармографа связана с одним делом, которое я веду. Его могли украсть не для того, чтобы продать на черном рынке, а для более опасных целей. Это очень важно. Есть вероятность, что в деле замешан некий Виктор Андреевич Кучик. Может быть, вы слышали что-то о нем? Может, он в городе? – Костя достал из кармана распечатанную фотографию и показал ее Оболкину.

– Нет, сожалею, но ничего о нем не знаю. – Приор лишь мазнул взглядом фото, даже не взял его в руки. – Сережа, если бы этот Кучик был у нас в городе, мы бы знали о нем?

Горилла ожила за мгновение, покивала и пробурчала что-то вроде «зналибыникутаалексеич».

– Могу я еще чем-то помочь? – спросил приор, поднимаясь из-за стола. Тут же со своих мест вскочили и оба командора.

– Видимо, нет, – развел руками Костя. Он пока не хотел идти на конфликт.

К выходу его вежливо проводили, хотя правильнее будет сказать: просто выпроводили из горкома. Такого развития событий он не ожидал.

Холодный ветер заставил поднять воротник пальто. Настроение стало таким же хмурым, как небо над Иваново. Низкие серо-грязные тучи грозили пролиться то ли дождем, то ли снегом, замызганые листья крутились под ногами, поторапливая, напоминая о том, что время ускользает, как и Кучик с изобретением своего гениального друга. Куда теперь? В гостиницу? Не только ничего не узнав, но и потеряв возможность что-то узнать? Да, конечно, нужно связаться с Амгаланом Доржиевым. Вероятнее всего, тот даже заставит местного приора хотя бы не мешать, но... были большие сомнения, что это что-то даст.

Треньканье телефона выдернуло Костю из задумчивости. Звонила Кира, и она предлагала встретиться в кафе. Вот уж не до нее! Костя быстро отправил сообщение «как-нибудь в другой раз» и вернулся к своим мыслям. Да, видимо придется ехать в гостиницу: с Амгаланом лучше поговорить не на улице, а там, где никто не услышит. К тому же в номере тепло и сухо.

Зазвонил телефон. Определитель показал, что это Кира. Несколько секунд Костя колебался, снимать ли трубку, но все же сказал «алло».

– Извините, что я так настойчива. Мне просто действительно очень нужно с вами поговорить. – Она тараторила, не дожидаясь ответа, стараясь успеть все сказать до того, как ее перебьют. – Этот старый… консерватор не любит молодежь. Молодежь у него – это те, кому меньше пятидесяти. А особенно он не любит молодых девушек. Мне вообще не дают ничем заняться, и я чувствую, что готовят на вылет. Потом на Совете скажут, что я себя никак не проявила и в Ордене быть не достойна. Мне нужно хоть что-нибудь! Хоть какие-то достижения! Константин Юрьевич, можно я вам в расследовании помогу?

Хотелось ответить «нет» и нажать отбой. Костя терпеть не мог, когда его настойчиво о чем-то просят, особенно девушки. Казалось, они пытаются навязаться ему, и это напрягало. К тому же у самого проблем выше крыши, куда уж помогать другим! Но он сделал паузу и успокоился. Кира не виновата в том, что у него проблемы, что он сторонится женщин и отношений. Ладно. В конце концов, в ближайшие полчаса все равно никаких срочных дел, а Амгалану можно позвонить чуть позже. Ну побудет психотерапевтом. Выслушает. Даст совет. Если придумает, какой.

– Хорошо. Я стою на улице у входа в ваш горком.

– Бегу!

Она, видимо, действительно бежала: появилась в течение минуты, застегивая на ходу серое пальто; длинный объемный шарф на тонкой шее походил на обожравшегося удава.

– Куда хотите пойти? Кофе попить? Или полноценно пообедать?

– Все равно. На ваше усмотрение.

– Я знаю одно уютное заведение недалеко, вам понравится! – чрезмерно бодро предложила она. Видимо, все еще опасалась, что Костя передумает и уйдет.

– Вы извините, что они так с вами. Они в целом все нормальные, но этот Оболкин… С ним просто невозможно работать. Мало того, что он всех считает дураками, так еще жутко боится поссориться с буддийской сангхой. Из-за этого вообще не дает ничего делать. Вы же знаете, мы на особом положении… – Кира начала говорить, как только чуть отошли от здания горкома, но часто оглядывалась и приглушала голос.

– Что за особое положение? – Костя смутно припоминал, что в Иваново у реинкарнаторов и Ордена действительно особый статус, но

какой?

– Положение прислужников, – скривилась Кира. – В монастырь и дацаны Министерским реинкарнаторам путь закрыт: там свои реинкарнаторы. Все, кто прописан в городе, могут в любое время прийти в любой дацан и сделать слепок – шикарная привилегия. За прописку тут идут такие войны! Знаете, сколько она стоит на черном рынке? Под миллион. Потому что «в белую» пройти эту процедуру почти невозможно. Госреинкарнацию вообще регулярно предлагают из Иваново убрать. Мол, довольно буддистской.

– А чем она отличается от государственной?

Кира удивленно посмотрела на Костя, мол, как можно этого не знать, а потом поняла:

– Ну да, вы же из Москвы, у вас там все по-другому, толерантность, мультиконфессиональность... Но вообще-то священнослужители не переваривают тех, кто чует смерть. В некоторые дацаны, в основном ортодоксальных школ буддизма, таких людей даже на порог не пустят. Так что в буддистской службе реинкарнации нет никого, кто чует смерть.

Костя опешил. Что-то подобное он слышал, но никогда не придавал этому значения.

– А как же те, у кого нет прописки? Да и турист может внезапно умереть. Что ж, его без слепка оставлять?

– Вот поэтому Скорая реинкарнаторская тут еще и существует. Монастырские реинкарнаторы на вызовы по ночам не ездят, – грустно улыбнулась Кира. – Но к Ордену тут относятся еще хуже. Будь воля сангхи – в Иванове вообще бы не осталось ни комитета, ни департамента реинкарнации. Им нужно одно: жить по своим правилам. Пока мы к ним не лезем – они нас не трогают, но стоит нам сделать что-то, что зацепит их интересы... ох... подозреваю, что они способны нас уничтожить, и очень быстро. Вот этим Оболкин и занимается.

– Тем, что не трогает никого?

Кира кивнула.

– А чем помешает сангхе поимка грабителей?

– Скорее всего – ничем, – пожала она плечами. – Они этого даже не заметят. Но на всякий случай приор предпочитает спускать все на тормозах. Кто знает, вдруг каким-то боком это коснется кого-то из лам?

– М-да. Как все запущено. Спасибо, что пояснили. – Костя понял, что встречу уже нельзя считать потерянным временем, и немного подобрел.

До кафе действительно оказалось недалеко. Разноцветные огоньки и свечи создавали игру света и тени, уютный полумрак; подушки на диванчиках, расшитые тибетскими узорами, манили присесть, а лучше прилечь; меню впечатляло. Такого количества отличных сортов чая не ожидаешь от обычного кафе. Цены, конечно, кусались, но тут Костя вспомнил о безлимитной кредитке Ордена и решил, что это не просто обед, а сбор информации, значит, средства будут использованы самым целевым образом!

– Чем я могу вам помочь? – спросил он, заказав лапшу и с трудом выбрав себе чай: глаза разбегались от вариантов.

– Возьмите меня в дело. Если это возможно. – Кира заказала лишь чай, причем ткнула в первый попавшийся. Она крутила меж ладоней маленькую свечку, и та играла причудливыми тенями.

– Я даже не знаю... Не представляю, чем вы можете заниматься в рамках моего дела. Я и сам не понимаю, как мне искать грабителей. К тому же ваш приор отказался от сотрудничества, и боюсь, что если вы будете мне помогать, то сделаете себе только хуже.

Кира молчала, не поднимая глаз. У нее кончился эмоциональный порыв, и сейчас она сама не знала, что делать дальше, что говорить.

– Расскажите, чем вам поручили заниматься в горкоме, – пошел Костя ей навстречу. – Ну то, что возможно рассказать.

Она кивнула, крутанула свечку, и на мгновение ее глаза сверкнули огнем.

– Может, вы слышали о Степане Борецком? Мы докладывали о нем в вышестоящий комитет неоднократно.

Костя отрицательно покачал головой, и Кира продолжила:

– Весь прошлый год горком вместе с полицией пытался его прищучить, но так и не смог. Утверждают, что Борецкий умеет стирать память людям об их прошлых жизнях. Вот к нему со всей страны и едут. Пытались мы подобраться, да куда там! Отделение у нас скромное, людей мало – он всех знает в лицо.

– Что, правда может стирать память? – Костя постарался скрыть возникшее волнение. Если есть тот, кто стирает воспоминания, то, может быть, есть и тот, кто их возвращает? Костя считал, что давно

смирился со своей инаковостью, с тем, что никогда не вспомнит свою прошлую жизнь, но жажда узнать, иссушающая с юности, видимо, не прошла, а скрылась на дне сознания. И сейчас напомнила о себе.

– Ага, стирает... так же, как деревянный Будда исполняет желания. Вот брать деньги из с людей он может, а стирать память... – Кира вздохнула. – Полиция опрашивала его клиентов. Все уверяют, что деньги-то он взял, но память никуда не делась. Материли его страшно.

– И что же, Борецкого судили за мошенничество?

– Нет. Горком его отпустил.

– Что за бред?! Почему?!

В это время официант принес два заварных чайника. В одном – десятилетний шу пуэр для Кости, в другом – молочный улун для Киры. Костя немного налил в чашку и отпил. Да, это был настоящий китайский чай.

– Есть две причины. Официальная и неофициальная, – продолжила Кира, когда официант ушел. – Официальная – нет заявлений от потерпевших, значит, нет и дела.

– Я совсем ничего не понимаю. А почему заявлений-то нет, если они его называют мошенником?

– Говорят, что не хотят себя подставлять. Ведь на суде придется признаться, что пришел за нелегальной услугой, а это уже грозит как минимум штрафом. Ну и еще придется признаться в том, что есть воспоминания, о которых хочется забыть. А кто знает, вдруг судья потребует о них рассказать? Те, кто приезжал к Борецкому, готовы заплатить, лишь бы не вспоминать. Но часть наших думает, что Борецкий, когда попался, купил у клиентов молчание. Вернул деньги, может, даже с процентами, чтобы его не сдавали. И полиция, по слухам, так же считает, но доказать ничего не может.

– Ясно. А неофициальная версия?

Кира перешла на шепот:

– Борецкий – монах монастыря Будды будущего. Надо еще что-то пояснить?

Костя покачал головой. Все понятно, ни местный Орден, ни полиция не хотят проблем.

– Я всего этого не застала. Когда пришла в Орден, Борецкого уже оставили в покое, предварительно установив за ним наблюдение и прослушку. Меня же бросили даже не на слежку за ним, а на обработку собранной информации о его клиентах. Как вы, наверное, догадываетесь, таких сотни. По всей России ползут слухи, что в Иванове есть чудотворец, умеющий стирать воспоминания, bla-bla-bla. Вот дурни и едут. Мне же нужно записывать в отдельный файл имя, фото, где приезжий остановился и прочую не нужную никому чушь. Все, что наши безопасники найдут. Я ни разу не сидела на прослушке, ни разу не выезжала к дому Борецкого, не общалась с его потенциальными клиентами – ничего этого не делала! Я только торчу в кабинете и записываю приходящую информацию в файл! И для этого я бросила работу на «скорой»?!

Костя достал из кармана фотографию.

– Видели его?

Кира поднесла распечатку поближе к свече, нагнулась, разглядывая седые волосы, серые глаза, морщины, прорезающие лоб. В эти мгновения она преобразилась в красавицу. То ли такой ракурс, то ли дело было в ее заинтересованности, а может, образ изменили длинные волосы, выбившиеся из скучного «конского хвоста», растрепанные,

раскиданные по плечам. Или же свет и тень удачно расставили акценты. Кира сейчас казалась таинственной принцессой.

– Знаю. Он приезжал недавно к Борецкому. У меня на него есть отдельная папка. Зовут, кажется, Иван Успенский.

– Нет. Его зовут Виктор Кучик, и я его ищу.

– Кучик по моей базе точно не проходил. Я бы запомнила такую фамилию.

– Мне очень нужен этот Успенский. У вас есть адрес, где он остановился?

Кира энергично закивала и тут же в расстройстве скривила губы:

– Только я не могу его дать без санкции моего приора.

– Санкция будет. Я достану, – пообещал Костя. Теперь он знал, чего просить у Амгалана.

Кира рванула обратно в горком, а Костя не торопясь, наслаждаясь вкусом, доел лапшу, приготовленную на уровне хорошего ресторана, и лишь затем отправился в отель. По пути он написал Данзару все, что думает о его сводничестве, и попросил прислать материалы по делу Степана Борецкого.

– Да они там совсем очумели?!

Костя первый раз услышал, как командор вышел из себя. Пока Костя рассказывал о своей поездке, Амгалан Тумэнович молчал, но когда узнал, что его сотрудника просто выпроводили за дверь, не сдержался.

– Кажется, да. – Костя говорил тихо, так, чтобы не услышали ни с балкона, ни из коридора. – Это еще не все. Самое важное я узнал позже, когда пообщался с одной девушкой, кандидатом в Орден. Мы с ней на одних экспресс-курсах были, помните, вы меня туда отправляли?

– Говори.

– Кучик здесь. Но местный приор наверняка не даст санкцию на то, чтобы я к нему съездил. Потому что Кучик под вымышленным именем приехал к Борецкому, а Борецкий – монах Будды будущего, а с сангхой приор связываться боится.

– Будет тебе санкция. От регионального приора, – мрачно пообещал Амгалан. – Жди, я перезвоню.

В трубке раздались короткие гудки, и Костя нажал отбой. В том, что у него будет санкция, он не сомневался. Вопрос только, когда. Сколько времени занимает обращение к региональному приору? Час? Сутки? Неделю? Есть человек, который знает это наверняка.

– Что там у тебя с Борецким? – спросил вместо приветствия Данзар.

– Я мужчинами не интересуюсь.

– Да ты и женщинами не особо.

– Поэтому ты как настоящий друг решил помочь?!

– Ну девчонка к тебе и так и эдак! А ты как истукан! Ну и вообще-то я ничего не делал.

– Ладно, проехали. Я у тебя хотел спросить, сколько времени Амгалан Тумэнович будет выбивать санкцию от регионального приора.

– Что случилось? – тут же посерезнел Данзар.

– Кучика нашел.

– Но?..

– Но городской приор – старый маразматик.

– Так бывает, да. По времени – все непредсказуемо. Зависит от того, насколько занят приор.

– Ну буду пока фигней заниматься, – расстроился Костя, не получив ответа.

– Да-да, в Иванове девчонки очень симпатичные. Занимайся, – съехидничал Данзар и отключился.

Костя не хотел признаваться самому себе, что Данзар прав. И Аня к нему относится благосклонно, и сам он к ней тянется. И пока выдалась пауза в деле, можно не сидеть в номере, закрывшись от мира, как обычно, а сделать шаг навстречу.

Аня нашлась в кафе при отеле. Несмотря на холод на улице, серые цвета и общую хандру, она выглядела так, словно только что пришла с пляжа. Волосы будто впитали свет солнца, глаза наполнились синью океана, а бодрость и радость из нее и так всегда сочились. Костя не понимал, как она это делает. Свойство психики? Бескрайний оптимизм? Ему, мрачному цинику, это казалось чудом. Она наслаждалась пирожным и чаем, а вокруг ее ног увивались рыжая и серая кошки, мурлыча и ожидая свою порцию ласки.

– Восхитительный вкус. Не удивительно, что при таком количестве искушений сейчас так мало людей идет по Срединному пути. Ведь от всего этого нужно уметь отказываться. Отказываться от хлеба и дощатого дома было несравненно легче. Люди гонятся за удовольствиями и не понимают, что если ум обуздан, то какую бы еду они ни ели, чем бы ни занимались – у всего будет великолепный вкус, все будет в удовольствие, это стопроцентная гарантия.

– Всегда был равнодушен к пирожным, – пожал Костя плечами.

– У каждого свои искушения. Ты тоже от многого не можешь отказаться и не хочешь обуздывать свой ум.

– Я не буддист, мне и не надо.

– В этом городе все немного буддисты. Я сейчас видела километровую очередь к статуе деревянного Будды в ивановском дацане. Все эти люди надеются, что Будда исполнит их желания, а сами ради этого не готовы отказаться даже от пирожного. А ведь они считают себя буддистами!

– Ну тут монахи творят чудеса, так что, может, и деревянный Будда тоже. И без отказа от пирожных. Только деньги плати.

В Аниных глазах читался вопрос, и Костя продолжил:

– Да есть тут один товарищ, монах Будды будущего. Якобы умеет стирать память о прошлых жизнях. Его девиз: заплати – и забудь. И плевать ему, идешь ты по Срединному пути или лежишь поперек него.

– Полиция расследует это дело?

Рыжая кошка зашипела, но, когда ее почесали за ухом, тут же затихла.

– Местной полиции на это плевать, – устало ответил Костя. Запал погас, возмущения не осталось, лишь только опустошение.

В этом момент позвонил Амгалан:

– У тебя полный карт-бланш. Я поговорил с приором.

– Что мне делать сейчас?

– Жди. Скорее всего, они с тобой свяжутся сами.

Связались с ним действительно быстро, Костя не успел даже чаю попить. Вновь зазвонил телефон, номер на сей раз выступил неизвестным.

– Ты хоть понимаешь, что творишь?! – рявкнул в трубку Оболкин. – Молодец. Поставил всех на уши. Выслужился. Энергию свою кипучую показал. Без году неделя в Ордене, глуп, как ракшас, ни

лха не знаешь, зато ва-ажный. Москви-ич. В Иваново тут деревенские идиоты сидят, да.

Костя от неожиданности вскипал, но быстро взял эмоции под контроль и сосредоточился. Не стоит сейчас реагировать на оскорблений.

– Я прекрасно понимаю, что творю, в отличие от тебя. – Он решил больше не соблюдать политес. Если ему тыкают, как мальчику, с чего вдруг он должен разговаривать на «вы»? – Мне нужен полный доступ к материалам по делу Борецкого и полное содействие в расследовании.

– Щенок! Ни лха ты не понимаешь! И понятия не имеешь, к каким последствиям это приведет.

– Так я могу получить доступ? – гнул Костя свою линию.

– Можешь делать что хочешь. Вы же там, в столице, считаете себя самыми умными! Дерьмо-то потом не вам разгребать! Но я этого так не оставлю. Ты еще пожалеешь. – Оболкин отключился.

Спокойствие далось тяжело, срочно требовался глоток свежего воздуха. Как был, в одной рубашке и брюках Костя выскочил на улицу через вертящиеся двери и будто нырнул в прорубь. Ледяной ветер пронзил тысячами кинжалов, но именно этого Костя сейчас и хотел. Он стоял не шевелясь, остужая кипящую кровь, клокочущую ярость, замораживал эмоции, мешающие делу.

Заледенев, вернулся в теплое фойе. Со щемящим чувством глянул на остывающий чай, на обеспокоенную Аню, но на все ее вопросы ответил одно:

– Готовься, скоро поедем навестить Кучика.

Он схватил пальто, чтобы бежать дальше, видимо в горком, но Аня голосом, не терпящим возражений, сказала:

– Сядь. Успокойся. За десять минут мир не погибнет без тебя.

Костя сам себе удивился, но тут же бросил пальто на спинку стула и остался. Оказывается, он лишь ждал повода еще хоть немного полюбоваться этой чарующей улыбкой, рассматривать сантиметр за сантиметром восхитительное тело, представляя, что ощущает его. И, асур побери, спокойно выпить свой чай!

– Из тебя получился бы отличный чань-буддист! – хмыкнула Аня, наблюдая, с какой любовью Костя занялся чайником.

– Почему?

– Именно они придумали фразу «чань и чай имеют один и тот же вкус». У них может кончиться хлеб или масло, но только не чай! В монастырском уставе чаньских общин сбор, приготовление и употребление чая относятся к основным занятиям последователей Дхармы.

– Да, такая религия мне нравится. – Костя разлил светлый улун по двум чашкам.

– Я даже знаю, кем бы ты там стал: Чатоу, то есть Глава чая. Да, у них есть и такая должность.

– Угу. Вот как только найду Кучика, пойму, что случилось с кармой твоего деда, съезжу к своим ивановским коллегам и заставлю их нормально работать... так сразу и пойду в буддисты. – Костя хоть и занимался чаем, думал совсем о другом. Что ему делать дальше? Ехать снова в горком? Очень не хотелось встретиться вновь с местным приором. Тот действительно мог доставить массу проблем и наверняка попытается это сделать. Не стоит дразнить медведя в его берлоге. Но как получить информацию? Плевать уже на поиск грабителей, но узнать адрес, где остановился Кучик, – это сейчас самое важное. Позвонить Кире, рассказать о санкции регионального приора? Ее телефон у Кости остался, но лучше бы это сделал ее непосредственный начальник...

– Ты слишком нервничаешь. Успокойся. – Аня сделала глоток, отставила чашку и накрыла Костину ладонь своей. Тот вздрогнул, а она продолжила, словно не замечая его реакции: – Чань-буддисты рассказали бы тебе один из своих парадоксальных диалогов. Например, такой... Один последователь как-то спросил монаха Чжаочжоу: «Испытывает ли Будда беспокойство?» – «Испытывает», – ответил Чжаочжоу. «Но как это возможно? Ведь Будда уже давно освободился от мирских страстей! Почему он все-таки испытывает беспокойство?» – «Оттого, что ты сам еще не достиг спасения». – «А когда я достигну, Будда уже не будет испытывать беспокойства?» – «Все равно будет испытывать!» – «Но ведь я-то уже буду свободен, из-за чего ему еще беспокоиться?» – «Дело в том, что кроме тебя на земле есть другие живые существа». – «Число живых существ на земле не имеет предела. Получается, что Будда никогда не избавится от беспокойства?» – «Он уже избавился от него, в нем уже нет беспокойства», – ответил монах. «Но ведь такое количество живых

существ неизвестно спасти, как же он может избавиться от беспокойства?» – «Так ведь внутри природы самого Будды все живые существа уже спасены!»

Костя уставился в синие глаза и пробурчал, что ничего не понял в этой чепухе.

– Хорошо, тогда я расскажу тебе другую притчу, – Аня улыбнулась. – В монастырь прибыл издалека новый монах, и учитель встретил его вопросом: «Скажи мне, был ли ты здесь раньше?» – «Нет, – ответил монах, – никогда». – «Тогда выпей чаю». Но когда вслед за первым монахом в монастырь постучался второй, учитель и к нему обратился с тем же вопросом: «Был ли ты здесь раньше?» – «Да, – сказал монах, – мне как-то приходилось бывать в вашей обители». – «Тогда выпей чаю», – сказал ему учитель. К нему подошел озадаченный вэйна, наставник практики, и нерешительно спросил: «Почему вы, Учитель, советуете выпить чаю и тому монаху, что у нас никогда не был, и тому, кто уже обращался сюда за наставлениями?» – «Наставник, – обратился к нему учитель, – выпей чаю».

Костя ошарашенно несколько секунд смотрел на Аню, а затем начал хохотать. Тревога ушла, спокойствие горячей ароматной жидкостью растекалось по телу, вымывая возмущение, гнев, усмиряя взъерошенные нервы. Что ему помогло? Чай? Аня? Ее притчи? Костя не знал, но сейчас это совершенно не волновало. Счастьем было сидеть рядом с любимым человеком и пить вкусный свежезаваренный улун.

В этот момент позвонил Алексей Веселый.

– Хорошо вы там, в Москве, умеете решать проблемы. Один звонок – и все тут бегают.

Костя не понял, с какой целью ивановский командор бросил это обвинение, так что просто промолчал. Тот не стал развивать тему, переключился на дело и сухо поинтересовался, что именно Косте от них нужно.

– Мне нужно найти одного человека, Ивана Успенского. Он недавно приехал к Борецкому.

– Успенский... Успенский... не помню такого. Вы ничего не путаете?

– Нет. По вашей базе он должен был проходить как клиент Борецкого.

– Я посмотрю. Что-то еще?

– Я бы хотел туда съездить. Вместе с Кирой.

Командор молчал целую минуту. Вопросов у него накопилось явно больше, чем он рассчитывал получить ответов, а гость подкидывал новые. Наконец он выдавил из себя:

– Как скажете, вы же тут распоряжаетесь.

– Хорошо. Тогда жду адрес... и Киру около дома Успенского через полчаса. – Костя в благостном настроении не реагировал ни на какие подколки и попытки его зацепить. Судя по голосу в трубке, собеседника это выводило из себя.

– Это все?

– Да. Но я очень надеюсь, что за Успенским будут внимательно наблюдать, и если он попробует скрыться, то его поймают. Он очень нужен Ордену. Живым и здоровым.

Костя с Аней как раз допили последнюю чашку, когда пришло сообщение с адресом. Увы, в такси вся приобретенная благость из Кости испарилась, так что к моменту встречи с Кирой он вернулся в свое обычное состояние – хмурое, нервное и угрюмое. Ожидание скорой встречи с Кучиком и страх, что она вновь сорвется, закручивали нервы спиралью.

Машина уехала, оставив их на ветру перед старым удивительным домом. Первый этаж – кирпичный, а второй – деревянный, и, судя по внешнему виду дерева, этаж надстраивали недавно, не больше двадцати лет назад, а вот кирпичу явно больше полувека. Подобных домов в Москве не встречалось, но в Иванове, как успел заметить Костя, это не редкость. Интересно, это от нищеты? Или дело не в дорогоизнне кирпича, а в долговечности дома? Низ гниет быстрее, да и пожары раньше были не редкость, зато жить приятнее среди деревянных стен, а не в каменном погребе.

Впрочем, мысли о местном зодчестве моментально испарились, как только подъехала Кира.

– Я не опоздала?

Девушки смерили друг друга оценивающими взглядами. Аня – наставническим, словно учитель оценивает уровень своего потенциального ученика. Кира же рассматривала ее как соперницу, за секунду подмечая все слабые и сильные стороны.

– Веди, – приказал Костя Кире. Ему сейчас было плевать на обеих. Его интересовал только Кучик.

По скрипучей лестнице они поднялись на второй, деревянный этаж и позвонили. За ободранной дверью переливчато заверещало, но ни шагов, ни каких-либо иных звуков не послышалось. Они снова позвонили и снова подождали минуту, слушая сначала лишь трели звонка, а затем тишину.

– Может, он вышел?.. В магазин или еще куда... – растерянно предположила Кира.

– Вышел?! В магазин?! Ваша служба безопасности чем вообще занимается?! – рявкнул Костя.

Кира побледнела и сжалась губы.

– Мне сказали, что он там. Но круглосуточное наблюдение у нас только за самим Борецким, не за его клиентами.

– Просто великолепно! – выкрикнул Костя. После всех этих разговоров и выяснения отношений с горкомом он и так был на взводе, а тут еще провал с Кучиком.

На шум из квартиры напротив вышла пожилая женщина лет семидесяти в плаще, накинутом на домашний халат.

– Вы к кому? – поправила она пучок седых волос.

Костя мгновенно взял себя в руки и даже попытался улыбнуться.

– Я к знакомому приехал, Ване Успенскому. Он мне диктовал этот адрес, но что-то его дома нет...

– Иван Ильич? Да съехал он уже, а за квартиру уплатил до конца месяца. Не знаю теперь, можно ли ее уже заново сдавать или подождать, вдруг вернется.

– Не знаете, куда он уехал? – спросила Аня. – Мы надеялись застать его дома...

– Ой, милка, не знаю. Он мне записку сунул в почтовый ящик, мол, Катерина Степанна, уехал я, извини, что не попрощался лично, но тороплюсь.

– Когда это было?

– Даык вот в понедельник. Или во вторник? Нет, точно в понедельник, мне пенсию как раз принесли.

Костя прикинул даты: три дня назад, в день, когда украли кармограф. Похоже, Кучик действительно ищет прибор или даже уже нашел...

— А у него в Москве друг умер... — продолжила Аня. Соседка заохала:

— Да за что ж ему такое! Сюда приехал к умирающему брату, там друг умер. Ох, тяжко-то как! Может, он и уехал в Москву?

— А брат тоже умер? — Костя очень боялся спутнуть соседку, но не хотел упустить шанс выведать у нее побольше.

— Наверное, раз Иван Ильич уехал. Делать-то ему тут, видать, нечего стало. То все расспрашивал меня, как ивановские реинкарнаторы работают, приезжают ли на вызов или надо в дацан ехать. Я так поняла, у братца прописки-то нашей нету, вот Иван Ильич и суетился. Ну успокоила его, рассказала, что приезжает служба-то даже к тем, кто без прописки.

— Спасибо, Катерина Степанна! Квартиру, значит, сдаете? А то мне, может, придется в Иванове задержаться... А уж если Ваня тут жил, значит, место неплохое.

— Сдаю, милок, сдаю.

— Почем?

— Недорого! Всего восемьсот в день. Другой такой цены не найдешь!

— Хорошо. Если Ваню не найду и останусь тут — приду, — пообещал Костя. В принципе, даже не особо соврал. Хотя в Иванове он не останется, ибо Кучик явно уехал из города. Вот только куда?

— Ну что, упустили ваши безопасники Успенского, — зло бросил он Кире на улице. — И я тоже упустил. И снова — ни одной зацепки!

— Ну одна есть, — тихо ответила Кира. — Борецкий.

— Она права, — кивнула Аня. — Раз Успенский приезжал к нему, значит, Борецкий может знать, куда Кучик уехал.

Глава 9

– Амгалан Тумэнович, нам нужен Борецкий, он – последняя возможность выйти на Кучика. Но члена Ордена он и на порог не пустит. Давайте обратимся за помощью в местную сангху? – Костя ходил по комнате отеля, прижав телефонную трубку к уху.

– Нет, к буддистам не суйся.

– Но, Амгалан Тумэнович…

– Нет.

Костя закатил глаза. Ну вот, еще один командор боится перейти дорогу сангхе. Доржиев не похож на Оболкина, а в этом вопросе ведет себя так же. Или перестраховывается? Боится, что о приборе Леона узнает кто-то вне Ордена? В памяти всплыли слова Туманова о том, что возможность стирать карму – это прямая угроза власти Ордена. Неужели Туманов прав?

– Борецкий – буддистский монах. Если в монастыре с ним поговорят…

– Костя, нет! Я запрещаю обращаться за помощью в любой монастырь или дацан!

Костя растерялся от такого приказа и замолчал. Других идей не было, так что он продолжал прижимать к уху трубку, но не знал, что сказать. Командор воспринял молчание по-своему и пояснил:

– Они нам не помогут. Не помогут, но будут использовать нашу просьбу потом, в своих целях. У нас не просто так принято соглашение о невмешательстве.

– Но Борецкий – их монах, и он вмешивается в кармический закон… Это же даже не наши дела, это их касается напрямую…

Амгалан на несколько секунд замолчал, а затем произнес совсем другим голосом, тихим и мягким:

– Я тоже был буддистским монахом. До двадцати двух лет. В Бурятии. А мой отец служил в том монастыре ламой. Потом он уехал в Питер и основал там дацан Гунзэчойнэй, может, слышал про это.

Слышал ли он? Да об этом вся страна слышала! То-то фамилия командора ему с самого начала показалась знакомой. Ну конечно! Тумэн Доржиев! Буддийский лама, ученый, общественный деятель.

– Я не думал, что вы сын того самого Доржиева... – ошело ответил Костя. – У вас, наверное, отличные отношения с сангхой?

– Они меня вышвырнули из монастыря, – хмыкнул Амгалан. – Сказали, выбирай: ты или монах, или реинкарнатор. Многие священнослужители считают беспамятных людьми второго сорта. Якобы что-то с нами не так, раз мы не помним прошлую жизнь.

– А им не приходило в голову, что, может, у нас просто первая жизнь?

– Приходило. Но в ходе многолетних философских диспутов на эту тему они решили, что новички на Земле не умеют чуять смерть. А те, кто чуют... вроде как плуги у крестьян. Нужные и полезные, но созданные только ради одного, люди-функции. «Плуг» можно улучшать, совершенствовать, но бессмысленно пытаться вести его по Срединному пути. По этому пути нужно вести крестьян.

– Поэтому вы ушли из монастыря?

– Ну по большому счету выбора-то у меня не было. Мне, конечно, формально его предложили, но... как отказаться от дара? Это физически невозможно. Я просто пытаюсь объяснить, что понимаю сангху лучше, чем ты, и что нынешние соглашения появились не просто так, это зафиксированное на бумаге статус-кво.

– Я понял, командор, – кивнул Костя, хотя тот его не мог видеть.

– К Борецкому можно подобраться иначе. Ивановский горком, говоришь, следил не только за ним самим, но и за всеми его клиентами? Вот и попроси у них списки. Скорее всего, «с улицы» Борецкий не принимает, должен быть какой-то пароль или что-то такое. Узнаешь этот пароль – сможешь поговорить с ним самим.

Мысль о необходимости каким-то чудом уговорить клиента Борецкого сдать пароль вызвала легкую панику. Но за месяц, что Костя отработал в Ордене, ему уже пришлось сделать столько всего, чего он никогда не делал, что каждое следующее дело воспринималось проще. Да и некогда переживать и паниковать – надо срочно подобраться к монаху, пока и эта нить не оборвалась. Костю выводило из себя, что в последний момент у него все срывалось. На этот раз нельзя такого допустить!

Он набрал телефон Киры.

К вечеру она прислала всего одно имя. Из списков свидетелей, проходивших по делу Борецкого как вероятные клиенты, лишь Маша

девяти лет от роду жила в Иванове. Ее папа владел гостиницей «Интурист», самой крупной в городе. С остальными клиентами поговорить было бы слишком затруднительно. Впрочем, и в отношении девочки могли возникнуть проблемы. Тяжелейший ДЦП с детства; она практически не ходила, но у семьи хватало денег и на хорошую коляску, и на няню, вывозившую ребенка погулять в парк. Осталось всего лишь подобраться к девочке так, чтобы няня или охрана не подняли шум, и убедить ее рассказать незнакомому мужику, как найти мошенника, которого она отмазала от полиции. М-да. «Всего лишь».

На совете трех – Амгалан Тумэнович присутствовал по громкой связи – решили, что идти к Маше нужно именно Косте, хотя Кира упирала на то, что ей с ребенком найти общий язык проще, а при виде мрачного двухметрового мужчины в черном пальто не то что дети, но и собаки попрятутся. Колесов с радостью спихнул бы на нее эту миссию. Рядом с детьми он чувствовал себя деревянным, не представляя, что делать и как разговаривать. Тут и со взрослыми непросто... Но Амгалан был непреклонен: если к Борецкому пойдет Костя, то и к ребенку идти ему же.

– Мы имеем право засветить лишь одного человека, – пояснял командор. – Во-первых, Киру могут знать как члена Ордена, и тогда операция провалится, не начавшись. Во-вторых, не исключено, что у бывших клиентов есть договоренности со своим спасителем, например, они докладывают ему о новых желающих стереть память. Если к ребенку придет женщина, а пароль произнесет мужчина, Борецкий может заподозрить неладное и разыграть ничего не понимающего дурачка.

Оба вынуждены были согласиться.

– А он меня не вскроет? – задал Костя вопрос, крутившийся в голове все это время.

– Если будешь вести себя как обычный клиент – не должен. Борецкий тебя никогда не видел, ты вообще впервые в Иванове, да и в Ордене недавно. Практически нет шансов, что он тебя знает, – заверил его командор.

– Нет, я не этого боюсь. Вот он начнет мне стирать воспоминания... а их нет.

– Кость, – голос Амгалана Тумэновича показался отеческим, – во-первых, без аванса он тебе ничего стирать не начнет. Во-вторых... ты правда думаешь, что он на такое способен? Орден за ним больше года наблюдает и не нашел не то что доказательства, но даже намека на реальность этих уникальных способностей.

– Но что-то же он делает, раз к нему продолжают ехать страждущие!

О том, что наблюдает за чудотворцем не Орден, а ивановский горком, Костя решил не напоминать. В конце концов, это его личные, субъективные сомнения в качестве работы под руководством Оболкина.

– Что-то – наверняка делает. Вот заодно и узнаешь, что. Так близко к Борецкому из наших еще никто не подбирался. Твоя цель – хоть что-то разузнать у него о Кучике, но и методы работы этого скользкого типа нам тоже интересны.

Остаток дня придумывали правдоподобную легенду. Благо это оказалось не трудно: вряд ли Борецкий настаивал, чтобы клиенты подробно о себе рассказывали. Есть деньги – и ладно.

В итоге Костя превратился в Алексея Алексеевича Кондрашова, бизнесмена из Москвы. Якобы до него дошли слухи, что в Иванове чудотворец стирает воспоминания о прошлой жизни. Долго придумывали бизнес Кондрашову, ведь может так случиться, что разговор хотя бы на элементарном уровне придется поддерживать. Костя признался, что разбирается лишь в работе «скорой», чае и лошадях, так что новоявленный Алексей стал владельцем конного клуба. О его содержании, доходах и расходах Костя знал не многим меньше, чем Иван Викторович, уже лет двадцать владеющий клубом, конюшня которого стала домом для Пегаса. Иван Викторович даже звал Костю к себе заместителем, но для этого пришлось бы уйти из «скорой».

Амгалан пообещал, что к завтрашнему дню Данзар «обеспечит правдоподобие» легенды, и на этом распрошались.

С утра Костя поехал исследовать близлежащие парки и детские площадки с фотографией девятилетней Маши, и лишь где-то на периферии сознания мелькнула мысль об Ане. В последние дни они почти не виделись, но ее улыбка, ее глаза и особенно ее бедра напоминали, что в мире существует не только работа. Что она ему

сказала за завтраком? Кажется, что займется религиозным туризмом? Да, монастырей и дацанов тут много, надолго хватит.

Шел третий час бесплодных прогулок в поисках девочки в инвалидной коляске. У Кости уже даже зубы мерзли, не говоря о руках, сунутых в карманы и сжатых в кулаки в надежде сохранить толику тепла; пальцы ног одеревенели. Ветер не только не стих, но стал, казалось, злее, от чего пришлось поднять воротник и вжимать в него голову. Видок словно у карикатурного шпиона. Маша могла быть в школе, больнице, уехать к бабушке в другой город или просто решить, что сегодня слишком холодный день и лучше остаться дома. Это значило, что ему придется ходить по детским площадкам завтра, послезавтра и неизвестно сколько еще. И все для того, чтобы няня завопила «не подходи к ребенку!» или что-то подобное. Но других вариантов у них не было.

Костя прогуливался по гравийной аллее центрального городского парка и вяло размышлял, получится ли подкупить няню или же такое предложение ее только сильнее отпугнет, когда из-за поворота появилась коляска. Ему даже не пришлось смотреть на фотографию, спрятанную во внутренний карман пальто, – это определенно была Маша. Шапка с помпоном вызвала воспоминания о девочке, потерявшей мать в автомобильной катастрофе у МКАДа. Однако на обочине московской дороги сидел ребенок, тут же – взрослый человек, побитый жизнью, но лишь ставший крепче и умнее. Такой взгляд отличает тех детей, кто вспомнил свою жизнь, причем вспомнил разом, подробно. Годам к двадцати уже сложно понять, то ли зрелость пришла рано, то ли память, а на детском лице этот взгляд настолько диссонирует с пухлыми щечками, с зайчиками на шарфике, с милой улыбкой, что не заметить его невозможно.

Девочка о чем-то весело трещала с идущей рядом няней (или это ее мать?) и совсем не выглядела несчастной. Если бы не взгляд, если бы не коляска, приводящаяся в движение сервоприводом, ее можно было принять за обычного беспечного ребенка. Но это определенно была Маша – та, чей пapa готов был заплатить огромные деньги, лишь бы дочь спала по ночам без снов.

Их взгляды встретились. Костя так и не решил, как правильнее всего поступить, поэтому поддался интуиции: ткнул пальцем себе в грудь, затем указал на девочку и, как мог, показал, что им нужно

поговорить. Детская улыбка моментально растаяла, будто кусочек льда в горячем чае. Маша что-то тихо сказала матери (или это няня?), а на ее возражения повторила это еще раз, настойчивее, и женщина смирилась, отошла назад, к лавочке. Коляска мягко покатилась в сторону Кости.

– Ты ведь Маша, да? – все же спросил он. От ее взгляда стало еще более неуютно, чем от ветра, захотелось глубже вжаться в поднятый воротник. К взрослым с такими глазами он уже привык, а у детей видел редко.

Она кивнула.

– Меня зовут Алексей Алексеевич. Можно просто дядя Леша. Я ищу Борецкого.

Маша молчала, наверное, минуту, показавшуюся часом, но все же ответила:

– Я помогу тебе. Ты не полицейский, ты тоже помнишь то, о чем лучше бы забыть. Я вижу долгие годы страданий в твоих глазах, такое нельзя подделать.

– Он тебе помог? – жадно спросил Костя. – Ты действительно забыла?

Девочка кивнула.

– Накануне я всю ночь сидела и записывала. Все те ужасы, что совершила в прошлой жизни. Я будто резала себя тупым ножом, вытаскивая на бумагу жилы из себя. Некоторые слова потом так и не удалось прочесть: все время, пока я писала, я рыдала, слезы капали и смывали чернила, но я этого не видела, не перечитывала. Если бы ничего не получилось – на следующий день я бы все сожгла, но на следующий день история моей жизни читалась как захватывающий ужастик или триллер. Мне было... просто любопытно. Я ведь ничего не помнила. Умом понимала: это моя жизнь, но внутри ничто не резонировало, не откликалось. Меня не мучила совесть – впервые за многие годы. Я ведь очень рано все вспомнила, по сути, детства мне не досталось. Только научилась ходить на горшок, как превратилась в сорокалетнего мужика в теле ребенка. Спасибо Борецкому, теперь учусь опять быть маленькой девочкой.

– Ты выглядишь... довольной. Несмотря на коляску.

– Да, я довольна. Не представляешь, как довольна! Звучит, наверное, дико, но сейчас у меня просто отличная жизнь! Дело в

сравнении. А моя болезнь... я знаю, за что она мне, и, вот честно, каждый вечер благодарю Будду за то, что легко отделалась.

– Я бы тоже хотел прочесть о своей прошлой жизни на бумаге, – не соврал Костя. Ох, долгие годы он мечтал узнать, кем же был до этого перерождения!

К окончанию школы практически все хоть что-то уже вспомнили. Рауль так вообще прошел идентификацию личности в банке памяти. Костя же трижды почувствовал смерть, что тщательно скрывалось родителями. В старших классах он и сам понял, зачем нужно прятать свой дар. Тогда еще он считал это даром, а не проклятием. Друзья же один за другим переходили в ранг приятелей, а затем и вовсе переставали с ним общаться. Не интересно. В пятнадцать лет они ощущали себя тридцатилетними, его же заботили прыщи и девственность. А как тут хотя бы поцеловать девчонку, если в ответ на все его робкие и неуклюжие попытки ухаживаний одноклассницы закатывали глаза, фыркали и шли на свидание с другими, с теми, кто прекрасно помнил, как понравиться девушке.

– Пиши адрес и кодовую фразу, – кивнула Маша. – Давай быстрей, а то моя няня сейчас сойдет с ума от беспокойства. Они решили, что раз я все забыла, то снова стала маленькой девочкой, которая пойдет с незнакомцем, стоит ему поманить меня конфеткой.

– А что, не так?

Маша хмыкнула, и Костя готов был поклясться, что девятилетние девочки так не умеют. Продиктовав адрес, она протянула ему две руки:

– Ну... дядя Леша... бывай. Удачи тебе.

– Спасибо!

Рукопожатие оказалось не по-детски крепким.

Коляска покатила прочь. Няня подбежала к ребенку, без надобности поправила шапку с помпоном и направилась обратно, туда, откуда пришла. Костя смотрел им вслед до тех пор, пока коляска не скрылась за поворотом. Маша так ни разу и не обернулась.

Это была обычная трехэтажка, типовая, без изысков. В подъезде пахло сыростью, а на стене красовались нацарапанные три буквы русского алфавита. Ни опыт прошлых жизней, ни близость к святому месту не меняли человеческую породу. Раньше Костя часто размышлял: кем и для чего были созданы Купола? Для чего люди

начали помнить себя? Да, наверное, человечество стало быстрее развиваться. Сравнивать, конечно, не с чем, но вряд ли без памяти с такой скоростью было бы открыто электричество, атомная энергия, изобретены компьютеры, генная инженерия, биотехнологии и прочее, что стало обыденным. Когда появились Купола, Русь еще находилась под татаро-монгольским игом! В азиатских странах уже вовсю записывали карму, а Европа больше века недоверчиво слушала истории о перерождении, в итоге азиаты опередили всех на целое поколение, а то и на два.

Да, наверное, человечество стало более мирным и терпимым. Уже через поколение исчезла такая архаика, как ксенофобия, патриархат, гомофобия. Ну а как иначе, если ты сам, рожденный белым европейцем, помнишь себя негром в Африке, а твоя любимая жена в этой жизни родилась парнем, как и ты? Но стал ли человек лучше, повзрослел ли он? Перестал ли делать глупости, будто подросток? Косте казалось, что нет. Какой цели добивался неведомый создатель Куполов? И не разочарован ли он? Может, отсутствие новых кармографов означает конец неудавшегося эксперимента? Или просто Косте очень хочется так думать, хочется стать обычным, нормальным человеком, а не белой вороной. И если он не помнит свою прошлую жизнь, то пусть именно это и будет нормой – не помнить.

За обитой дешевым дерматином дверью квартиры под номером восемьдесят восемь мог жить скорее пьянчужка, чем богач. Костя с сомнением вдавил кнопку звонка. Звякнул ключ, дверь открылась. Хозяин квартиры оказался хоть и ниже Кости, но ненамного, зато коренастым, больше похожим на боксера, чем на монаха: тяжелая челюсть, крупные черты лица, бугры мышц, выпирающие из-под майки. Образ довершали синие тренировочные штаны, тапочки на босу ногу и банка «Праны», почти утонувшая в широкой ладони.

– Вам привет от Арсения Снегова, – чуть оробев, произнес Костя кодовую фразу. Борецкий это или нет? Может быть, Маша его обманула?

– Проходи, – кивнул тот, отпивая из банки.

Костя неодобрительно покосился, но смолчал. Его напрягали люди, употребляющие «Прану». Нечто среднее между алкоголем и наркотиком, она туманила мозг, питая при этом тело. Он видел тех, кто месяцами жил на этой гадости, – они напоминали умственно отсталых.

Будь его воля, он бы запретил и «Прану», и наркотики не только несовершеннолетним, а всем, совсем, вплоть до уголовной статьи. Но нельзя. Нарушение конституционных прав. Каждый имеет право на жизнь и на смерть в данном воплощении; что делать со своим телом и мозгом – решать личности, а не обществу. Только перед смертью к тебе обязательно приедут снять слепок кармы. Потому что от забвения тебя спасут. Но и это хотят убрать! По слухам, большинство депутатов поддержат законопроект об отмене обязательной реинкарнации.

Внутри уже ничего не напоминало дерматиновую обивку двери, хотя и роскоши Костя не увидел. Даже у Туманова квартира выглядела богаче, что уж говорить о кабинете Оболкина! Похоже, Борецкого не очень интересовал дизайн интерьеров и резная мебель времен Людовика четырнадцатого. Зато в приоткрытую дверь одной из комнат виднелся многоуровневый алтарь со статуей Будды, ступой и фотокарточкой Далай-ламы, под которыми горело несколько небольших белых свечей. Неужели Борецкий на самом деле верующий и его монашество – не прикрытие нелегального бизнеса? Ну или весьма хорошее прикрытие.

– Чай? Кофе? – Борецкий привел Костю на кухню.

– Чай. Спасибо.

Монахи тонизирующие напитки не пили, впрочем, кофе по сравнению с «Праной» – прямо отвар пустырника.

– А вы правда можете то, что о вас говорят? – Борецкий вопросительно поднял бровь. – Ну, стираете память?

– Иногда важно помнить, но иногда важнее забыть, – ответил он известной цитатой. – Рассказывай, зачем пришел.

– Очень хочется забыть...

– Ты ведь понимаешь, что это нелегально? Тому, кто все это создал, нужно, чтобы мы помнили и страдали.

Костю укололо это фамильярное «ты», ведь сам он обращался к Борецкому на «вы», но он проглотил это.

– Во искупление, да-да. Видите ли, я атеист.

А вы, насколько мне известно, буддистский монах. Почтительно ли вы ведете себя по отношению к Будде, якобы благодаря которому мы все помним?

Борецкий уставился, будто примерялся, как лучше ударить, чтобы сразу отправить в нокаут. Косте пришлось выдержать долгий взгляд, а

затем ответить на неожиданный вопрос:

– Знаешь, почему Будда Шакьямуни не ушел в нирвану после того, как стал Просветленным?

– Чтобы помочь остальным достичь Просветления – Костя хотя и не интересовался религией, но это ж базовые вещи.

– А почему бы ему не бросить всех этих живых существ и не отправиться себе спокойно в нирвану? Ведь его учение сложно для понимания и доступно лишь мудрым. И уж конечно, Будда видел, что окружающих интересуют лишь их привязанности, что им трудно будет принять противоречащее всему привычному учение, отказаться от всех обретений и прийти к бесстрастию и угасанию самости, хоть это в итоге и ведет к Освобождению.

– Он распространял учение по миру, чтобы другие люди также становились Просветленными.

– «Найдутся те, кто поймет», – говорил Будда, хотя при этом учил всех. Почему не избранных? Почему не только тех, «кто поймет»? Зачем тратить время и силы на тех, кто не способен воспринять учение?

– Из сострадания?

Борецкий кивнул и отставил недопитую банку с «Праной».

– И как ты думаешь, если бы иноверец пришел к нему за помощью, он бы отказал?

Костя покачал головой. Когда приносишь в мир новое учение, то все окружающие – иноверцы. Если не помогать им, не убеждать их в своей правоте, не показывать ее, то как создавать последователей?

– Помог бы Будда просящему, если бы царь запретил это делать?

– Наверное, помог, – засомневался Костя. В таких вещах он уже не очень разбирался. – Что ему приказы царя? Он выше всего этого.

– Тогда почему ты удивляешься, что я, буддийский монах, оказываю помощь нуждающимся?

Костя растерялся. Оказывается, Борецкий не просто хочет заработать много денег, у него своя философия! Хоть и такая странная. Ее можно было бы даже обсуждать, если бы не один момент.

– Оказал бы помочь просящему ученик Будды, если бы сам Будда запретил это делать? – Именно это не укладывалось у Кости в голове. Ведь память о прошлых жизнях вернула, по мнению буддистов, именно Будда Шакьямуни. Получается, что Борецкий идет против

божественной воли, и ладно бы он был атеистом, но нет, он буддистский монах! Как такое возможно?

– Будда не может запретить помогать живым существам, – улыбнулся Борецкий. – Это вне его природы.

– Но он может запретить что-то делать, полагая, что это деяние пойдет во вред живому существу?

– Да. Большинство людей не разбираются, какие их действия принесут пользу, а какие вред даже по отношению к себе, а уж к другим – тем более.

– Но вы разбираетесь? Настолько, что готовы пойти наперекор воле Будды?

– Я не иду наперекор его воле, я лишь чуть облегчаю страдания живущих здесь и сейчас. – Борецкий разлил чай по двум пиалам, одну протянул Косте. – Так тебе помогать или продолжим этический диспут?

Колесов понял, что перегнул палку. Монаха надо было не злить, а успокоить, прощупать и попытаться выяснить у него хоть что-то о Кучике.

– Я готов заключить сделку, если потяну. Я хоть и бизнесмен, но не миллионер.

Большие пальцы монаха неожиданно бегло залетали по экрану планшета, открывая поисковик.

– Бизнесмен, говоришь... как там тебя и что за бизнес?

Костя мгновенно вспотел, но не изменился ни в лице, ни в голосе.

– Кондрашов. Я владелец конного клуба «Мустанг». Это в Подмосковье.

К счастью, это входило в «обеспечение легенды», обещанное командором. У «Мустанга» оказался сайт, предлагающий тематические конные прогулки, а в разделе «Контакты» висела информация о директоре Кондрашове, его заместителе и инструкторах клуба. Все – с фотографиями.

– Это что же, покататься на лошади стоит десять тысяч рублей за час? – углядел Борецкий цены. – А вы там с дуба не рухнули?

– Это же тематическая прогулка! В костюмах, с фотосессией и обедом! – брякнул Костя, краем глаза увидев, какую монах открыл веб-страницу.

— Ладно-ладно. Продавай за сколько хочешь. Мне-то главное, чтобы ты полицаем не был. Безопасность, понимаешь ли...

— Я не полицай, — честно признался Костя. — Так вы можете мне стереть память?

— Ну для начала нужно посмотреть, что там у тебя...

Костино лицо оказалось настолько выразительным, что Борецкий развел руками:

— Ёккарганай! Да не шугайся ты! Сами воспоминания я не увижу. Грубо говоря, я оценю, в какой кодировке они у тебя записаны.

— Хорошо. Мне что для этого нужно сделать?

— Просто заткнись и пей чай.

Костя в ожидании разглядывал кухню, но та оказалась столь же банальной, как и чай. Судя по множеству специй, банок с крупами, обилию посуды и большому холодильнику, монах любил поесть. Еще один повод усомниться в его монашестве.

Внезапно лицо Борецкого скривилось, и Костя вздрогнул. Он нутром почувствовал, что случилось что-то плохое.

— Тэк-с, молодой человек. И у кого ты был до меня?

— Я н-не понимаю.

— Ах, не понимаешь, — мерзким голосом протянул он. — Сдается мне, все ты понимаешь.

И вдруг сорвался на крик:

— Кто тебе стер воспоминания?! У тебя их нет, твою мать! Кто ты?!

Однако правильный вопрос в ответе не нуждался. Борецкий все понял, моментально остыл и вернулся к вальяжному тону:

— Ты ведь беспамятный. Реинкарнатор. А значит, Орден, мать твою, опять мною заинтересовался. Ну-ну, и чем могу быть полезен?

Стало ясно, что отпираться дальше бессмысленно.

— То, чем вы занимаетесь, — это нарушение закона реинкарнации, и Орден это так не оставит. Но вы можете смягчить свою вину, если согласитесь помочь нам. Мы ищем Виктора Андреевича Кучика. Я думаю, что он выходил с вами на связь. Расскажите, как его найти, и ваше наказание будет не столь суровым.

— Ой-ой-ой. Напугал. Я уже обоссался со страху. Мальчик, покажи-ка мне, где почитать о законе реинкарнации? И где почитать о наказании за его нарушение? В уголовном кодексе? В административном? Что? Не слышу? Ах, юридически нет такого

закона... это Орден его придумал... Ну не сделаете вы мне ничего, но ты не расстраивайся. Лучше сам подумай: что я нарушил?

– Вы стирали память о прошлых жизнях...

– Ась? Я стирал память? Но это же невозможно! Ну кой-чего я умею, да. Посмотреть, помнит ли человек свое прошлое воплощение или нет. Но стереть память! Вроде взрослый мальчик, а верит во всякие сказки. Еще не ходил у деревянного Будды просить исполнения желаний? Сходи обязательно! Точно поможет! Бабка Марфа давеча говорила!

Борецкий внезапно прекратил паясничать и с серьезным лицом продолжил:

– Полиция рыла целый год. Свидетелей опрашивала. За мной следила. Не нарушал я ничего. Вот психолог я хороший – это да. И успокаивать клиентов, рыдающих от воспоминаний, я могу. Но за это не сажают, за это награждают. Так что не в чем мне каяться, нет за мной вины. И этого вашего Кучика я знать не знаю. Не выходил никто со мной на связь. Не знаю, что он натворил, но ни один идиот в бегах не будет связываться со Степаном Борецким, за которым установлена слежка! Да-да, я знаю, что Орден ее так и не снял. Знаю, что на моих телефонах стоят прослушки. Я молчу и терплю – может, хоть так вы все убедитесь, что я обычный законопослушный гражданин.

Костя сжал зубы, встал и молча ушел, захлопнув за собой дерматиновую дверь.

Борецкий ошибался. Орден мог кое-что сделать. У него было влияние и высочайший авторитет, а это значит, что к нему прислушивались. Полиция проявляла активный интерес к тем, на кого указывали инспекторы. Госслужащие и даже многие частные работодатели сверялись с «черным списком», публикуемым Орденом, и не брали людей из этого списка на работу, банки не выдавали им кредиты... Тот, кто переходил дорогу Ордену, быстро оказывался или в тюрьме, или на обочине жизни. Или же становился монахом. В монастыри принимали всех, кроме беспамятных.

Выйдя на улицу, Костя рассказал командору о своем провале. Борецкого нужно было брать, причем срочно, и уже в стенах Ордена выяснить, врет ли он. Но скомандовать ивановскому горкому напрямую командор из московского горкома не имел полномочий, мог лишь попросить, а в случае отказа – оспорить решение, обратившись к

региональному приору. От Кости же уже ничего не зависело, и ему осталось тягостное ожидание.

Весь день прошел в бюрократических согласованиях, а утро следующего разразила ужасная новость: Борецкого убили. Тот хоть и кичился, что Орден ему ничего не сможет сделать, но сбежал сразу, как только Колесов от него ушел, а на рассвете полиция нашла труп – из города монах уехать не успел. Его застрелили в упор, приставив пистолет ко лбу, – таково заключение судмедэкспертизы. Мотив преступления обнаружили после еще одной страшной новости: девятилетняя Маша, проходившая по делу Борецкого в прошлом году как свидетель, покончила с собой. Безутешные родители признались, что девочка накануне вновь вспомнила свою прошлую жизнь.

– Не уверен, что помог вам. – Костя протянул руку Кире. – Кажется, еще больше навредил. Извините.

– Не за что извиняться. Я же сама просила. Мы всколыхнули это болото, и, честно, я очень рада.

– Всколыхнули... и обрубили последнюю ниточку, ведущую к Кучику.

– Извините, – опустила голову Кира.

– Теперь вы извиняетесь? За что? Или это вы пристрелили Борецкого? – улыбнулся Костя, пытаясь разрядить обстановку.

– За то, что у нас получилось взаимопроигрышное сотрудничество, – чуть улыбнулась в ответ Кира.

Костя захохотал:

– Если надо еще навредить – обращайтесь.

Кира кивнула и уточнила:

– Когда уезжаете в Москву?

– Сегодня.

– Ясно. С вами было приятно работать, Константин Юрьевич. – Она легонько провела ладонью по его предплечью. Костя не мог через ткань пальто ощутить прикосновение, но все же словно почувствовал прохладные пальцы на своей коже.

– Прощайте! – Девушка отдернула руку, развернулась и торопливо пошла. На ответное «пока» она не обернулась.

К полицейскому расследованию убийства подключились инспекторы Ордена, и все новые факты раскрывались чуть ли не каждый день.

Прошлогодних свидетелей допросили снова, и теперь большинство признались, что Борецкий действительно стер им память. В условия соглашения с ним входило и молчание, особенно – на допросах в Ордене и полиции. Однако причиной нынешней разговорчивости стала не гибель монаха, а то, что после его смерти стертая память ко всем вернулась.

Возможно, он просто блокировал воспоминания и блокировка после его смерти слетела? Но почему? Эту загадку пытались разгадать инспекторы Ордена, но лишь еще больше запутывались. Что случилось в час дня в пятницу одиннадцатого января – когда лавина прошлого вновь нахлынула на тех, кто надеялся, что избавился от нее уже навсегда? И кто из них через семь часов пустил пулю в лоб Борецкому?

Эти загадки не давали покоя и Косте, хотя дальнейшим расследованием он не занимался. Но еще больше его мучил вопрос, заданный Борецким: «Кто стер тебе память?» Кажется, тот в первые мгновения решил, что клиент побывал уже у другого спеца, и, лишь сообразив, что не знает никого с подобным даром, понял, что перед ним беспамятный. Неужели кто-то им всем стирал память? Если так, то когда это происходило? Сразу после рождения? Или еще до рождения? Кто и зачем это делал? И, главное, во благо или нет? Костя долго прокручивал в голове разговор с командором, состоявшийся по возвращении в Москву.

– Я думал, что Борецкий мошенник, что он врет людям, выкачивая деньги. Оказалось, это не так. Свои способности он использовал из чувства сострадания...

– Или он соврал тебе.

– Да, я думал об этом. Но не нашел смысла. Придумать такую философию за одну минуту ради какого-то клиента? Да и зачем? Мог бы сказать честно, что делает это ради денег. Я же не лама из его монастыря, передо мной отчитываться не надо.

Амгалан Тумэнович пожал плечами:

– Он может искренне верить сам в то, что говорит. Или нет. Это неважно. Скорее всего, когда проявились способности, Борецкого одолело искушение ими воспользоваться. Представь: у тебя есть суперсила, но использовать ее нельзя. Обидно же! А уж в том, чтобы находить оправдание своим неблаговидным поступкам, у человечества

никогда не было проблем. Так что да, монах действительно мог считать, будто помогает людям. Хотя деньги при этом брать не забывал. И немалые.

– А на самом деле?

– А на самом деле он оказался подобен врачу, пожалевшему калеку с культий и ослепившего его, чтобы тот не видел больше своей культи и не страдал.

– Иногда страдание действительно можно уменьшить, закрыв глаза...

– Убегание в мир иллюзий в итоге всегда приводит к еще большему страданию.

По ночам Костя не мог уснуть: перед глазами появлялась счастливая девчонка в шапке с помпоном. Она очень хотела научиться жить заново, стать ребенком, пусть и в инвалидной коляске. Да, она обманула систему. Да, он понимал, что в детском теле находится совсем не невинное дитя. Возможно, в предыдущей жизни это был матерый убийца, и нынешние страдания – это то, что очистит его карму, даст возможность ему двигаться дальше. И тем не менее, когда перед внутренним взором возникали Машины глаза, ладони сами скимались в кулаки, а зубы скрипели от бессилия.

Он знал лишь один способ борьбы с бессонницей в таких случаях и вновь к нему прибегнул: вернулся на работу и набрал себе двойных смен.

Звонок застал Костя на дежурстве:

– Привет. Я тут раздобыл очень интересное кино, предлагаю вечерком посмотреть.

– Данзар, мне сейчас не до фильмов...

– Этот тебе точно понравится. Гарантирую. Так что, сегодня вечером? У тебя?

Костя собирался отказаться, но в эту секунду на коммуникатор поступил сигнал об умирающем. Спорить не было времени, так что он бросил в трубку: «Не раньше девяти только» – и нажал отбой.

Помимо работы лишь Данзар и Аня не давали ему упасть на дно депрессии. Костя запрещал себе думать о том, что снова провалил дело. Никто не знал, что Борецкий «увидит» отсутствие памяти о прошлой жизни: в такие способности не верили ни в московском, ни в ивановском горкоме Ордена, и эта ошибка стала неприятным

сюрпризом для всех. Но Костя винил себя. Ведь именно он спугнул монаха, и дальше покатился снежный ком, закончившись смертью девятилетней девочки, очень хотевшей жить. И в этом есть Костины вины, хотя Амгалан так не считал. Но сколько ни работай, сколько ни запрещай себе думать об этом, мысли просачивались и разъедали изнутри, как кислота.

К приходу друга он впервые с момента приезда из Иванова подготовил еды. Хотя сейчас, с карточкой Ордена, цены на мясо уже не пугали, но из-за многолетней привычки он позволял себе его лишь изредка, по праздникам и особым случаям. Сам он все эти дни почти ничего не ел, перекусывал во время дежурств рисовыми шариками или овощными самоса, а когда добирался до дома, у него оставалось лишь одно желание – спать.

Пока Данзар возился в комнате с телевизором, Костя дожаривал свиные отбивные, затем вытащил из морозилки заледеневшую бутылку водки, и оба устроились на диване с тарелками.

– Ваше полное имя, возраст и род занятий.
– Старикин Евгений Александрович, пятьдесят один год, генеральный директор ЗАО «Антей».

– Чем занимается ЗАО «Антей»?
– Оказанием услуг.
– Какого рода?
– Разного...
– Включая заказные убийства и нелегальную торговлю оружием?
Молчание.
– Отвечайте.
– Да.

С первых минут «фильма» Костя забыл о еде, лишь Данзар уплетал – он-то уже все видел.

В кадре были двое, но разглядеть удавалось лишь одного, сидящего за столом. Из-за квадратной челюсти и бритой головы Старикин выглядел грозно, хотя сейчас вид его был понурым. Помещение напоминало одну из комнат московского горкома: подобные старые черно-белые фотографии Куполов на стенах регулярно встречались именно там. Задающего вопросы камера не снимала, доносился лишь его голос.

– Данзар, что это?

– Допрос Ордена. Да ты смотри, сам все поймешь.

Допрос тем временем продолжался:

– Зачем вы приходили к Степану Борецкому?

– У меня есть сын, Генка, ему четырнадцать. В прошлом году он, ё-мое, вспомнил предыдущую жизнь, и та была не сахар. Парень мучился этими воспоминаниями, и я решил: надо что-то сделать. Так и до дурки недалеко, ё-мое. Навел справки через своих ребят... говорили, что этот Степан реально помогает. Только цену ломит нещадно. Ну ладно, бабки у меня есть, не вопрос. Я только его сразу предупредил: если Генке не поможет – из-под земли достану и три шкуры сдеру. Тот клялся, что сбоев ни разу не было.

– Когда сын был у Борецкого на приеме?

– Пятого января.

– Он забыл прошлую жизнь?

– Начисто! Я все ждал подвоха, я давно в нелегальном бизнесе, ё-мое, знаю: чтобы все прошло чисто, нужно хорошо знать всех участников сделки или их поручителей, а этого Борецкого видел впервые. Но Генка вообще все забыл. Прискакал ко мне радостный. Пап, говорит, а расскажи, кем я был раньше?

Костя судорожно, залпом, выпил водки. Мясо в горло не лезло, и он отдал свой кусок другу. Снова вспомнилась девочка в шапочке с помпоном. Она догадалась до потери памяти о прошлой жизни записать все, что помнила. Костя понимал, почему сын бандита не сделал ничего подобного. Если отец умный, то он ему не ответил на вопрос или соврал.

– Расскажите о событиях одиннадцатого января по порядку. С утра и до вечера. – Камера обычно фиксировалась на лице Евгения Александровича, но тут оператор поменял точку съемки, и в кадр на секунду попала морщинистая рука с оранжевым браслетом на запястье.

– Утром Генка проснулся рано: сказал, мол, выспался. Обычно он полночи уснуть не мог, потом вскакивал от кошмаров, вставал с большой башкой. А тут, ё-мое, выспался! Мамка его радовалась, как дитё мороженке, а я в напряге был. Чудеса, да и только. Ну и дождался, ё-мое. В час дня мы сидели, обедали. Обычно мы собираемся позже, но Генка рано встал, уже проголодался. Суп он ел, рассольник. Вдруг ложка из руки падает в тарелку, потом на пол, суп расплескался. А у

Генки глаза из орбит лезут, он будто задыхается. И орать начал: тонко-тонко, на одной ноте. И-и-и... И-и-и... Я его встрыхиваю за плечи: что?! Что случилось?! А он только свое «и-и-и» тянет, и все. Потом замолк, изо рта слюни потекли. Мамка пока «скорую» вызывала, я сунул ему лист бумаги и карандаш. Ору: нарисовать можешь?! Он кивает. Пальцы скрючены, карандаш еле держит, но калякает что-то. Я глянул... И понял, в чем дело: снова он все вспомнил. Я знаю эту сцену, она Генке по ночам в кошмарах снилась.

– Что вы делали дальше?

– Ну а что делать, ё-мое? Я понял, что убью гада. «Ниаких сбоев не было»! Как же! Взял оружие, братанов своих и пошел. Эта падла, видно, почуяла что-то, сбежала, но я обещал – из-под земли достану. И достал. Сначала потребовал вернуть деньги. Тот начал что-то блеять, мол, деньги пошли в дело, у него их сейчас нет, но скоро дело выгорит и он вернет все с процентами. В общем, обычная пурга. Тогда я приставил ему ко лбу пистолет и выстрелил. Чтоб он в следующей жизни, тварь, родился у садиста-педофила! Генка из-за него до сих пор в дурке. Не говорит, почти ничего не соображает, только скулит. Тварь! Какая же он тварь!

Воспроизведение остановилось, и только тут Костя очнулся и увидел пульт в руках у Данзара. Плеснул еще водки и выпил залпом, не чокаясь.

– Дальше можно уже не смотреть, там неинтересно, – Данзар как ни в чем не бывало продолжал ужинать. – Любопытно другое. Я пробил: почти у всех, кто вспомнил себя второй раз, психика не выдержала. Многие в дурку попали, некоторые, как Маша, покончили с собой.

– Психика человека не приспособлена ко вторичному воспоминанию?

– Похоже на то. Думаю, еще и от воспоминаний зависит. У клиентов Борецкого жуткие события в памяти всплывали, не всякая психика выдержит, но раньше-то они с ними жили. Да, ночами их мучили кошмары, днями – совесть. Тот еще адок, но не дурка же!

– Там дальше в допросе был еще один важный момент. Бандита спросили, как он нашел Борецкого. Тот долго мялся, а затем все же признался, что с информацией помог неизвестный ему человек, называющий себя анагамином. И еще: обратил внимание на даты?

Бандюган заплатил за сына за два дня до похищения кармографа, а Борецкий ему потом говорил, что деньги пошли на дело, которое принесет прибыль.

– Кучик, – выдохнул Костя. – Ему нужен кармограф. Думаешь, они были в доле?

– Очень похоже на то. То ли Кучик знал, что Борецкий занимается нелегальными делами, и целенаправленно шел к нему с просьбой помочь раздобыть кармограф, то ли просто приехал прятаться, а тот уже сам придумал авантюру, но, думаю, нападение на реинкарнатора связано именно с этим.

– А Ордену анагаминов такой расклад не понравился, и они убрали монаха чужими руками, – подытожил Костя.

Архивариус кивнул.

– Кармограф в квартире у Борецкого нашли?

– То-то и странно, что нет. Может, наш московский беглец его уже прихватил?

– Тогда мы опоздали, – убитым голосом произнес Костя. – Тогда он вот-вот начнет стирать людям карму. Если уже не начал.

Данзар наполнил рюмки, а на Костю вновь накатила волна отчаяния. Он постоянно опаздывает и то и дело хватает руками воздух.

Следующие две смены пролетели мгновенно. Желтая машинка без устали металась по разным концам Москвы. Благо за рулем сидел Сан Саныч – лучший водитель «скорой». Это были хорошие смены. Тяжелые, но хорошие – они везде успели. После таких дежурств Костя ощущал себя живым, нужным, чувствовал, что все делает правильно.

Стопка из пятнадцати записанных пластин лежала на столе в комнате оперативников, в чашке с драконом дымился пуэр, мягкие домашние тапочки обнимали ноги. После тяжелых хромовых сапог и жесткой черной формы тапочки и разношенные штаны казались лучшей одеждой в мире.

– Эге-гей! Ты там сидишь?

– Сижу. Отчет пишу, – пробурчал Костя в трубку.

– Ивановских грабителей нашли! – Данзар выдержал театральную паузу.

– Ну же! Рассказывай!

— Два местных гопника. Одному семнадцать, другому девятнадцать. Сознались, голубчики, в том, что взяли деньги у Борецкого за воровство кармографа, а потом кинули нашего монаха. Этих идиотов повязали на черном рынке, когда они попытались толкнуть прибор сами.

Костя вздохнул. Мгновение радости сменилось грустью.

— Это, конечно, замечательно, я рад за ивановский горком и местную полицию, но нам это ничего не дает. Борецкий мертв, Кучика мы упустили, зацепиться не за что.

— А-атставить панику! Нам это тоже кое-чего дает. Подумай сам: если малолетние воришки не отдали прибор Борецкому, значит, и у Кучика его нет.

— И значит, мы можем поймать его на живца, — осенило вдруг Костю. — Раз он всеми силами пытается раздобыть кармограф, то мы на этом сыграем и выманим гада!

— Отличная идея! Ну что, сегодня вечером опять у тебя?

— Дай хоть с дежурства отоспаться, — проворчал Костя. — И это... может, Аню позвать?..

Костя почувствовал, что в этот момент улыбка у Данзара расплылась до ушей.

— Да-да, я понял, уйду пораньше.

Костя проигнорировал подколку, его беспокоило другое:

— Но она не в курсе про прибор, и командор запретил ей про него рассказывать.

— Про прибор Леона — да. Но что Кучик ищет кармограф, можно не скрывать. Просто не говори, зачем.

— Уверен? Она ведь до сих пор думает, будто мы из полиции...

— Уверен. Полиция как раз и занимается обычно поиском украденных кармографов. Все в порядке, зови свою девчонку! — раздалось в трубке так громко, что Костя отстранил ее от уха и представил, как все присутствующие в архиве сейчас неодобрительно посмотрели на Данзара.

Глава 10

К этой встрече Костя приготовился. Поспать удалось немного, пришлось выбирать: или сон, или священное действие на кухне. «Усладу Будды» он научился готовить для своей жены-вегетарианки. Обычно его подают на Сагаалган, но они ели чаще. Диаметрально противоположные кулинарные пристрастия стали еще одним постоянным поводом для ссор и упреков. Дошло до того, что мясо приходилось есть тайком, пока Джун на работе. Замеченная в холодильнике отбивная приводила к истерике и лекции о том, что живых существ нельзя убивать, а когда жена внезапно вернулась раньше и увидела Костин ужин, то на два дня ушла из дома.

Колесов уже несколько лет не готовил «Усладу Будды», но руки вспомнили. Собственно, рецепт довольно простой, справится даже школьник. Все необходимые ингредиенты он купил по дороге: и капусту-напу, и орехи гингко, и грибы шиитаке, и даже «волосатый мох» – совсем не дешевые водоросли. Грибы и лапшу он залил водой перед сном, так что теперь их можно было пускать в готовку.

Под звуки этно-рока на разогретом масле с плавающим в нем имбирем, уже успевшим карамелизоваться, зашкворчала капуста, затем к ней отправились грибы, тофу и спаржа, а Костя подливал то сладковатый устричный соус, то солоноватый соевый. Кухня наполнилась запахами, а рот – слюной. Говорят, раньше это блюдо подавали лишь правителям, и это походило на правду. Вкусное, ёккарбанай! Даже он, мясоед, признает, что это вкусно. Костя добавил бобовую лапшу, все помешал, накрыл крышкой, огонь сделал потише, а музыку погромче.

Пока «Услада Будды» жарилась, дразня запахами, порезал свежие овощи, сыр, хлеб. Сегодня у них будет вегетарианский ужин. Ему нравилось готовить, еще больше нравилось, что делает он это для Ани. Радовало, что появилась надежда поймать Кучика и добраться до опасного устройства. В окнах дома напротив разноцветные огни переливались с уличными фонарями... в общем, под такое настроение нужно соответствующее вино. Белое марокканское – самое то. Для Ани Костя решил приготовить сладкий ласси. Взбил в

блендере йогурт, воду, мед, щепотку кардамона. Розовую воду не нашел, зато обнаружил в шкафу клубничный сироп и влил две чайные ложки. Не успел лишь добавить измельченный лед – в этот момент раздался звонок в дверь.

– Ух ты, как вкусно пахнет! – с порога почувствовала Аня.

Данзар за ее спиной ехидно подмигнул и серьезным голосом спросил:

– А кто там у тебя на кухне долбит по пустым мусорным бакам?

Аня «заступилась»:

– Не по мусорным бакам, а по кастрюлям. И кидается половниками!

– Ясно. В музыке вы ничего не понимаете. Безнадежны, – вынес Костя вердикт. – Придется кормить и просвещать.

– А я тебе подарок принесла! – Аня протянула две оранжевые декоративные подушки со смешными котами. – Пусть хоть какие-то яркие цвета будут в твоей черно-белой квартире!

Костя растерялся и забыл все слова. В голове крутилось, что нужно поблагодарить и отнести подушки на диван, но почему-то он не мог это произнести и застыл как истукан с подушками в обнимку. Вот так, без повода, ему уже давно ничего не дарили, и это оказалось настолько неожиданно, что обескуражило. Аня восприняла молчание по-своему:

– Не нравится? Котики же всем нравятся!..

– Нравится, – очнулся наконец Костя и улыбнулся. – Очень нравится. Спасибо.

Друзья уже активно обсуждали способы заманить Виктора Кучика в ловушку, а у него все не шел из головы Аний подарок. Это дружеский жест или нечто большее? Именно об этом, а не о плане по поимке Кучика он размышлял, разглядывая песочные волосы и большие синие глаза, так похожие на глаза Пегаса. Наверное, не очень романтично сравнивать девушку с конем, и Костя никогда бы вслух этого не произнес, но только потому, что его бы неправильно поняли. Горячий норов, тугие мышцы, гибкое тело, длинная густая грива – в этом образе было столько эротики, столько энергии, сколько ни в одной худенькой миниатюрной красавице с первых полос журнала. Из-за широко распахнутых глаз моделей их лицо казалось удивленным, как у позабытой в песочнице куклы.

Такая была его жена. Забавно, что ее имя с японского переводится как «послушная», при этом Джун постоянно с ним спорила, по малейшему поводу. Маленькая, хрупкая, она вставала на цыпочки, чтобы дотянуться до его губ. От матери ей достались славянские черты лица, но кровь отца придала им азиатский колорит, миниатюрность, легкую раскосость и черные длинные волосы.

Бывает красота античных статуй, произведений искусства, фотографий в журналах. Ею любуешься, но как жить с ожившей фарфоровой статуэткой? Возможно, кто-то об этом мечтает, но для Кости красота оказалась испытанием. Знакомые и даже незнакомцы на улице оборачивались на его жену, он же при этом смотрел на самых обычных девушек, девушек, чье фото никогда бы не поместили в модный журнал.

– Эй! Ты вообще слушаешь, что мы обсуждаем? – пробасил Данзар, расхаживая по комнате. На мгновение он остановился возле этажерки, и на верхней полке вспыхнуло апельсиновым: это райская птица, собранная из часовых механизмов, ожила, сверкнув глазами. Костя мельком удивился: почему не изумрудным? На него она всегда реагирует изумрудным, будто считывает цвет его глаз. Что-то знакомое пыталось пробиться через заслоны памяти, какая-то мысль крутилась, еще чуть-чуть – и он ухватит ее за хвост...

– Костя! – рявкнул Данзар еще раз.

– Что? А, да. Я тут.

Аня фыркнула, сдерживая смешок, а Данзар закатил глаза. Костя почувствовал себя школьником, пойманым за написанием любовной записки на уроке. Не зная, как сгладить неловкость, он схватил пустой АНИН бокал и метнулся на кухню сделать еще ласси. Йогурт в холодильнике пришлось искать целую минуту, зато пауза привела в чувство. Вернувшись в комнату, он уже был способен думать о деле, но его выдержка вновь подверглась проверке.

– Ты просто шикарный повар!

Он stoически перенес АНИНу похвалу, запретив себе мысли о том, не стоит ли за этим нечто большее, и лишь протянул прохладный бокал.

– Давно я не ела такой вкусной «Услады». Обычно ее проще готовят, на скорую руку.

– А сама умеешь? – поинтересовался Данзар.

– Я в готовке полный ноль. Мне нельзя доверить даже макароны отварить. Эта магия никак не дается. Зашить рваную рану почему-то проще!

– Ладно, хватит мне дифирамбы петь, лучше давайте о Кучике. – Костя плеснул себе вина и вопросительно посмотрел на Данзара. Тот подвинул свой бокал и сообщил:

– Наша светлая голова, и я имею в виду сейчас не тебя, вспомнила, что Кучик работает в НИИ реинкарнации, а значит, нет ничего проще и логичнее, чем заманивать его в собственный институт, например, устроив там какое-то мероприятие с демонстрацией кармографа. Я предложил позвать кого-то из профессоров для лекции, но мне не нравится, что придется вовлекать много народа. Это ж договорись с НИИ, договорись со службой реинкарнации, чтобы выделили прибор, договорись с профессором...

– Согласен, профессор – это перебор. – Костя сделал глоток. Вино расслабляло, отпуская мысли в свободный полет. – Я сам прочту лекцию, сам возьму кармограф. Останется лишь с директором поговорить. Ему, думаю, придется сказать правду. Точнее, ее часть.

– А сможешь лекцию-то?

Во взгляде Данзара читалось недоверие. Одно дело работать с прибором, другое – рассказывать о принципах его работы. Зачастую пояснения реинкарнаторов понять могли лишь специалисты, зато те, кто никогда не видели кармографов, срывали аплодисменты на своих лекциях. Все же ораторство – это отдельный навык.

– Это будет лекция для детей. В вопросах и ответах, – улыбнулся Костя. С этим он уж должен справиться. – Впрочем, я надеюсь, что придут они с родителями, а то я без понятия, как успокаивать целый класс бесенят.

– Полицейские могут не хуже профессоров читать лекции по кармографам? Ух ты! –sarкастически заметила Аня.

Костя смутился и выругался про себя. Расслабился! Забыл, что играет роль полицейского!

– Легко! – заступился за него Данзар. – Думаешь, мы какие-то дуболомы? Смотри!

С этими словами он подскочил к этажерке, на некоторое время замер, выискивая что-то, а затем вытащил толстую книгу в твердом черном переплете и сунул ее Ане в руки. Это была монография

Леонхарда Петмансона «Применение электрических тензометров в кармографии».

У Ани округлились глаза, а Костя смутился еще больше и промямлил:

– Да я так... в свободное время интересуюсь... конечно, любой ученый разбирается в этом на порядки лучше меня...

– Парень, ты гений! – Данзар улыбнулся во весь рот и протянул бокал, чтобы чокнуться, но Костя в этот момент смотрел не на друга, а в синие глаза напротив.

Уже глубоко за полночь план обрел свой скелет: что сказать ректору, где оставить кармограф, чтобы Виктор Кучик попытался им воспользоваться, в какой момент подключить службу безопасности... Костя напряженно ждал от Ани каких-то неудобных вопросов, но она темы работы в полиции больше не касалась.

Данзар, зевая, отправился домой. В отличие от реинкарнатора у него отсыпного завтра не было. На столе к тому времени стояла уже третья бутылка, и Костя вдруг почувствовал себя обычным человеком, мужчиной рядом с классной женщиной, которая его понимает и не впадает от него в хтонический ужас. Как будто он и не беспамятный, как будто не чувт смерть, как будто обычный. И он сделал то, чего давно не позволял себе: полез в чью-то личную жизнь.

– Извини, если задаю бес tactный вопрос, но ты же не замужем, да? У тебя кто-то есть?

Аня подняла глаза от план-графика, несколько секунд смотрела на него, видимо, решая, стоит ли отвечать, но затем все же произнесла:

– Нет. А к чему этот вопрос?

– Мне показалось, тебе, с твоей профессией и отношением к жизни, тяжело найти пару. Как и мне, с моей профессией.

– Ты прав. Ухажеры вокруг меня не выются. Большинство мужчин, которых я вижу, обычно истекают кровью и не в состоянии произнести комплимент. Но неужели ты думаешь, что не можешь жениться, потому что работаешь в полиции?

– Ну-у... – немного смутился Костя. – Вообще-то я был женат.

– Ого! – Аня бросила план-график и подалась вперед. – И как же вы познакомились? Как начали встречаться?

– Нас Женяка познакомил. Это мой друг... Бывший. Мы работали вместе. Он частенько ходил по разным вечеринкам и тащил на них

меня чуть ли не за уши. Я вообще страшный домосед, но у него иногда получалось. Вот на одной такой вечеринке мы с Джун и познакомились. У меня даже мысли не возникло, что она на меня обратит внимание: пapa – вице-президент автомобильной корпорации, да и сама... богатая, красивая, к двадцати двум годам уже сделала карьеру в модельном бизнесе. Мне было двадцать пять, я получал минималку и не мог девушку даже в ресторан сводить. Но Джун сама мной заинтересовалась, проявила инициативу. Уж не знаю, чем я ее привлек. Наверное, тем, что совсем не похож ни на одного парня из их компании. Начали встречаться, я решил, что все серьезно, вот и поженились.

– Судя по тому, что друга ты назвал бывшим, закончилось все ее романом с этим твоим Женькой?

– Нет. Женьку застрелили на дежурстве. Он умер на месте, а убийцу так и не нашли.

– Извини...

– Ничего. Это всего лишь смерть. Хотя мне его не хватает до сих пор. С Джун мы разошлись безо всяких драм и историй. Просто в один день она ушла. В общем-то, правильно сделала. Мы только мучили друг друга: ее бесило, что я мало зарабатываю, что пропадаю целыми сутками на малооплачиваемой работе, потом прихожу злой и усталый и падаю спать. Модой не интересуюсь, на вечеринки с ней не хожу, читаю исторические книги, а не модные романы. Ну а меня раздражали все эти фотопоказы в бикини, бесконечные маникюры, макияжи, шпильки, бренды, диеты, тусовки с нужными людьми, рестораны,очные звонки и прочее. Двухкомнатная квартира, наверное, сохранила бы наш брак подольше, а в однушке – сама понимаешь.

– Это ее отец квартиру подарил? Вряд ли молодой опер может сам накопить на квартиру в Москве...

– Нет. Мой. Когда я бросил институт и устроился на нынешнюю работу. Думаю, он просто не хотел меня больше видеть.

Аня удивленно вскинула брови, ожидая пояснений, но Костя промолчал. Тогда пришлось бы рассказать правду о своей работе. Отец ведь на самом деле неплохой, просто так и не смог простить ему смерть матери. Не все способны принять смерть близких, а также принять тех, кто ее чует. И хотя формально Костя не виноват, но... он

знал, но не сказал. Ни ей, ни ему. С тех пор – всегда говорит... чтобы близкие могли успеть попрощаться.

Костя выпил еще вина и подумал: ну вот, хотел узнать про нее, а в итоге получилось, что рассказал про себя. Но было не обидно, а спокойно и тепло. И он сделал еще одну попытку сблизиться:

– Знаешь, я обычно не люблю работать с кем-то вместе, я вообще, честно говоря, людей не очень-то воспринимаю. Но с тобой иначе. Не знаю, как для тебя...

– Для меня вообще все иначе! Я никогда ничего подобного не делала, мне и сравнивать не с чем! Но если ты имеешь в виду, нравится ли мне с тобой работать, то да, ты хороший напарник. – Аня коснулась своим ласси бокала в Костиной руке. – За нас!

– За нас! – Одним глотком он допил остатки и обнял ее.

Аня не стала отстраняться, наоборот, обвила его плечи рукой, и Костю накрыла такая волна счастья, что на несколько секунд он забыл, как дышать, перестал понимать, кто он и где. Казалось, где-то на небесах Тушита, рядом с богами. Он потянулся губами к ее губам и даже прикоснулся к ним. Аня ответила. Он совершенно точно почувствовал это и начал уплывать. Очертания квартиры размылись, уже и сама Аня казалась не живым человеком, а сияющим видением. Где-то далеко, будто во сне, услышал:

– Ты замечательный, но не стоит этого делать. Не обижайся. Скоро ты поймешь почему и, думаю, скажешь спасибо за то, что остановила тебя.

В следующее мгновение Костя открыл глаза и обнаружил себя лежащим на диване под одеялом. Через шторы пробивался солнечный свет, за окном остервенело чирикали воробы, чуя оттепель. Костя подскочил, сбросил одеяло, схватил часы – те показывали полдень – и увидел, что он в штанах и рубашке. Как уехала Аня? Когда он лег? Почему не разделся? В памяти это не сохранилось. Неужто три бутылки вина на двоих за вечер привели его в такое состояние?

Голова не болела, наоборот, ощущалась бодрость, даже спать не хотелось. Вот только... что случилось после неудавшейся попытки поцелуя? «Ты скажешь спасибо, что остановила тебя» – как-то так она сказала? Или это ему все приснилось?

Дверь оказалась запертой изнутри, и, логически рассуждая, Костя решил, что вырубился уже после того, как Аня ушла. Да уж. Данзар

засмеет, если узнает, какая доза выключила его.

На кухонном столе лежал написанный аккуратным почерком план-график. Первым пунктом стояло «утвердить план у босса». Значит, пора наведаться в офис московского горкома.

Телефонный звонок застал его в дороге.

– Алло! Это Константин Юрьевич? – Взволнованный мужской голос показался знакомым. Где он его слышал?

– Да. Кто говорит?

– Петр Тарасович. Завкафедрой НИИ реинкарнации. Вы оставляли мне свой телефон.

Костя сразу же вспомнил трясущегося от страха здоровяка и то, как некрасиво он с ним поступил.

Но совесть пришлось приглушить. Если тот узнал, где находится Кучик...

– Есть какие-то новости?

– Нет. Если честно, я не уверен, что это к вам имеет отношение, но все же решил позвонить. Переживаю я за эту девочку, хотя и видел ее последний раз еще школьницей.

– Говорите.

– Мне сейчас звонили из Склифа... простите, из Института Склифосовского, спрашивали, не знаю ли я, как связаться с Анной Ступиной. Это внучка Леона. Оказывается, со дня его смерти она не появлялась на работе. Ни домашний, ни мобильный телефоны не отвечают. Не случилось ли с ней что? Может, вы там по своим каналам поищете ее?

– Да-да, – машинально ответил Костя, пораженный услышанным.

– Спасибо! Я вначале Вите позвонил, думал, может, он поможет, но тот так и не берет трубку. Вы с ним встретились? Что-то он надолго уехал, впору самому обзванивать знакомых.

– Увы, пока так и не встретились.

– Если увидите, пожалуйста, передайте, что у него на работе будут серьезные проблемы, если он срочно не вернется!

– Если увижу...

– Еще раз извините, если побеспокоил зря.

– Нет-нет, спасибо, что позвонили. Я займусь этим.

Лучи солнечного света, еще мгновение назад пускающие зайчиков по золотистым украшениям на домах, вынуждающие прохожих щуриться и улыбаться, внезапно высветили голые скрюченные ветви деревьев, пустые банки из-под пива и «Пряны», окурки, бомжей и раздавленного под колесами автомобиля голубя. Костя из беспечного прохожего превратился в члена Ордена на задании. Сам того не замечая, он нахмурился, сжал губы, напрягся, готовый в любой момент отражать атаку.

Погруженный в свои мысли, он не обратил внимания ни на охранника на входе, ни на уборщицу, чуть не сбив ведро с грязной водой. Не заметил бы и Эльвиру Рашидовну, если бы она не взяла его за локоть.

– Константин Юрьевич! С вами все в порядке?

– Да-да, извините, я задумался...

– Зайдите, пожалуйста, ко мне в кабинет.

– Я... можно позже? У меня срочное дело, минут на пятнадцать.

– С вами точно все хорошо? – обеспокоенно спросила Мирзоева, и Костя кивнул. – Я до четырех у себя, зайдите обязательно!

Он снова кивнул и несколько секунд смотрел, как удаляется его куратор. Затем очнулся. Обнаружил, что стоит в длинном коридоре московского горкома, под ногами – серая ковровая дорожка, перед глазами на белоснежных стенах – старые фотографии в простых черных рамках: копии уникальных архивных фото, хранившихся в Ордене. Каждый раз, когда он тут шел, непроизвольно останавливался и рассматривал их.

Вот фото со строительства завода по производству пластин в Касимове. Его возводили в рекордные сроки, рабочие приезжали со всей страны, жили в бараках, получали копейки, но все понимали – они создают независимость страны. После истории с картельным словором производителей пластин, когда цена на них взлетела втрое, государство озабочилось безопасностью своих граждан. После постройки завод в Касимове снабжал пластинами все больницы и отделения Скорой реинкарнаторской помощи по государственным тарифам. Теперь Костя смотрел на это фото не с гордостью, как обычно, а с грустью, вспоминая, во что превратился город сейчас. Глобализация экономики привела к перекошенной конкуренции, завод

лишился статуса стратегического предприятия, был приватизирован и теперь выпускал какие-то чайники.

А вот встреча Далай-ламы VII с тогдашними магистрами теркомов Ордена реинкарнаторов Дальнего Востока и Урала. Подумать только! Два века назад! Тогда только изобрели фотографию. Последняя официальная встреча магистров Ордена с религиозными деятелями прошла чуть меньше века назад, в Египте. Помимо местных в ней участвовал и магистр Европейского теркома Ордена. Затем деловые отношения с лидерами тхеравады и махаяны прекратились совсем, с Далай-ламой еще некоторое время Орден продолжал работать, но все меньше и меньше, пока протоколы о намерениях не превратились в пустышки.

Костя толкнул дверь в архив. На этот раз в центре зала крутилось трехмерное изображение горы Синай, точнее, ее подножия. Купол на вершине казался игрушечной ракетой. Видимо, аналитиков интересовал не он, а исследовательская станция или дорога, по которой доставлялись пластины с кармой. Архивариусы в своих креслах-трансформерах недовольно косились на посетителя: если к Данзару кто-то пришел, значит, сейчас будет шумно, а в архиве должна быть тишина! Но они ошиблись. Данзар, оказывается, умел разговаривать шепотом. По крайней мере, никто не услышал ни слова из их разговора.

– В Склифе разыскивают Аню Ступину. Она не появлялась на работе со дня смерти Леона.

Долгих две секунды Данзар осмысливал сказанное, а потом прорычал:

– Зачем она тебе врет?

Костя промолчал. Этот вопрос его сейчас интересовал даже больше, чем Данзара. На краю сознания что-то царапало. Всплыли слова: «Не обижайся. Скоро ты поймешь почему», но было и еще что-то... Аня настаивает на том, чтобы поехать в Касимов. Аня, не спрашивая, приезжает в Иваново. Разрозненные куски информации никак не собирались воедино, какой-то очевидный вывод напрашивался сам собой, но ускользал.

Видимо, у Данзара в голове происходило тоже нечто подобное, потому что внезапно его пальцы забегали по клавиатуре. Глаза глядывались в строки, мелькающие на мониторе.

– Есть кое-что.

Пальцы архивариуса замерли.

– Все, кому Борецкий стер память, в один день вспомнили прошлые жизни. Это случилось на следующий день после того, как ты и Аня узнали о том, что он творит. Ты говорил, она ходила на экскурсию в монастырь Будды будущего. Уверен, что именно туда? А не, например, к Борецкому? – Шепот давался Данзару тяжело.

И тут пазл в голове у Кости сложился. Ну конечно! После ее приезда в Иваново Борецкий теряет свои способности, после ее приезда в Касимов Костя каким-то чудом с помощью зеркальца от ее пурпуриницы убивает Туманова. А еще ранее неизвестные прислали ему письмо об этом самом Туманове, к которому и направился Кучик. А еще ее дед – член тайного Ордена.

– Ты говорил ей, что я еду в Иваново расследовать дело?

– Нет, конечно! – возмутился Данзар. – Я думал, ты ее позвал...

– Она из Ордена анагаминов, – выдохнул Костя, и после того, как он озвучил страшный вывод, напряжение отпустило.

Несколько секунд оба сидели и ошарашенно пялились друг на друга, осознавая сказанное. Первым пришел в себя архивариус.

– Похоже на то. Туманов же объяснял, что анагамины тоже ищут Кучика, и фиг бы они тебе просто так его сдали. К тебе приставили соглядатая с железным алиби.

«Вот почему она упорно отвергала меня, уверяя, что я потом буду жалеть об этом. Действительно. Я бы очень жалел».

– Что делать будем? – убито пробасил Данзар, но, увидев, что коллеги рядом обернулись, испуганно прикрыл рот ладонью.

– Я не знаю... сказать ей, что мы все знаем?

– И спугнуть весь их Орден и окончательно упустить Кучика?!

– Но она в курсе нашего плана! Ёккарганай, да она его и придумывала! Наверняка рассчитывает перехватить прибор и смыться.

– Скорее всего. Но если сейчас дать понять, что мы все знаем, она просто исчезнет. И потом: а вдруг мы ошибаемся? Нет, надо брать ее с поличным! Мы просто подкорректируем план.

Костя смотрел на архивариуса, такого деятельного, видевшего в новой проблеме лишь интересную задачу, и ничего не ощущал. Его будто выпотрошили, как курицу, и кинули в суп. Не осталось ни мыслей, ни эмоций, ни сил. Девушка, казавшаяся идеалом, другом,

лишь использовала его. Такой же растерянный и опустошенный он стоял, когда уходила Джун. Но тогда разум хотя бы понимал, что она делает правильно; больно, обидно, но правильно. Сейчас даже разум отказывался верить в предательство.

Данзар курочил их план, разрабатывая новый, и тот действительно оказался хорош. Даже если Аня переиграет их, что маловероятно, но всякое бывает, – она не сможет запустить прибор Леона. Крестики и стрелки, кто где стоит и кого ловит, появлялись на листе бумаги из-под пухлых пальцев Данзара, двигались и казались более живыми, чем Костя. Тот так и сидел с неестественно прямой спиной, боясь пошевелиться, даже не поворачивая голову, – ему казалось, что, двинься он с места, рассыплется на куски.

Но годы тренировок делали свое: он умел отключать эмоции не только почуяв запах, но в любой ситуации. Вот и сейчас через несколько минут он уже обсуждал новый план и даже дал несколько дельных советов. Потом долго стоял в туалете, сунув голову под холодную воду. Струйки попадали за шиворот, стекали по спине и груди, от чего тело покрылось мурашками. И это привело в чувство, прогнало отчаяние и обиду, заставило их спрятаться в чулан, к вороху таких же эмоций, в разное время отправленных туда же.

К Эльвире Рашидовне он пришел, ощущая себя уже почти как обычно: он снова был мрачным неразговорчивым циником, не ожидающим от мира ничего хорошего.

– Заходите, присаживайтесь. Вы ведь помните, что через десять дней у вас заканчивается испытательный срок? Вот об этом я и хотела поговорить.

«Ого, – подумал Костя. – Это уже почти три месяца пролетело». Он совершенно потерял счет времени. Оно то тянулось, как жвачка, то неслось вскачь, будто жеребец, увидавший кобылицу. Косте одновременно казалось, что Эльвира Рашидовна сидела в кабинете у Сергеича лишь вчера и что с тех пор прошел год.

– Не буду скрывать, положение у вас сложное. На совете за вас должны поручиться хотя бы два командора, и обычно это командор Управления и куратор, но... признаюсь честно, я не выступлю вашим поручителем.

Сердце у Кости екнуло. Мало того, что Аня оказалась предателем, теперь еще и из Ордена вышибут. Похоже, карма у него просто

дерьмовейшая. Не заслужил он ни девушки мечты, ни работы мечты. Впрочем, если до конца жизни он будет ездить по вызовам с чемоданчиком на маленьком желтом автомобиле, то его это устраивает. Глупо пытаться обмануть судьбу.

– У вас слишком много провалов. Андрей Туманов. Вам нужно было всего лишь проследить, чтобы с ним ничего не случилось. Всего несколько часов. Но за это время он умудрился умереть, да еще и при крайне странных обстоятельствах. Степан Борецкий. Человек, за которым Орден охотился не один год, оказался убит после разговора с вами. А чего стоит скандал между горкомами, который вы устроили?! Вы в курсе, что Оболкин написал жалобу магистру и сейчас идет внутреннее расследование?

– Да, но это ведь я раскопал Туманова – Орден о нем и не подозревал! И к Борецкому именно я подобрался. До этого никто из Ордена не узнал даже пароль для допуска к нему! И я съездил в ОПГ и вернул украденный кармограф!

– Это все так. Задатки инспектора у вас есть, есть смелость, настойчивость. Но какой результат? По-моему, отрицательный. Двое уникальных людей, нужных Ордену, мертвые, кармограф сломан.

– Пусть уж лучше они будут мертвые, чем продолжат и дальше нарушать закон реинкарнации, – посмотрел Костя в глаза своему куратору и наткнулся на виноватый взгляд. Мирзоевой неловко, что она не поддержит его? Да ну, ерунда. Эта железная леди просто не может чувствовать вину за такое. Не первый и не последний кандидат, которого не приняли в Орден. Тогда что? Почему такой взгляд?

– Они наверняка где-то припрятали свою карму, так что скоро родятся и продолжат нарушать закон. Вот только мы понятия не имеем, в какой стране, в каком теле. И на их поиски уйдет прорва времени, а можно было бы покончить с этим прямо сейчас. Да и то, что поручил вам командор, вы до сих пор не сделали.

– Задание оказалось сложнее, чем предполагали, – тихо ответил Костя. Он не был уверен, что куратор в курсе про прибор Леона.

– Вот и Амгалан Тумэнович так говорит. Я готова списать на неопытность какие-то просчеты, но... слишком уж много этих просчетов. Вы ставите под удар работу Ордена. И есть еще одна причина. – Куратор замолчала, так по-женски закусив губу, что Костя все понял. Все дело в том, что он видел ее с Доржиевым. Видимо,

Костя оказался единственным, кто в курсе этой тайны, и Мирзоева готова пожертвовать инспектором, чтобы сохранить и дальше свой секрет, а уж поводов, чтобы не принимать Колесова в Орден, можно насобирать как грибов после дождя.

– За годы существования Ордена многое изменилось, и сейчас мы уже не так обращаем внимание на вероисповедание кандидатов, но все же это религиозный Орден. И при всех спорных ситуациях именно вера помогала нам принять решение. – Мирзоева намекала на Костин атеизм, но ему уже стало не интересно. Да, он неверующий. Да, Туманов и Борецкий мертвые. Да, поймать Кучика пока не получается. Доказывает ли это, что он плохой инспектор? Может быть. А может, с этим не справился бы никто. Этот разговор говорил лишь об отношении Мирзоевой к нему, а не о качестве его работы.

– Это все? – поднялся Костя со стула. Он невыносимо устал от неприятных новостей.

– У вас еще есть немного времени. Возможно, вы измените ситуацию, – произнесла Эльвира Рашидовна, но в ее глазах читалось: «Я сделаю все, чтобы не допустить тебя в Орден».

За следующие дни Костя, Данзар и Аня договорились о лекции в институте, согласовали получение кармографа, напечатали и расклеили по городу афиши о лекции, сделали анонс в интернете и еще массу всего в соответствии с планом. Настоящий план знали лишь Костя, Данзар и Амгалан Тумэнович, и в него не посвящали даже Управление безопасности. Всем остальным, в том числе внучке Леона, рассказывали правдоподобные вариации.

Аня как член команды во всем активно участвовала, и Костю от этого корежило. Он постарался свести общение с ней к минимуму, лишь телефонные переговоры, и то по возможности через Данзара, но один раз встретиться все же пришлось: нужно было определиться с местами для засады. Полчаса они провели наедине в музее кармографов НИИ реинкарнации.

После этой встречи Костя целый день не мог прийти в себя. Он не понимал, что с ним творится, такое было впервые. Злость и обида при Анином появлении растаяли, как тонкая корочка льда на луже при первых лучах солнца. Он стоял, смотрел в большие синие глаза, слушал звонкий уверенный голос и понимал, что все простил, что

готов просто быть рядом до конца своих дней, ощущать ее присутствие, и этого достаточно. Это все, что нужно для счастья.

Морок ушел, когда они закончили и разошлись каждый в своем направлении. Чем больше становилось расстояние между ними, тем сильнее накатывали злость и негодование, только теперь уже не на предательницу, а на самого себя. Простить такое? Да он рехнулся! Неужели один вид упругой попы и длинных ресниц теперь отшибает у него мозги и самоуважение?

До субботней лекции оставалось еще два дня, так что Костя плюнул на все и сбежал на конюшню. Сколько себя ни уговаривай, что у него с Аней ничего не выйдет, сколько ни бесись от ее поступков, но в глубине души он понимал: если она позовет – он придет. Это пугало сильнее, чем предстоящая поимка Кучика, сражение с Орденом анахарсиев и окончательное решение судьбы Советом московского горкома Ордена реинкарнаторов. Никогда еще его чувства настолько не подчинялись разуму.

Иван Викторович не задал ни одного вопроса, просто протянул ключи от комнатки наверху и похлопал по плечу, будто своего коня. Целый день Костя носился на Пегасе, то понукая его шенкелями, то натягивая повод, давая отдых, но конь, чуя состояние всадника, сам норовил с шага сорваться в галоп.

Было бы лето или хотя бы осень – Костя бы остался ночевать рядом с Пегасом, на улице, в копне сена. Смотрел бы на звезды, слушал стрекот кузнечиков и ни о чем не думал. Увы, природа изнывала от холодной, но бесснежной зимы. Даже в перчатках руки стыли, и то и дело приходилось бросать повод и дышать теплом на пальцы.

Зато вечером он сидел у Ивана Викторовича в жаркой комнате, пил чай с печеньем и малиновым вареньем и разговаривал о мелочах. Точнее, Косте казалось, что это мелочи, а для владельца конного клуба это и была жизнь. Седла пора обновить, крышу бы летом перестелить, банки с огурцами все оказались с дефектом и забродили, придется их выбросить, а Иван Викторович так любит соленые огурцы! Парнишка появился очень способный, прямо как Костя в детстве, и надо бы его выводить на соревнования, а родители боятся, что это помешает учебе. И при таком холоде да без снега заниматься можно лишь в крытом манеже, а там того и гляди обвалится крыша. Манеж уже давно пора

снести и новый построить, просторный. В этот же он боится парня пускать.

Костя в основном слушал и кивал, и в ту ночь ему казалось, что все, что происходило до этого, – лишь сон. Что нет никаких Петмансона и Кучика, нет его работы в Скорой реинкарнаторской помощи, что ему шестнадцать лет и скоро ехать на соревнования в Петербург, что мама жива, а отец еще гордится сыном, спортсменом-разрядником, прекрасно сдавшим физику и собирающимся поступать в Институт реинкарнации на приборостроение. Что его жизнь сложится легко и удачно, именно так, как он и запланировал. Окончит институт, станет мастером спорта, женится на Верке из параллельного класса... ну ладно, может, не на Верке, а на ком-то еще. В конце концов, они всего лишь пару раз поцеловались. Но в остальном сомнений не было.

Перед сном Костя спустился вниз, в темноте нашарил дверь в конюшню. Пахнуло лошадиным теплом, а еще сеном. Вороного Пегаса в ночи практически не было видно, но Костя бы его узнал даже с завязанными глазами. Обнял за шею, прижался к такому родному и теплому и так и стоял. Конь чуть слышно фыркал, ощущая, как две соленые струйки стекают по его шее, и пытался ткнуться в своего всадника.

Глава 11

— Ёккарганай, я никогда не выступал на публике с лекцией! — Костю все-таки охватил мандраж.

— Это всего лишь детишки. И потом, ты можешь нести любую пургу, для нашего плана это несущественно, — попытался его успокоить архивариус.

Костя стоял перед большим зеркалом в коридоре и осматривал себя. Высокий и хмурый, как баскетболист, чья команда только что проиграла. Резкие скулы, из-за которых зеленые глаза казались впалыми, губы привычно сжаты, брови сдвинуты к переносице. Одетый, как положено по форме, во все черное: брюки заправлены в высокие сапоги, китель с нашивками Министерства и «скорой» помочи подпоясан черным ремнем, на блестящей пряжке — прерывающийся в трех местах круг. Лишь рубашка выбивалась из этого мрачного ансамбля, показывая свой белый воротник. Типичный реинкарнатор.

Данзар по громкой связи в телефоне продолжал:

- Может, такси возьмешь? Чтобы не привлекать лишнего внимания.
- Не первый раз еду в метро. Привык.
- Может, и привык, но лишние взгляды сейчас ни к чему.
- Ну да, потом доказывай, что взял такси не ради того, чтобы с бабами покататься, — пробурчал Костя, но Данзар его расслышал.

- Эй, ты не в курсе, что когда ты на задании, для тебя не существует нецелевки?! Ну почти, — хмыкнул он. — Так что не занимайся ерундой. И нечего светить кармографом, а то Кучик решит не дожидаться ночи...

Звук Костиных шагов гулко отражался в пустых коридорах НИИ реинкарнации: по субботам тут обычно никого не бывает, лишь охранники на входе. Именно поэтому они для лекций выбрали выходной день. И хотя оставалось еще полчаса, перед аудиторией уже ожидали несколько детей с родителями. Мальчишки играли в салки, их мамочки разговаривали, но и те и другие моментально смолкли и замерли, увидев реинкарнатора.

– Фохао, – поприветствовал детей Костя и завозился с замком.

– Фохао, – вразнобой ответили мальчишки, а их мамы будто онемели. Самый младший, лет восьми, потянулся, чтобы потрогать чемоданчик, но тут его мать очнулась и шлепнула мальца по руке. Тот обиженно пискнул.

Костя переживал, что никто не придет, однако аудитория все наполнялась и наполнялась, так что свободных мест почти не осталось. В основном лекцией заинтересовались младшеклассники, но были и старшеклассники, и даже некоторые взрослые пришли сами по себе, а не потому, что ребенка не с кем отправить.

– Ну что ж, начнем. – Костя поглядел на часы. Сердце колотилось, как глупое насекомое о стекло в комнате, но вряд ли об этом кто догадывался. Выглядел он суровым и спокойным. – Меня зовут Константин Юрьевич Колесов, и я работаю на Скорой реинкарнаторской помощи уже восемнадцать лет. Сейчас я расскажу о кармографе, покажу вам его, а потом отвечу на вопросы. Кармограф будет доступен еще в течение завтрашнего дня в музее института. Но сначала хочу задать вопрос: кто-нибудь уже вспомнил что-то из своей прошлой жизни? Поднимите руки, кто вспомнил.

Медленно, боязливо, дети одни за другими поднимали руки, затем подтянулись и взрослые.

– Отлично. А теперь поднимите руки те, кто еще не помнит ничего о своей прошлой жизни.

Предложение было рискованным. Мало кто готов признаться в таком, да еще при всех. Расчет был на то, что это дети и для них не помнить – это нормально.

Долгие секунд двадцать никто не реагировал, и, когда казалось, что эксперимент провалился, одна рука поднялась. Парень выглядел лет на шестнадцать, высокий и худой, как Костя в его годы, только светловолосый. За ним еще двое детей медленно потянули руки вверх, в том числе и тот, который хотел потрогать кармограф, в полосатой матроске с широким воротником. Мать хотела его остановить, но в последний момент передумала. Руку на мгновение приподнял и один из взрослых, но так, что, кроме Кости, никто не заметил.

– Ну что ж, ничего страшного, у вас просто склероз, – попытался пошутировать Костя, но не увидел улыбок. – Вы еще дети, так что, возможно, память придет. Но если не придет – это может значить одно

из двух: либо это первая ваша жизнь в мире людей, либо в прошлой жизни вашу карму не успели записать на пластину. Обидно, конечно. Может, вы тогда были великим ученым или полководцем? Для того чтобы такого не случалось, и нужна служба реинкарнации, мы делаем все, что можем, чтобы сохранить личность и память человека, а главное, мы обеспечиваем перерождение в мире людей. Кто ответит, сколько всего миров насчитывают буддисты? – Хотя Костя и не верил в Будду, лекцию решил провести с уклоном в религию. Подумалось, что так проще заинтересовать детишек. Мифы и сказки всегда цепляют сильнее реальности.

Несколько рук взвилось в воздух, и Костя выбрал самого младшего, в матроске.

– Шесть!

– Молодец! Сможешь перечислить?

Тот кивнул:

– Мир адов, мир голодных духов, мир животных, мир людей, мир асуров и мир богов.

– Правильно. Как было до появления Куполов? Человек после смерти перерождался в том мире, которому соответствовала его карма. Жадные становились голодными духами, властолюбивые – асурями и так далее. Но почти пятьсот лет как все изменилось. Теперь все, чью карму записали и загрузили в Купол, возрождаются только среди людей. И все благодаря вот этому прибору. – Костя поднял повыше чемоданчик, чтобы все смогли разглядеть круговое тиснение на черном фоне. Затем раскрыл его и начал собирать, комментируя все, что делает.

Показал, как соединяются части, образуя целое, куда вставляется пластина, рассказал, что раньше кармографы были громоздкие и неудобные для переноски, поэтому ученыe, такие, как сейчас работают в НИИ реинкарнации, придумали более компактное устройство, состоящее из двух частей и упакованное в специальный чемодан, защищающий от пыли, влаги и ударов. Вытащил и показал сердечник – то, без чего прибор превращается в бессмысленную груду железа.

Дети слушали затаив дыхание, и даже у многих взрослых на лице вместо настороженности появилось любопытство. Когда же Костя запустил по рядам пластины с записями кармы разных людей, это произвело фурор среди детской аудитории. Те, кто понаглее, вырывали

их из рук зазевавшихся, так что родителям пришлось вмешаться и утихомирить своих чад.

Костя тем временем пояснял, что означают символы, выбитые на пластинах при записи, почему нельзя загрузить две пластины одного и того же человека, как это отслеживается и прочие вещи, банальные для него и тех, кто хоть немного интересовался этой темой, но безумно интересные детям, да и некоторым взрослым.

— Ну что, теперь ваши вопросы, — выдохнул он. Надо же, так переживал за лекцию, не знал, что говорить, а сорок минут пролетели как одна. Лишь во рту пересохло.

Вырос лес рук, и Костя даже растерялся: не ожидал, что вопросов будет много!

— Константин Юрьевич, скажите, а вы знаете, когда кто умрет? — Девочка лет десяти в очках с залепленным стеклом выглядела крайне серьезной. Аудитория притихла, и когда он ответил утвердительно, вздох удивления пронесся по рядам.

— Но я знаю это только минут за двадцать до того, как человек умрет, и только если нахожусь поблизости, не дальше восьмисот метров. Это специальный такой дар, чтобы успевать с умирающими делать слепки кармы. Еще вопросы?

— А если стать реинкарнатором, то мне тоже выдадут такую форму? — выкрикнул первоклассник с первого ряда, чем вызвал приступ хохота у всего зала.

— Обязательно! — улыбнулся Костя. — Вообще, реинкарнатором может стать любой, для этого не обязательно обладать даром. Обычные люди тоже работают в «скорой», только не ездят в патрули по городу, но так же приезжают по вызовам, трудятся в больницах и в частных компаниях, где в любое время дня и ночи делают слепки.

Дети снова развеселились, их родители расслабились, и Костя продолжил отвечать на вопросы. Он заметил, что тот самый светловолосый старшеклассник, не помнящий свою прошлую жизнь, хочет что-то спросить, и дал ему слово.

— А мой отец говорит, что это все чушь собачья. Что до сих пор никто понятия не имеет, как и для чего появились Купола. А что перерождаются людьми только те, чью карму записали, — тоже брехня, которую придумал Орден, — вальяжно произнес он. При этом он жевал жвачку и даже умудрялся надувать из нее пузыри. — Мы не знаем, что

происходит с теми, чья карма не записана, а значит, все это домыслы фанатиков-буддистов. И вообще непонятно, зачем нужен Орден реинкарнаторов. Якобы он контролирует, чтобы никто не нарушал законы кармы. Но как их можно нарушить? Если человек совершил что-то плохое, он потом и так за это поплатится, при чем тут Орден? Он что, выше закона кармы? Кто его поставил над кармой?

Дети вновь притихли. Орден реинкарнаторов казался секретнее, чем разведка, и его членов воспринимали как полубогов. Мифов и слухов о нем ходило больше, чем о службе реинкарнации, хотя, казалось бы, куда уж больше.

Старшеклассник смотрел с вызовом, но Костя заметил, как тот мнет край футболки и постукивает по спинке впереди стоящего стула. На футболке красовалась аппликация в виде монаха в плеере. Похожая на ту, что у Антона из касимовского комитета.

– Много вопросов, ну что ж, давай разбираться. Во-первых, твой отец абсолютно прав, – начал Костя и породил волну перешептываний, прокатившуюся по залу. Даже сам парень подался вперед, а превосходство в глазах сменилось недоумением. – Да, прав в том, что достоверно никому до сих пор не известно, зачем почти пятьсот лет назад появились Купола, как именно работает запись кармы и для чего в итоге это нужно. Ясно одно: это точно не природное явление, а люди стали помнить прошлые жизни. Все остальное – домыслы. Во-вторых, не нужно смешивать Орден реинкарнаторов, Скорую реинкарнаторскую помощь и Российскую буддистскую общину. Это три разных организации. «Скорая» помощь занимается чисто технической работой: приезжает к умирающим и делает слепок, а затем, заполнив кучу бумажек, отправляет пластины в ближайший Купол. И у нас есть данные, что люди в новой жизни помнят все, что с ними происходило вплоть до смерти. Как ты считаешь, если бы это занятие было чушью собачьей, стали бы государства создавать такие службы, содержать их, выделять немаленькие деньги? Данные убеждают в том, что система работает именно так, как я рассказал. В-третьих, что касается Ордена. Скорее всего, большинство из вас никогда с ним не встретятся, ваши действия, плохие и хорошие, будут приводить к плохим или хорошим последствиям – это и есть карма, тут нет ничего магического или удивительного. Стукнули товарища – тот стукнул в ответ. Орден вмешивается только тогда, когда кто-то

использует уникальные способности для того, чтобы сломать всю систему реинкарнации. Его можно назвать религиозной организацией – там верят в то, что создатель Куполов преследовал определенные цели: максимально быстрое развитие человека и возможность перерождаться именно в нашем мире. Но Орден также в первую очередь занимается техническими вещами: обеспечивает безопасность Куполов, ведет базы данных загруженных пластин и делает множество прочих вещей, никак не связанных с чтением сутр, посещением дацанов и прочим.

– А что за способности могут разрушить систему реинкарнации? – выкрикнул кто-то с галерки.

Костя хмыкнул:

– Разные. Например, есть человек, который умеет стирать карму. И хорошую, и плохую. Каков результат этого стирания? Не надо исправлять плохие поступки – стер, и все, кармы нет, ты вышел из сансары.

– Ух ты! – раздалось из разных частей аудитории.

– Но вы же понимаете, что это как списать на экзамене. Да, пятерку поставят. Но если вы учитесь, чтобы стать врачом, но не знаете предмет, то какой из вас врач получится? Вы же просто покалечите пациента. Именно поэтому есть те, кто отлавливает вот таких, со «шпаргалками». Орден верит, что система появилась не просто так, что каждого из нас готовят к деятельности такого «врача», поэтому уроки нужно учить прилежно. Ну что, еще вопросы?

– Да! Да! – загомонили дети, наперебой что-то начали кричать, перебивая друг друга.

– Стоп-стоп! – поднял руку Костя, и, к его удивлению, аудитория замолчала. – Давайте последний вопрос. Мы и так уже задержались.

Раздалось недовольное «у-у», но Костя снова жестом утихомирил зал и показал на мальчика в матроске.

– Дядя Константин Юрьевич, я хочу стать реинкарнатором, как вы. Меня возьмут? – звонко выкрикнул тот.

Его мать взвилась, вскочила, подхватила сына под мышки и потащила к выходу, несмотря на то, что тот начал реветь и упираться.

– И я! И я хочу быть реинкарнатором! – раздалось еще несколько голосов. Тут родители не выдержали и массово начали покидать аудиторию вместе со своими детьми.

– Всех обязательно возьмут! Только подрастите чуть-чуть! – Костя попытался перекричать плач, споры и детское «ну ма-а-ма-а!». В течение минуты в зале остались всего несколько человек, в основном взрослые.

– Ну что ж, спасибо, что пришли. Надеюсь, моя лекция была полезной, хоть и слишком эмоциональной, – развел Костя руками. – Как и обещано, кармограф будет доступен еще в течение завтрашнего дня в музее института. Вход свободный.

Оставшиеся поблагодарили и потянулись к выходу. Пока Костя собирал прибор обратно в чемоданчик, к нему подошел тот самый подросток, в футболке с монахом. Жвачку, правда, он уже не жевал – видимо, прилепил к какому-то стулу, – да и вел себя неожиданно смущенно.

– Константин Юрьевич, у меня к вам еще один вопрос... личный... можно? – переминаясь, спросил он.

– Да, конечно.

– Я... я, кажется, смертьчую и не знаю, что мне делать. Может, это пройдет? Отец узнает – убьет...

Косте показалось, будто его бросили в холодную воду и он ловит воздух ртом, настолько это было неожиданно и... знакомо. Он сейчас смотрел будто на себя через толщу девятнадцати лет. Что бы он посоветовал тогдашнему себе? Какой путь выбрать?

– Как тебя зовут?

– Данил.

– Данил, у тебя есть два пути...

– Я знаю, знаю. Молчать и скрывать или стать реинкарнатором! Но я не знаю, что выбрать!

Костя думал. Что он мог сказать? «Решай сам»? Но как в шестнадцать лет можно такое решить? За него тогда все решил случай. Он ведь выбрал институт, нормальную жизнь, пытался выглядеть как обычный человек. Если бы он прогулял ту злосчастную лекцию – все так бы и было! Но он не прогулял.

– Если ты выберешь путь реинкарнатора, тебя ожидает очень много грязи, боли, крови, смертей и ненависти. Ты сейчас думаешь, что будет тяжело. Так вот. Умножь это на десять. Для нормального общества ты станешь изгоем. С отцом поругаешься, с девушками будут проблемы, с

деньгами – еще больше. И никакой надежды на то, что это изменится, – честно признался Костя.

Данил шмыгнул носом.

– Понятно. То есть молчать и скрывать.

– Наоборот. Иди в Скорую реинкарнаторскую.

– Что?! – обалдел подросток. – Почему?

– Потому что это твое призвание. Это то, для чего ты был рожден.

И вновь Костя шел по гулким пустым коридорам института с чемоданом в руке. Теперь начиналось самое главное: ловля на «живца», вот только вместо того, чтобы полностью сконцентрироваться на деле, Костя был в полном раздрае. Мало того, что придется все эти часы сидеть вместе с Аней в засаде, так еще и этот пацан. Он взбаламутил давно похороненные воспоминания, и сейчас, поднятые наверх, они отправляли не хуже мышьяка. Не самое лучшее состояние, чтобы ловить преступника.

Перед мысленным взором встал рыжий юнец в яркой футболке с монахом, обнимающим девушку, и надписью «Живи как в последний раз». Костя вытащил телефон и позвонил Данзару.

– Узнай, пожалуйста, можно ли куда пристроить на работу в Касимове несовершеннолетнего, который чует смерть.

– Ты с какого дацана рухнул? Тебе сейчас не об этом надо думать!

– Пропадет мальчишка. Не может быть, чтобы по каналам Ордена нельзя было ему работу подыскать. Так сказать, по специальности.

– Кость… ты там в порядке?..

– В полном. Сделай, пожалуйста, что я прошу.

– Хорошо. – Данзар явно ничего не понимал. – Сделаю. Можешь не сомневаться. У нас все по плану?

– Да. Спасибо тебе.

На входе в музей сидел охранник лет шестидесяти, увлеченно разгадывающий кроссворд. Он не сразу заметил гостя, так что пришлось даже покашлять. Да, с такой охраной Кучику не составит труда пробраться сюда, и это хорошо, это именно то, что они задумали.

– А он прямо настоящий? – Охранник разглядывал, как Костя собирает кармограф на специальной тумбе в центре зала.

– Прямо настоящий.

– И прямо работает?

Костя напрягся, но кивнул.

– А не боитесь, что его сопрут? – Тот недоверчиво постучал костяшкой согнутого пальца по стеклянному куполу, которым планировалось накрыть прибор. Это стекло даже взрывчаткой не удалось бы разбить.

– Так на то вы тут и сидите! Смотрите, чтобы не сперли!

Охранник недовольно пробурчал, что сейчас принесет замок, и ушел. Тем временем сборка была закончена. Готовый к работе кармограф красовался на постаменте, будто корона в зале Большого королевского дворца Сиама. Только обрамляли его не драгоценные камни, а модели кармографов разных веков и стран под такими же стеклянными куполами. Тут хранились и опытные образцы, большие и громоздкие. Все, правда, без сердечников, то есть бесполезные.

Костя видел старые модели лишь на фотографиях, так что сейчас прошелся по периметру большого зала, с интересом их разглядывая. Самый уникальный экспонат – это, конечно, реконструкция первого прибора. Его восстановили по сохранившимся описаниям, рисункам, и хотя оставались сомнения, так ли он выглядел, ученыe сходились во мнении, что достоверность довольно высокая. Кармограф весил килограммов тридцать и являл собой почти монолитную конструкцию. Работал он от ручного привода: крутишь колесо сантиметров двадцати в диаметре – запись идет, останавливаешься – прерывается, и начинай все заново. Причем на старых приборах запись длилась не шестьдесят секунд, а около четверти часа. Должно быть, реинкарнаторы в те времена быстро наращивали бицепсы!

Но все же музей института Костя с Данзаром выбрали не за красивые экспонаты, а за множество ниш, задрапированных тяжелыми бордовыми портьерами из бархата, за которыми и хранились кармографы. Одни портьеры были раздвинуты, демонстрируя открытые для обозрения приборы, другие – задвинуты, скрывая от лишних глаз то, что посетителям музея видеть не полагалось. Костя тщательно расправил тяжелую ткань в трех нишах, придирчиво оглядывая, чтобы ни одной щелочки не оставалось. Ведь за ними прятаться ему, Ане и двум сотрудникам управления безопасности Ордена, и от того, не обнаружат ли их раньше времени, зависел успех операции.

Наконец охранник вернулся с «замком», как здесь называли запирающее магнитное устройство. Вдвоем они водрузили стеклянный купол на постамент, накрыв им собранный кармограф, после чего охранник прилепил «замок» к железной вставке и приложил свою карточку. Устройство пикнуло, сообщив, что сработало. Теперь купол могли открыть только те, кто имел допуск к музеиным экспонатам: охрана или руководство НИИ.

– Ну, бывай. – Охранник проводил Костя до выхода, а сам нырнул в каморку, где уже что-то бормотал переносной телевизор и откуда доносился запах жареной курицы.

Костя немного постоял перед закрытыми дверями, а затем медленно пошел в сторону ближайшей автобусной остановки. Если за ним следят, то пусть убедятся, что из института он ушел. Дальше он действовал быстро. Машина с тонированными стеклами уже ждала в условленном месте, а в ней сидела Аня с комплектом одежды для него. Пока водитель подруливал к въезду на территорию НИИ с черного хода, Костя переодевался в любимые мягкие брюки, футболку и кофту – ночью в музее не жарко.

– Я еды взяла. Кто знает, сколько ждать придется.

– Ты что?! Хочешь нас выдать запахом или шуршанием пакетов?! – взвился Костя.

– Эй, кшатрий,тише. Я все продумала. Никакого запаха, никакого шуршания, все упаковано в пленку. Бутерброды с мягким сыром, и не переживай, от этого хлеба даже крошек не будет!

Костя хотел было ответить что-то резкое, но передумал. Только поругаться им сейчас не хватало! Успех операции зависел от того, как четко все пройдет, и ссоры в план не входили. Так что оставалось просто молчать и ждать. Пусть будут бутерброды.

В отличие от сапог мягкие новомодные мокасины не цокали по паркету; Костя и Аня ступали по пустым коридорам НИИ, будто индейцы по лесу, не издавая ни звука, но так быстро, как возможно. Кто знает, сколько у них времени? Возможно, Кучик уже сейчас пытается снять замок с купола и активировать кармограф. Они полагали, что он придет вечером или ночью – так меньше шансов наткнуться на людей. Раздобыть ключ-допуск к музеиным экспонатам для него не проблема: он как сотрудник НИИ мог просто запросить его. Костя, правда, сомневался, что Виктор Андреевич решит

обнаружить себя, скорее он выкрадет один из ключей из каморки охраны. Многие знали, что пенсионеры, подрабатывающие сторожами в институте, ночью вместо дежурства ложатся спать на продавленном диване или же в соседней комнате смотрят телевизор.

Костя и Аня торопились. Нужно было успеть спрятать Аню за портьерой раньше, чем в музее появятся сотрудники службы безопасности Ордена, поскольку об участии девушки в операции знали лишь Костя, Данзар и Амгалан.

Безопасники еще с утра окружили НИИ, контролируя все выходы, а двое будут в музее, тоже в нишах за портьерами. Хотя Костя знал о наружном наблюдении, заметить его ему не удалось. Может быть, безопасник – тот продавец мороженого? Или женщина с ребенком? Или же они наблюдали откуда-то издалека? Неподготовленный человек, даже зная о наблюдении Ордена, обнаружить его не мог, поэтому безопасники рассчитывали, что Кучик ничего не заподозрит. А Костя надеялся, что за тонированными стеклами автомобиля безопасники не увидят Аню, ибо по утвержденному плану никакой Ани сейчас быть не должно, Костя шел в засаду якобы один.

В музее оказалось так же пусто, как и десять минут назад. Кармограф красовался на своем месте под куполом, и Костя облегченно выдохнул. Им нужны были эти десять минут, риск казался минимальным, но кто знает, вдруг у Кучика хорошие информаторы? Был шанс, что Аня играет на стороне противника. Но, похоже, Орден анагаминов не менее, чем Орден реинкарнаторов, заинтересован в поимке Кучика.

Чтобы не выдавать себя голосом, Костя подхватил Аню под локоть и направил в нужную сторону. Они скользнули за бордовую портьеру, в нишу с прототипом первого кармографа, аккуратно расправили тяжелую ткань так, чтобы не осталось ни единой щелки, и лишь после этого Костя выдохнул второй раз. Успели. Действительно, две минуты спустя появились двое в черном. Тот, что повыше, состоял, кажется, из одних мышц, на его фоне второй казался тощим хлюпиком, но вступать в бой не хотелось ни с одним. И даже не потому, что у обоих было с собой оружие. О боевой подготовке безопасников Ордена ходили легенды, и Костя понимал, что шансов победить у него нет. Хотелось думать, что их нет и у Виктора Кучика.

Двое двигались бесшумно, как тени, но их было видно на маленьком экране над головой: накануне связисты из Ордена установили по всему музею видеокамеры и провели видеосигнал в три ниши, оборудованные для засады. На мониторе размером не больше ладони лиц особо не разглядеть, но этого и не требовалось, достаточно понять, кто зашел в музей.

Безопасники беззвучно заняли свои места: один в нише напротив Кости, другой – справа от него, и так же тщательно расправили портьеры, чтобы никакой луч света или блик не мог случайно выдать их.

Оставалось только ждать. Ждать и глядеть в экран, потому что Кучик может прийти сюда так же тихо, как это сделали охотники на него.

С каждым часом напряжение внутри Кости нарастало. Он сидел на полу, привалившись спиной к шершавой стене, справа от постамента с макетом первого кармографа. Аня сидела слева, так что друг друга они не видели, и это тоже напрягало. Костя бы предпочел не выпускать ее из поля зрения, но, увы, двое рядом просто не поместились бы. Страх завладел им. Он боялся упустить Кучика, боялся, что Аня выкинет какой-нибудь фортель, предупредит старика или заберет прибор Леона и каким-то образом улизнет от безопасников – те ведь не подозревают, что на самом деле ловят двоих. Но больше всего боялся, что Кучик вовсе не придет. В курсе ли он вообще, что в его институте выставляется действующий кармограф? Конечно, лекцию разреклиамировали как только могли, подключили к этому администрацию НИИ, расклеили объявления по городу. Но, возможно, Кучик сейчас даже не в Москве, а может, уже и не в России, и понятия не имеет ни о какой лекции. И хотя Костя понимал, что его вины в этом не будет, все равно чувствовал себя ответственным за эту операцию, от успеха которой зависело и его будущее в Ордене реинкарнаторов.

Часовая стрелка еле-еле ползла к заветной цифре двенадцать. Ничего не происходило. Ум пытался найти себе хоть какое-то занятие и в конце концов скользнул в воспоминания.

«Я не хочу тебя больше видеть». Костя до сих пор чувствовал удар хлыстом от этих слов. Помнил до боли пальцев, стиснутых в кулаки, ощущение: будто он щенок, с которым только что весело играли, а

теперь оставили одного на поляне с красно-желтым резиновым мячом. Еще нет обиды или злости, лишь недоумение: за что?! Что я сделал не так?! Еще минуту назад все было прекрасно! Костя тогда стоял, открывал рот, но не мог ничего произнести, горечь и возмущение душили, запихивая слова обратно в глотку.

«Я дал им проститься! Ты же сам кричал, что я обязан был это сделать!» – наконец выхаркал Костя, и это прорвало плотину, за которой скрывались обида, боль и слезы.

«Просто уходи из моего дома», – с интонацией робота произнес отец, развернулся, дошел по коридору до входной двери и закрыл ее за собой. Такой истерики, как тогда, у Кости не было ни до, ни после. Уже вечером он начнет стыдиться ее и будет стыдиться следующие лет семь, хотя ни одна живая душа ее не видела. Может, кто-то и слышал завывания, перемежающиеся ревом, будто ему не восемнадцать лет, а лишь пять, но вряд ли прохожие или соседи могли подумать, что это рыдает спокойный рассудительный парень, полгода назад поступивший в Институт реинкарнации на факультет приборостроения.

С отцом они почти не виделись и не разговаривали всю следующую неделю, пока тот подыскивал съемную квартиру. Лишь значительно позже, после нескольких лет работы в «скорой», Косте пришло в голову, что, может, у отца тогда тоже случилась истерика, может, он где-то так же ревел и бил ни в чем не повинную стенку. Ведь его надежда устроить сыну нормальную жизнь рухнула в один момент из-за того, что сын решил «дать им проститься»! Идиот. Вместо того чтобы дать проститься с родной матерью и вызвать ей реинкарнатора.

В выпускном классе они все хорошо придумали: раз уж Костя чует смерть, то поступать надо в Институт реинкарнации, будет заниматься кармографами, благо физика и инженерное дело его всегда интересовали. Профессия престижная, неплохо оплачивается. И никто никогда не узнает, что он беспамятный. Точнее, все хорошо придумал отец, Костя лишь согласился, но поступил без проблем, и учиться оказалось интересно. Но вот на следующий день после смерти преподавателя он зря пришел в институт...

Это случилось на лекции по ТОЭ, как сокращенно все называли теоретические основы электротехники. Владислав Сергеевич побледнел и плюхнулся на стул, хотя обычно даже не подходил к нему,

вышагивая вдоль доски. А Костю накрыло. Знакомый запах «подгорелого мяса». Наверное, если бы у него было больше опыта и времени подумать, он бы принял правильное решение и промолчал. Владиславу Сергеевичу оставалось не более двадцати минут, и это уже не изменишь, даже если сказать. Но у него не было ни опыта, ни времени, лишь память о том, как отец на него орал после смерти матери, ведь тогда Костя как раз промолчал.

Он уже знал, что его самые лучшие, самые умные и прогрессивные родители боялись беспамятных, а особенно тех, кто чует смерть. Боялись алогично, неконтролируемо. Даже если это их сын. Поэтому, когда мама собралась в театр, Костя лишь обнял ее покрепче, чего уже давно не делал. Она удивилась, улыбнулась, потрепала его по густым, давно не стриженным волосам и чмокнула в лоб. Отцу же просто кивнула: мол, я пошла.

Когда отец пришел в себя, он сразу все понял и в первый и единственный раз в жизни залепил сыну щечину. Тот и не знал, что профессор биологии умеет так орать и знает такие слова.

Наверное, если бы первокурсник Костя Колесов спокойно подумал о последствиях, он бы промолчал, но вместо этого он зачем-то вспомнил, что у Владислава Сергеевича есть жена и взрослая дочь.

Дочь доехать не успела, но преподаватель умер на руках жены и реинкарнатора из «скорой», и Костя ощущил, что все сделал правильно. Вот только дальше все пошло не так. Вместо того чтобы продолжить учебу, пришлось забрать документы и искать работу. По прошествии всех этих лет он об этом совсем не жалеет, но тогда... для наивного восемнадцатилетнего парня такое отношение со стороны одногруппников и преподавателей стало шоком. И, главное, за что?! За то, что дал возможность умирающему сохранить свою личность и проститься с семьей?! Отец-то знал, что так будет, знал, что сыну не дадут нормальной жизни, но свой опыт не впрыснешь другому, как лекарство.

«Бутерброд будешь?» – пришло сообщение на телефон. Тот, естественно, стоял в беззвучном режиме.

«Да», – ответил Костя, вдруг осознавая, что уже почти ночь, а значит, он не ел часов десять и организму нужно топливо. Очень плавно и медленно, не издавая ни звука, он поднялся, разминая

задеревеневшие ноги и поясницу. Аккуратно, чтобы не задеть портьеру, протянул руку над постаментом.

За проведенные в музее часы глаза адаптировались к темноте, и скромного света от экрана наверху оказалось достаточно, чтобы неплохо видеть друг друга.

Аня улыбнулась и протянула бутерброд, а Костю вновь накрыло. Он проваливался в ее глаза, забывая обо всем, включая причину, по которой оба сейчас тут находились. Как бы он ни злился на нее, что бы ни думал о ней, рядом с ней ему всегда становилось спокойно и тепло. Удивительное чувство, будто мама поправляет ему, больному, одеяло и протягивает чашку с горячим какао, а потом читает вслух любимую книжку про супергероя Анзана. С Джун такого не возникло ни разу.

Взгляд удалось отвести лишь усилием воли. Есть не хотелось, но Костя все же развернул бутерброд и откусил. Внезапно его тряхнуло от мысли, что Аню он, скорее всего, видит в последний раз. Неизвестно, что с ней будет в Ордене реинкарнаторов, но в любом случае вряд ли они еще когда-то встретятся. Сейчас ей выгодно быть рядом с ним, но уже через несколько часов все изменится. Кто бы ни завладел прибором Леона, Костя перестанет быть нужным. Может быть, они еще и увидятся, но уже никогда вместе не будут пить чай, ходить втроем с Данзаром, не поедут в Касимов или Иваново, не будут сидеть, боясь дышать, в одной нише за тяжелой бордовой портьерой, и она не сделает для него бутерброды.

Может, это и хорошо, ведь его банально использовали, и такую «дружбу» лучше закончить как можно быстрее. Но надежда заглушила голос разума. Неужели все это время Аня так умело притворялась? На самом ли деле ей все равно? Разум подсказывал, что Костя цепляется за иллюзии. Да, видимо, Аня хорошая актриса, так бывает. Эмоции же вопили: «Нет! Не может быть!» За время, проведенное вместе, она могла действительно тепло к нему относиться. Он ведь не враг, ничего плохого ей не сделал. Да, она его использовала, но разве нельзя хорошо относиться к человеку, если он тебе выгоден? Одно другому не противоречит! Разве в настоящей дружбе люди друг друга не используют?

Разум презрительно смотрел на чувства и как старший брат разжевывал: не используют, просто помогают друг другу, это разные вещи. Но чувства, больше десяти лет не имеющие права голоса,

внезапно давали такой отпор, что ставили Костю в тупик. Загнать их обратно в дальний чулан почему-то не получалось, а как с ними договариваться – он не знал.

«Смотри!» – лишь одно слово пришло на телефон, и Костя понял, что умудрился проморгать Кучика! На мониторе сутулая фигура в длинном пальто ощупывала стеклянный купол. Вряд ли охранник зашел бы в музей в верхней одежде, аккуратно ступая, да еще и не включив свет.

Костя моментально превратился в сжатую пружину, готовую в любой момент выстрелить. Он будто почуял запах и перешел в безэмоциональный режим, наблюдая и за действиями Кучика, и за безопасниками, и, конечно, за Аней. Теперь очень важно все сделать в правильное время. Ни в коем случае не торопиться, но и не опоздать. Аня тоже напряженно взглядалась в экран.

Кучик замер, огляделся, явно прислушиваясь к звукам, но музей окутывала тишина, лишь с улицы доносился лай собаки и шум проезжающих автомобилей.

Виктор Андреевич успокоился и принялся священнодействовать. Отмерил шагами от постамента с кармографом два метра и плюхнулся на пол свой чемоданчик размером с реинкарнаторский. Возился с кармастирателем он минут пять, видимо, собирая его, затем расправился и провел рукой по лбу, отирая пот. Вот только непонятно, включил ли он прибор? На экране внутри ниши разглядеть «кармастиратель» оказалось невозможно.

Безопасники ждали. Кучика готовились брать строго после того, как он откроет купол и дотронется до кармографа – попытка кражи станет формальным поводом для задержания. Но тот медлил – или это для Кости секунды растянулись до минут? Сердце колотилось, как во время спринта, в ушах бухало, взгляд то и дело метался от Кучика к Ане и обратно.

Наконец магнитная карточка соприкоснулась с замком, и раздался писк. Непробиваемое стекло весило намного больше, чем казалось. Пенсионер снимал его с большим трудом, пальто стесняло движения, и купол чуть не выскоцил из слабых пальцев, но Кучик справился, спустил его на пол и некоторое время стоял, тяжело дыша. Наконец подошел к кармографу и замер. Что творилось у него в голове в эти

мгновения? Боялся ли он? Или, наоборот, предвкушал? А может быть, решал в сотый раз, стоит ли бросаться в этот омут?

Тем не менее Кучик оставался осторожным и собраным, не позволял себе расслабиться ни на секунду. Понимал, что рискует, что в любой момент охранник может начать обход НИИ, потому долго думать не стал – потянулся, чтобы включить кармограф.

И тут раздались грозные голоса безопасников, выскользнувших из своих ниш:

- Ни с места!
- Отойти от прибора!
- Стоять!
- Руки за голову!

Это у Кости уже глаза привыкли к полумраку, Кучик же увидел лишь силуэты в черном и наставленные на него пистолеты, отчего отшатнулся и попытался бежать. Он даже не понял, как его повалили и сильно завели локти за спину, защелкнув на запястьях наручники. Уткнувшись носом в красный ковер, устилающий весь музейный зал, Кучик попытался лягнуть безопасников, на что получил рукояткой пистолета по голове. Сознание не потерял, но обмяк и больше не сопротивлялся. Двое в черном подхватили его под руки и потащили к выходу. Кучик перебирал ногами, старался идти, но получалось не в такт, так что чаще всего ноги волочились, а сам он повисал на конвоирах.

Ожидание тянулось так долго, а развязка случилась так быстро, будто время – это резинка в руках ребенка. Осознание того, что Кучика наконец схватили, что все кончилось, пока не пришло, организм под действием адреналина был готов догонять, драться или убегать – смотря что потребуется. Впрочем, кончилось еще не все. Оставалась еще Аня. Что она сделает? Костя в глубине души надеялся, что они с Данзаром ошиблись и Аня не состоит ни в каком Ордене, а просто пытается им помочь. Все должны были прояснить ее действия: бросится за «кармастриателем» или нет?

Аня бросилась. Костя разочарованно вздохнул и нашупал в кармане электрошокер. Все выходы из НИИ под наблюдением, она не уйдет, но лучше все же подстраховаться.

Он медленно вышел из ниши, служившей укрытием почти двенадцать часов. Очень не хотелось говорить и делать то, что надо.

На удивление, Аня подбежала не к прибору Леона, а к кармографу. Она собралась его сейчас включить, чтобы стереть себе карму? Ну-ну.

– Он не работает, – холодно пояснил Костя. – Это недействующая модель, сердечник сломан. Так что если ты хотела завершить начатое Кучиком, то увы. Можешь написать сообщение в свой Орден анагаминов, что план провалился, и лучше поторопись, потому что скоро у тебя отберут телефон.

Костя не мог рисковать – вдруг что-то пошло бы не так? – потому использовал сломанный кармограф, выдавая его за рабочий. Даже специалисты не сразу заметили бы отличия: аппарат так же включался, лампочка загоралась зеленым, через минуту меняла цвет на красный, показывая, что слепок кармы якобы сделан. Это был тот самый прибор, который отдал Борис Кольчин, чуть позже возглавивший ОПГ «Китай». Сломанный сердечник превращал кармограф в музейный экспонат.

– Какой еще Орден анагаминов? Что ты несешь? – отмахнулась она от него, разбирая прибор.

Костя увидел, куда она полезла, и замер от удивления.

– Что ты делаешь?!

– Пытаюсь починить.

– Починить сердечник?! Ты в своем уме?!

На сей раз ответа он не получил. Аня сосредоточенно копалась там, куда реинкарнаторы никогда не лазили. Это же полная ерунда! Ни один человек не в состоянии починить сердечник! Или анагамины уже и это научились делать?

– Я знаю, что ты хотела найти кармастирателя, а меня лишь использовала. – Костя не спрашивал, он утверждал, уже не сомневаясь в верности своих слов.

– Ну да, извини, – ответила Аня так, будто речь шла о последнем куске пирога, который она съела, не оставив ему.

– Но хоть ты и нашла его, твой Орден его не получит. Здание окружено. Даже если сейчас ты со мной справишься, в чем я сомневаюсь, тебе отсюда не выйти, а с минуты на минуту тут появятся сотрудники службы безопасности.

– Какой мой Орден? Ты о чем? – Аня слушала вполуха и не обращала внимания на обвинения и предостережения.

– Анагаминов! Ты же состоишь в нем!

– Я?! В Ордене анагаминов?! Ох... нет, конечно. Я вообще не знаю, что это за Орден такой.

– Но... тогда откуда ты?

Вместо ответа она попросила его встать посередине, между прибором Леона и кармографом.

– Сердечник я починила, теперь надо проверить, действительно ли Леон изобрел то, что стирает карму. Побудешь подопытным кроликом?

Костя решил, что она сошла с ума. Или всегда была такой, просто он не замечал? Непонятно, как себя вести. Вот-вот в зал вернутся безопасники – за прибором. Костя планировал до этого момента выяснить, причастна ли Аня к Ордену анагаминов, но что делать в нынешней ситуации? Лжет ли она? Или действительно не имеет отношения к тем, кто многие жизни стремился обмануть систему?

Мысли проносились в голове, будто скаковые кони. Да, конечно, скоро ее заберет Орден реинкарнаторов, он все выяснит, но... вдруг она невиновна? Костя должен разобраться в этом сам. Сейчас.

Он сделал два шага, отсчитывая метр, и остановился строго посередине между кармографом и прибором Леона. Кажется, это единственный способ понять, что задумала Аня. Он не сомневался: ничего не произойдет. Чудес не бывает, кармограф не сработает, а вот что она дальше будет делать – большой вопрос, и ответ на него он хотел получить до того, как тут появятся безопасники.

Он скептически наблюдал, как загорелась зеленая лампочка на кармографе. Судя по всему, «кармастиратель» включил еще Кучик – там тоже лампочка горела зеленым. В темноте эти лампы выглядели как глаза гигантского кота, чья голова больше двух метров. Скрестив руки на груди, Костя смотрел прямо на Аню – та казалась абсолютно серьезной: чуть нахмуренные брови, сжатые губы, сосредоточенный взгляд. Она напряженно ждала результата эксперимента. О Будда всемогущий, неужели она и правда уверена, что починила сердечник?!

Костя по привычке отсчитывал про себя секунды. За годы работы он настроил внутренние часы, так что с точностью до секунды знал, когда зеленая лампочка поменяет цвет, а пока – стоял и придумывал ехидные комментарии.

С шестидесятой секундой весь мир внезапно стал столь ярким и четким, будто всю жизнь Костя страдал близорукостью, а сейчас надел очки. Или просто раньше он смотрел на мир через грязное стекло, а

сейчас его прорвали? Темнота совсем не мешала. Нет, он не стал видеть ночью как днем, это было какое-то иное зрение, когда видишь суть событий и вещей. В кармографе действительно работал сердечник. Костя это просто видел! Хотя знал, что глаз такое не ловит, только приборы. Он обернулся к модели первого кармографа, рядом с которым просидел двенадцать часов. Стало совершенно очевидно, что она не верна, такой прибор не заработает. Нужно поправить заглушку и по-другому соединить два рабочих блока рядом с сердечником.

Костя вдруг осознал, что парит над землей. В ужасе глянул себе под ноги – нет, стоит на полу, приминает ковер, но ощущение полета не ушло. Казалось, тело стало вдвое легче. Наверное, так ощущали бы себя люди на планетах с меньшей гравитацией.

Он ошалело посмотрел на Аню и... опустился на колени.

– Перестань сейчас же! – нахмурилась она. – Придумал тоже!

– Но ты же... вы же...

– И что? Мы с тобой несколько месяцев общались, даже целовались один раз!

Костя вдруг почувствовал, что краснеет. Так вот почему она отказывалась! Ему стало ужасно стыдно, но с колен он все же поднялся.

– Хватит тут гнобить себя. Ну, поцеловались! Все целуются! Проехали.

«Но не с Буддой», – подумал Костя. Он совершенно точно, безо всяких сомнений видел, что перед ним стоит Будда Шакьямуни. В ауре над головой Ани Ступиной это можно было прочесть так же ясно, как имя в паспорте. И теперь, новым зрением, он видел, что она еще более прекрасна. Телесная оболочка уходила на второй план, совершенной же была личность, ее занимавшая.

– Что со мной? – Костя наконец оторвался от созерцания мира, представшего перед ним в иной ипостаси.

– Прибор Леона сработал. Он действительно стирает карму.

– То есть я сейчас Просветленный? Вышел из сансары?

– Ну-у... и да и нет. Сложный вопрос. Если бы ты сейчас умер, то да, не переродился бы больше. Живой же еще нахватаешь себе кармы. Просветленный – это не отсутствие кармы, а отсутствие жадности, ненависти и заблуждений. А заблуждений у тебя, как и у Леона, еще

выше дацана, для тебя всего лишь стерлись их последствия. Но да, ты сейчас архат. Поздравляю. – Аня хмыкнула и улыбнулась.

Костя взмахнул руками, будто птица, – ощущения говорили, что он сможет взлететь. Видимо, раньше груз кармы прижимал к земле, сейчас же он его сбросил.

Взгляд скользнул к двери, прошел сквозь нее, будто через пленку, и наткнулся на двух безопасников.

– Сейчас тут будут люди из Ордена… Ты уйдешь?

То, что Будда собирается покинуть Землю, считывалось с его ауры.

– Уйду, но не прямо сейчас. Не беспокойся, безопасники тут пока не появятся. У тебя же масса вопросов, и ты имеешь право знать. Первый, наверное, такой: «Почему Будда вообще тут оказался?»

Костя кивнул.

– В посмертии появился архат, а я знал, что ни один архат или бодхисаттва не умирал. Вот и отправился в мир людей разбираться, что произошло. Не совсем я, конечно, моя аватара. Пришлось взять вот это тело. Кстати, не обижайте девушку, когда я ее оставлю, а то знаю я некоторых ревнителей Ордена! Начать я решил с квартиры умершего и там столкнулся с тобой. Понимаешь, я хоть и Будда, но на Земле не был… сколько?

– 2459 лет, если считать с момента твоего перехода в нирвану. И сейчас, по нашему календарю, идет 2459 год.

– Христианский календарь, значит, не прижился… А мне казалось, что он станет официальным.

– Не успел. После появления Куполов буддизм, как пожар, мгновенно распространился по всему миру, подмяв все под себя. А так бы у нас сейчас был… – Костя задумался, пытаясь вспомнить уроки истории, но этого не понадобилось. Он просто осознал нужную дату: – 1917 год от рождения Христова.

Будда кивнул и продолжил:

– Да, за это время у вас многое изменилось. Я хоть и наблюдал за процессами, но одно дело – отслеживать общую ситуацию, другое – действовать в чужом теле в мире, где не было больше двух тысяч лет. В общем, я понял, что мне нужен напарник, человек.

– И так случайно получилось, что я оказался в нужном месте в нужное время? – ехидно спросил Колесов, прекрасно считывая по

ауре, что Будда недоговаривает. Кажется, Костя уже освоился с тем, что разговаривает с божеством.

– Ну да, мне послали тебя высшие силы! То есть я сам, – хмыкнул Будда. В его манере общения ничего не изменилось. Да и с чего бы? Только волна тепла и умиротворения, которая накрывала Костя с головой, стала намного сильнее. – Ладно, ты, конечно, не случайно там оказался. Мне нужен был напарник, и я, конечно, хотел выбрать из тех, кто чует смерть.

– Конечно? Почему?

– Вы – особенные.

Костя понял, что эту тему развивать дальше не будут, зато ему готовы ответить на другие вопросы. На некоторые, впрочем, ответов уже не требовалось. Так, ему самому стало очевидно, что Будда в течение всех трех месяцев поисков регулярно ему помогал. Начиная с проникновения в квартиру Виктора Кучика (замок на двери он вскрыл совсем не скрепкой) и заканчивая Зеркалом Смерти и внезапно пропавшими способностями Степана Борецкого. Но чаще он лишь подталкивал мысли Кости и Данзара в правильном направлении.

Костя продолжал воспринимать Будду и как девушку, и от этого раздвоения кружилась голова. Как к нему обращаться? Как к Ане Ступиной или как к божеству? В итоге решил, что раз в течение трех месяцев Будда был Аней, и это его устраивало, то и сейчас ничего не изменилось.

– Это ты создала Купола?

– Я. Вижу, хочешь спросить зачем. Причина есть, и довольно серьезная. Ты же знаешь, как был сотворен мир и будет сотворен еще бесчисленное число циклов?

Увидев сомнение в Костиных глазах, Аня напомнила:

– Когда суммарно накопленная дурная карма всех существ во всех шести мирах превышает некий предел, миры начинают разрушаться, а разрушившись окончательно, возникают вновь под действием положительной кармы живых существ предыдущего мирового цикла. Так вот. Процесс запущен. Уже давно перестали существовать ады и мир голодных духов, недавно – ну по моим меркам недавно – исчез мир животных. На очереди – мир людей, затем придет черед асур и богов. Так происходило бесчисленное количество раз, и столько же произойдет снова. Для мира это ерунда, но для тех, кто не успеет выйти из сансары, это смерть, я имею в виду – окончательная смерть. Тем, кто должен спускаться ниже, теперь некуда идти, и они умирают уже сейчас. Те, кто накопил достаточно положительной кармы, пока еще могут возродиться человеком, асуром или богом, но это тоже ненадолго. Поэтому я решил временно стабилизировать мир людей, закрывая возможности перерождения где-то еще. И оставил память, в надежде, что это ускорит развитие каждого.

– Сработало? – тихо спросил Костя, оглушенный новостью о гибели миров.

– Сложно сказать. Технический прогресс у вас пошел намного быстрее, но что касается личного... все не так быстро, как я ожидал. Даже понимая, что нынешнее тело – это лишь оболочка, даже зная о реинкарнации, люди слишком привязаны к материальному, слишком сильно хотят получить что-то прямо сейчас и не задумываются о последствиях. Для мира желаний и привязанностей это нормально, и, будь у вас время, я бы оставил все как есть. Каждый должен идти своим путем и со своей скоростью, но вот только теперь от скорости зависит жизнь.

– Может, рассказать людям правду?

– О гибели? И что это даст? Панику, хаос. Кто-то решит «погулять напоследок», кто-то – покончить жизнь самоубийством, возникнут sectы фанатиков. Все это лишь еще больше запутает, замедлит развитие. А вот если убрать Купола... это может сработать.

Костя изнутри покрылся инеем от ужаса. Убрать Купола? То есть вернуть смерть? Пусть и не такую, какой боится Будда, но для большинства людей это будет самая настоящая смерть!

– Ты уже... решила? То есть решил?

– Нет еще. Но понял, что мне нужно лучше узнать этот мир. Одно дело – наблюдать общие процессы, другое – конкретных людей, их мотивы, почему они поступают так или иначе.

– Э-э... Ты останешься? Чтобы наблюдать?!

– Буддисты ждут прихода Майтреи, и я не буду отбирать у него хлеб, – улыбнулся Будда. – Погостил – пора и уходить. Но хочу предложить тебе стать моими ушами, глазами и иногда – руками.

Костя растерялся. Будда хочет вселяться в него, как в Аню Ступину? Нет, он, конечно, рад помочь, но все-таки как-то неуютно, когда в любой момент тобой могут воспользоваться, будто куклой. Страх ярко заполыхал в Костиной ауре, и Будда воскликнул:

– Нет-нет, что ты! Я не стану брать твоё тело! Я иногда стану приходить в твои сны и изредка просить что-то сделать. Если ты не против, конечно.

– Чтобы ответить, мне нужно знать кое-что. Борецкий решил, что мне уже стерли память о прошлой жизни. Это правда? Это ты создаешь беспамятных?

Будда сел на карточки и начал разбирать прибор Леона так уверенно, будто делал это уже не первый раз. И это совсем не мешало ему отвечать на вопросы.

– Ты – типичный человек. Так сильно хочешь что-то узнать, чего-то добиться, не задумываясь о том, к чему это приведет. Точнее, люди уверены: раз они чего-то хотят, значит, получить это – для них благо. Увы, чаще всего люди хотят получить какую-то вредную для них ерунду, а мимо действительно ценных вещей проходят не замечая, даже перешагивают через них. Да, я творю беспамятных, и я дарую возможность чуять смерть. Чтобы успокоить тебя, скажу, что происходит это с обоюдного согласия, никто насильно память не забирает. И не стоит беспамятным пытаться узнать, кем они были раньше и что делали. Живите сейчас!

Косте стало стыдно за свое праздное любопытство. Получается, для них бесплатно сделали то, за что другие, кому не так повезло, готовы платить любые деньги таким, как Степан Борецкий, рискуя вместо нормальной жизни очутиться в дурдоме. Вот только... бесплатно ли? Или они что-то за это заплатили? Заключили соглашение? Не просто так Будда сказал, что напарником в поиске прибора Леона выбирал кого-то, кто чует смерть. Возможно,

беспамятные обещают служить ему? Это звучало вполне логично. Если Купола и всю замкнутую на мир людей систему реинкарнации создал Будда, то реинкарнаторы уже служат ему. Даже те, кто пытается отлынивать, скрывают свой дар, в итоге все равно так или иначе приходят в службу реинкарнации. В глубине души они знают: в этом их предназначение.

— Я согласен. — Костя больше ни капли не сомневался. Сам не зная этого, он, оказывается, постоянно помогал Будде, и теперь, когда не просто увидел его, но и прожил часть жизни рядом (и даже целовался!), понял, что еще до своего рождения в этом теле сделал правильный выбор. А раз так, то нужно оставаться последовательным и продолжить начатое.

— Спасибо. — Аня улыбнулась той самой улыбкой, за которой Костя готов был идти на край света. И хотя он понимал, кто на самом деле находится в ее теле, мозг отказывался признавать, что Будда и Аня Ступина — это разные создания. За то время, что они вместе пытались найти Кучика, он привык к ней и даже сейчас, зная, что ее тело всего лишь «арендовали», воспринимал их единым целым.

— Ну раз согласился, то вот тебе первое дело.

Костя вздрогнул. Уже? Готов ли он? Всполохи сомнений ярко взметнулись в ауре, но Будда сделал вид, что не заметил их.

— Передай своему командору, что я снимаю с него один обет. Любой по его выбору.

— Передам. — Костя понял, что сейчас Будда сделал для Амгалана, и восхитился его милосердием.

— Ну что, давай прощаться?

Сердце колнуло от этих слов. Это все? Они больше не увидятся? Только во сне... Костя протянул руку для рукопожатия и по привычке стер с лица все эмоции, надев маску холодности и равнодушия. Однако сейчас это было бесполезно: всполохи в ауре выдавали все его чувства.

Будда проигнорировал протянутую руку, шагнул навстречу, обнял Костя, и того затопило такое счастье и блаженство, что показалось, будто он уже не на Земле, не в мире материального, а вышел из телесного на уровень чистого духа. Сколько времени прошло в объятиях Будды? Неизвестно. Времени не существовало. Но раз было начало, значит, не мог не прийти и конец. Над законом изменений даже

бодхисаттвы не властны. Они могут лишь дать отсрочку, но зафиксировать что-то в одном состоянии не под силу никому.

Костя пришел в себя перед телом Ани Ступиной все в том же музее. Он еще не понимал, кто он и где, что сон, а что явь, – так бывает в первые мгновения после пробуждения, когда яркие образы еще держат ум в своих объятиях и сон кажется реальнее реальности. Однако мысль о том, что Ане плохо, обожгла сознание, и он бросился щупать ее пульс.

К счастью, это оказался обычный обморок, и девушка пришла в себя за несколько секунд до того, как дверь с грохотом открылась под натиском двух безопасников.

– Где я?! Кто вы? – Она села рывком, в ее ауре читались ужас и недоверие. Изменился и тембр голоса, и Костя понял, что Будды в мире людей больше нет.

Вопрос «кто это?» читался и на лицах сотрудников службы безопасности, хотя вслух они его не произнесли. По плану никаким девушкам тут не положено было находиться, зато положено находиться прибору Леона. Его не было. Костя мысленно вздохнул. Придется долго объясняться в Ордене. Он снова, по сути, провалил операцию: упустил прибор. Впрочем, на сей раз он испытывал от этого не сожаление, а удовлетворение. Прибор Леона нейтрализован наилучшим образом – это главное.

Глава 12

— У нас тут архат, — кивнул на Костю Амгалан то ли серьезно, то ли подтрунивая.

С настоятелем московского Белого дацана, ламой Ян Вейшенгом, Костя встретился впервые, хотя узнал его сразу: часто видел по телевизору. В ауре уже не молодого тучного китайца преобладали красные и оранжевые цвета, и тот действительно всегда выглядел активным, деятельным человеком. Именно при нем московский дацан вошел в число пяти крупнейших в стране. Вейшенг грамотно распоряжался деньгами, сумел найти финансирование на ремонт и реконструкцию. Верующие очень быстро полюбили обновленный дацан недалеко от Кремля, на набережной Москвы-реки, телевидение регулярно вело оттуда прямые трансляции с крупных праздников: с Весака, Сагаалгана, Дня Дхармы, Поворота колеса Учения. Про таких людей говорят «крепкий хозяйственник», и его аура это подтверждала.

Второй лама, Тензин, приехал из ивановского монастыря Будды будущего, и Костя никогда о нем не слышал. Но когда увидел, как его аура переливается белым, лиловым, синим и индиго, то понял, что перед ним хубилган, монах. Этот аскетичный лама, больше похожий на худенького подростка, не занимался ни поиском денег, ни заботами о прихожанах, ни вопросами собственного комфорта или даже жизни. Его интересовало совсем другое. И он стоял в шаге от архатства. По округлившимся серым глазам стало понятно, что тот также увидел Костины ауры.

— Кармы у него действительно нет, но это не делает его архатом. — Уверенный мягкий низкий голос контрастировал с обликом подростка. — По дороге к архатству человек сначала должен стать сротапанной, затем сакридагамином, потом анагамином. Это гарантирует, что он больше не вернется к предыдущему состоянию. Если же перепрыгнуть все это, то получится просто человек без кармы. Одно-два сильных желания, несколько необдуманных действий снова создадут карму. Архат на час.

Ян Вейшенг видеть ауру явно не мог, отчего злился как на самого Костя, так и на Тензина, – бордовые всполохи мерцали у него над головой. Но это не играло роли. К священнослужителям обратились не для того, чтобы они подтвердили стертую карму. Это в Ордене уже сами доказали: пластины после записи оставались чистыми, как у Петмансона. Костя прошел проверку на детекторе лжи, честность его рассказа подтверждалась и изображением с видеокамер в музее. И хотя звук они не писали, но на экране было четко видно, как Аня Ступина стоит с прибором Леона, а затем падает в обморок уже с пустыми руками.

Косте никто не объяснил, зачем нужна эта очная ставка, но он понял и сам. Не просто так напротив двух лам сидели московский городской приор, приор центрального региона и даже европейский магистр! Такой концентрации высших чинов Ордена Костя не видел ни разу. На него самого же внимания почти не обращали. Он был сродни артефакту, наличие которого у той или иной стороны давало ей возможность вести переговоры с более сильной позиции. Сангха отказывалась помогать Ордену, и хотя тот уже давно научился жить без ее помощи, высшие чины Ордена собрались здесь, чтобы попытаться вернуть ее поддержку и расположение.

Конечно, важен был не архат, а тот, кто его таким сделал. Костя честно рассказал историю знакомства с Буддой, опустил лишь два момента: поцелуй и предложение стать его глазами и руками. О них не знал никто, даже Данзар. Если первое было личным, то рассказ о втором мог в дальнейшем помешать. Кто будет откровенен с агентом Будды? Костя слишком хорошо знал, как становятся изгоями, – для этого иногда достаточно просто уметь то, что не умеют другие. Если еще и свои от него начнут шарахаться... Все реинкарнаторы и члены Ордена и так в той или иной мере отверженные, и становиться изгоями среди изгоев в его планы не входило.

Амгалан Тумэнович пересказал ламам Костины историю, особо подробно остановившись на последнем его разговоре с Буддой в музее и причинах создания Куполов. Сведения о гибели миров произвели сильное впечатление. Ауры обоих гостей вспыхивали от удивления, отрицания, гнева, проходя все стадии принятия неизбежного. Однако серым глазам Тензина достаточно было глянуть на присутствующих, чтобы понять: это правда, их тут не обманывают.

– Было бы правильно еще раз, совместно, поднять вопрос о законе об обязательной реинкарнации. Думаю, очевидно, что его нельзя отменять ни в коем случае. – Голос седовласого европейского магистра оказался тих и вкрадчив, но никто из присутствующих не обманулся этим. Генрих Козельски прославился своей жесткой деловой хваткой далеко за пределами Центральной Европы.

– Какой смысл в законе, если ОН уничтожит Купола? – пробурчал Ян Вейшенг. Костя удивился, что лама вдруг так по-мещански побоялся произнести имя Будды, заменив его величественным, но безликим «ОН».

– Если уничтожит – тогда, конечно, смысла не будет. Но пока они стоят, не так ли? – улыбнулся магистр, а приор центрального региона напомнил, что время на небесах Тушиты и на Земле течет по-разному, так что, пока там будут думать, у нас могут пройти столетия.

Костя знал, что приор ошибается. Будда не исчезнет на столетия, а намерен в ближайшее время принять решение. Но промолчал. Артефакты не должны говорить, пока их не спрашивают. К тому же он разделял позицию Ордена.

Орден всеми силами пытался отстоять закон, однако депутаты Госдумы полагали, что экономия бюджетных средств важнее обязательной реинкарнации. Минреинкарнации же, полностью зависящей от госбюджета, права голоса не давали.

Все знали, что будет, если отменят закон. Финансирование снизится, последует «оптимизация численности» сотрудников, то есть, переводя с бюрократического языка на человеческий, увольнения, в первую очередь – на «скорой» помощи. А это означает медленный, но верный развал столь долго выстраиваемой системы. Подобное уже случилось в нищих Венгрии, Чехии и других восточноевропейских странах. И магистр Ордена это тоже прекрасно знал.

Увы, политический вес Ордена был несравним с авторитетом сангхи. Хотя формально Россия была светским государством с равенством всех религий, фактически же буддистская община обладала влиянием даже большим, чем армия. К мнению общины внимательно прислушивался и президент, верующий буддист. До сих пор она никак не высказывалась относительно отмены закона, и ее четкая позиция могла поменять весь расклад.

Костя не слушал, о чём говорят приоры с ламами. Гораздо интереснее оказалось наблюдать за их аурами. Он будто смотрел на магическую битву: вспышка – удар – попадание, вспышка – новый удар – уворот. Вот на пути ударной волны возник щит, и та вернулась к тому, кто ее посыпал. При этом в физическом мире шло крайне вежливое общение, собеседники улыбались друг другу, даже шутили.

– Мы доведем эту информацию до сведения остальных в сангхе и примем совместное решение, – подытожил Ян Вейшенг. Судя по ауре, приоры и магистр остались довольны этим обещанием. Всего несколько дней назад Костя бы тоже радовался. И даже не потому, что реинкарнаторы сохранили бы свои рабочие места и зарплаты, а потому, что этот закон сохранил бы и правильный порядок, единственно возможный. Так было несколько дней назад. Но сейчас все изменилось. Он уже сомневался в том, что существующий порядок – действительно правильный и единственно возможный. Если в этом сомневался даже Будда... Похожего мнения придерживался и Тензин. Плевал он на зарплаты и работу, плевал и на реинкарнацию. Потому что все это не самоцель, а лишь один из путей к достижению истинной цели – к Просветлению. И к ней можно идти с Куполами и без, с законом и без.

Костя удивился самому себе: как быстро и спокойно он стал верующим, хотя всю жизнь искренне считал себя атеистом. Конечно, в отличие от остального человечества ему предоставили четкие доказательства, так что верой в классическом смысле это назвать нельзя. Скорее знанием. Но оно принесло с собой не только информацию о существовании бога. Что намного важнее, оно смело существующую картину мира, как цунами, заменив ее иной, той, где человек может родиться демоном или божеством, где можно попросить помощи духов – и они помогут, если захотят. Мир внезапно перестал быть материальным, но шока не было. И Костя спокойно принял новое мироустройство и осознал свое место в нем. Возможно, спокойствие – это дополнительный бонус от стертый кармы, а может, дело в том, что за эти три месяца столько всего произошло, что даже встреча с Буддой уже не удивляла.

Архатство не избавило Костя от поездок в метро, но сегодня вагон оказался почти пуст – слишком рано для утреннего часа пик. Амгалан

обещал встречу с Аней Ступиной и сдержал слово. Вызвал ее якобы для еще одной беседы, хотя все, что нужно, Орден уже узнал.

Костя зашел в инспекторский зал и чуть не влетел в ведро с водой, грозя затопить мозаичного уробороса: оно загромыхало, но устояло. На грохот обернулась уборщица – впервые он приехал так рано, что застал ее.

– Не ходите по мокрому, – проворчала немолодая женщина и вернулась к мытью пола, не проявив больше никакого интереса. Костя на цыпочках по стеночке прошел до ближайшего стола инспектора – кажется, это стол Жердина, – и сел ждать. Ждать, пока уйдет уборщица, пока высохнет пол, пока появятся Амгалан с Аней...

Он включил радио и чуть не подскочил на стуле, услышав новости: «...Поэтому Пандито Хамбо-лама двенадцатый заявил о том, что закон об обязательной реинкарнации в России отменять нельзя. Эксперты полагают, что это приведет к иным раскладам при голосовании, которое, напомним, снова перенесено, теперь на конец зимы...»

Надо же! Буддистская сангха не просто поддержала Орден, но сделала это феноменально быстро: на обсуждение и принятие решения им потребовалось всего лишь три дня. Такое решение действительно многое меняло, и не только при голосовании в Госдуме. Оно переворачивало все отношения с Орденом. Сангха признала сошествие Будды Шакьямуни в мир людей, поверила в гибель миров и готова была действовать, в том числе – вместе с Орденом.

Из задумчивости Костю вывел цокот каблуков. Не сразу он сообразил, что рядом с командором идет Аня Ступина: за три месяца ни разу не видел ее на каблуках и в строгом темно-синем платье.

В досье, что прислал Данзар, сообщалось, что Аня не помнила ни минуты из всех этих дней. По ее показаниям, в ночь на праздник Лхабаб Дуйсэн она заснула и увидела яркий сон. Будто к ней с небес Тушита спускается белый свет. Свет спросил разрешения воспользоваться ее телом, дабы сделать одно важное дело на Земле, и Аня разрешила. Проснулась она уже в музее НИИ реинкарнации три месяца спустя.

В досье осталась пометка от одного из инспекторов: «Она разрешила неизвестно кому пользоваться твоим телом? Вероятно, она недоговаривает». В дальнейшем никаких недомолвок не нашли, показания посчитали достоверными, но пометка осталась. Костя же не

нашел ничего удивительного в Аниных действиях. Он знал, что она чувствовала в том «сне»: бесконечное блаженство и ясность ума. Впрочем, в том, что это был сон, разубеждать ее не стали.

Амгалан представил ей Костю, сам же чуть заметно кивнул инспектору, мол, общайтесь, и ушел в «аквариум».

– Фохао. Как вы себя ощущаете?

– Уставший. От вашего внимания, – холодно ответила Аня. Костя понял, что она имеет в виду Орден, но все равно фраза больно кольнула.

– Извините. Вы мне помогли в одном деле...

– Замечательно. Надеюсь, вы в курсе, что я этого не помню? Разрешите, я пойду? Мне еще на какие-то вопросы отвечать, а потом заступать на смену. – Аня не дождалась ответа – по сути, она и не спрашивала ничего. Развернулась и пошла в кабинет Амгалана.

Тот о чем-то с ней говорил для проформы, а Костя сидел за пустующим в такую рань столом своего коллеги-инспектора и смотрел. Казалось, будто нет стеклянных стен кабинета: струящий песок волос, синь выразительных глаз, изгиб бедер... Все было родное, но чужое. Куда-то исчезли тигриная грация и легкость движений. Глаза казались не бездонным океаном, а нарисованной акварелью, улыбка, редко сходящая с Аниного лица все эти месяцы, исчезла вовсе. В кабинете Амгалана сидел совсем другой человек. Человек. Костя ощущал ее страхи и недоверие, видел тревожные всполохи ауры, тяжесть кармы, тянувшую к земле. И от нее перестали исходить радость и умиротворение.

Цокот каблуков последний раз раздался в этом зале и затих за дверью, которую закрыл командор. Он вернулся к Косте, подкатил себе ближайший стул на колесиках и сел напротив, готовый отвечать на вопросы.

– Что вы ей рассказали?

– Только самое необходимое. Помогла инспектору Ордена в расследовании, проявила себя с лучшей стороны...

– А про Будду?

Амгалан отрицательно покачал головой.

– Мы сказали, что у нее случился нервный срыв от переутомления, поэтому память частично пропала. Ну и плюс ее ударили по голове...

– Ее никто не бил, – возразил Костя.

– Так проще. Не стоит кому ни попадя сообщать о существии Будды.

– Ничего себе «кому ни попадя»!

– Она не член Ордена.

– Это не мешало ей помогать в расследовании. Даже когда мы не подозревали, кто она на самом деле.

– Не мешало. До определенного этапа. И мы рассказали ей о ее участии в расследовании. До определенного этапа.

Костя увидел в ауре Амгалана решимость и абсолютную уверенность в правильности своих действий и не стал спорить. В конце концов, может, действительно лучше, что Аня ни о чем не подозревает. Как бы она отреагировала, если бы узнала, что тот сон на самом деле был явью? Испугалась бы? Или долгие годы тосковала бы о том, что ничего не помнит?

– Что с ней будет дальше?

Амгалан пожал плечами:

– Ничего. Продолжит жить как жила. Мы, конечно, присмотрим за ней, вдруг Будда решит еще раз использовать ее как свою аватару, но незаметно. Крайне деликатно.

Костя кивнул. Того, кого он хотел увидеть, уже нет. Наверное, лучше забыть реальную девушку Аню Ступину, забыть ее глаза, губы, руки. Ему остаются лишь сны. Его Аня обещала приходить во сне.

– У меня для тебя новость. Приятная. – Глаза Амгалана казались прищуренными от хитрой улыбки.

– Про то, что сангха выступила на нашей стороне?

– Нет. Хотя это, конечно, тоже. Завершилось внутреннее расследование по Иваново. Магистр снял ивановского приора за «несоответствие должности».

– Ёккарганай! Действительно приятная новость, – улыбнулся Костя. – Кого на его место?

– Пока неизвестно. Кандидатов обсуждают, потом еще надо выборы провести, это отдельная процедура. В общем, думаю, что процесс растянется на месяц, а то и дольше.

– И кто в этот месяц там будет главным?

– Исполняющим обязанности поставили командора Управления расследований.

– Веселого?

– Ну не знаю, веселый он или грустный...

– Да нет, это фамилия, – хмыкнул Костя. – Алексей Веселый. Правда, он скорее грустный. Ну при таком приоре не развеселишься особо.

– Теперь в Иванове нужен крайне грамотный приор, – посерьезнел Амгалан. – Нам всем надо будет очень тщательно и аккуратно выстраивать отношения с общиной, а им – особенно.

Дверь с шумом распахнулась, и в зал ввалился здоровяк в полушибке, с двумя пластиковыми стаканчиками в руках. Костя припомнил, что его зовут Александр Борисович Конев.

– Здорово, Костик, – мимоходом бросил он, покосился на все еще сломанный аппарат с кофе и протянул один стаканчик Амгалану: – Командор, я тебе чаю принес. Травяного. Москва стоит в десятибалльных пробках. Гололед! День жестянища.

– Ты-то как добрался?

– Я умный, я на метро поехал.

– Есть новости по делу Смолянинова?

Александр Борисович кивнул и отхлебнул из своего стакана. По залу пополз аромат кофе.

– Пойдем ко мне, расскажешь.

Болтая, как старые друзья, они ушли в «аквариум». Обоим чуть за пятьдесят, в Ордене работают не один год, чувствуют себя в нем на своем месте. Костя вообще в Управлении расследований самый молодой. Остальные старше минимум лет на десять. Станет ли он тут своим? Несмотря на то что он раскрыл дело (и какое!), несмотря на встречу с Буддой, с магистром и ламами, он ощущал себя тут чужим, самозванцем и подспудно ждал, что его выставят за дверь. Если уж даже куратор не хочет видеть его в Ордене...

Мир потускнел не сразу, но к заседанию Совета горкома Костя уже практически не видел ничьих аур. Тензин оказался прав: из-за эмоций возникали желания, те подталкивали к действиям, а каждое действие рождало последствия, то есть карму. Так камень, брошенный в пруд, создает круги. Костя уже не был архатом, всего лишь человеком. Снова.

– Как туда одеться-то? – Прижимая телефонную трубку к уху, он раскрыл шкаф. – Наряжаться мне явно смысла нет. Приду, выслушаю, что недостоин, и уйду. Может, надеть форму?

– Да примут тебя, точно говорю. Чтобы архата, встретившего Будду, да не взяли в Орден? Ты сдурел, – успокаивал его Данзар.

– Мирзоева так не думает.

– Мирзоева одна, а в Совете еще восемь человек.

– Но она мой куратор, а остальные обо мне в лучшем случае из досье знают.

– Надевай форму, – вздохнул Данзар, бросив попытки подбодрить товарища. – Но вообще-то я тебе позвонил, чтобы про Кучика рассказать. В архиве появилась расшифровка его допросов.

Костя чуть не выронил трубку. Он так долго гонялся за другом Леонхарда Петмансона, а в итоге даже не видел его! Лишь силуэт на мониторе в музее. Костю пронзила мысль, от которой стало страшно. После того как его выгнали из Ордена, а это, скорее всего, случится сегодня, ему закроют доступ ко всем материалам. Единственный шанс что-то узнать – сейчас, до начала Совета.

– Не томи! Рассказывай! – выпалил он.

– В целом мы были правы, но вот частности... по мне, так крайне любопытны. Леонхард Петмансон действительно считал Кучика своим лучшим другом и только ему рассказал, что прибор готов. Петмансон уже перенес один инфаркт и заранее готовился к смерти. Для завершения опыта необходимо было раздобыть кармограф, так что во время следующего приступа Леон позвонил и Виктору, и в службу реинкарнации. По дороге Виктор ждал еще одного звонка с рассказом, как все прошло. Собственно, его задача сводилась к тому, чтобы забрать прибор из квартиры раньше, чем о приборе узнают в Ордене реинкарнаторов, доставить его в целости и сохранности в собственный Орден и доложить анагаминам, как прошел эксперимент.

Леон действительно позвонил второй раз, вот только Кучик не ожидал услышать то, что услышал. Наш гений-изобретатель, ставши архатом, попросил не отдавать прибор анагаминам, а уничтожить. Я уж не знаю, что ему там открылось после того, как он лишился кармы, тут тебе виднее, но, по словам Кучика, Леон настаивал на этом.

Костя промолчал. Он прекрасно понимал, что открылось Петмансону перед смертью. Вот только это не объяснишь словами, те прозвучат банально и тускло.

Данзар тем временем продолжал:

– Виктор пообещал, однако затем нарушил свое слово. Точнее, частично нарушил. В Орден анагаминов он прибор не понес, но и уничтожать не стал.

Злость на свой Орден все еще жгла его. Когда потребовались деньги на операцию жене, причем большие деньги, речь шла о миллионах, в Ордене ему отказали, хотя возможности у анагаминов были. Ему заявили, что «Орден – не касса взаимопомощи», мол, если всем помогать, то средства быстро кончатся. Леон действительно тогда и связался впервые с мафией, ради друга. Но что-то там не срослось, денег получить не удалось, жена умерла, а вот связи с ОПГ остались. Именно поэтому, когда понадобился кармограф, он и вспомнил про них.

– И что Кучик хотел сделать с «кармастирателем»?

– Говорит, сначала хотел испытать на себе. Чтобы удостовериться. Ну и, понятно, чтобы стереть карму. Но для этого нужно было найти кармографа, а на хвосте сидели уже не только мы, но и собственный Орден. Кучик рванул к Туманову, просил помощи, взамен обещал сделать его архатом. Но, как мы знаем, Туманов ему отказал, зато посоветовал поехать к Борецкому. Нам-то в этом, гад такой, не признался! Борецкий взял Кучика в оборот. Это же прожженный делец, он быстро понял, как зарабатывать на приборе большие деньги. Очень большие деньги. Чуть не половина его клиентов – из криминала, им есть чего бояться в следующей жизни, и они готовы платить в этой жизни.

Впрочем, кармограф им все еще был нужен. Не важно, зарегистрированный или нет, им же не загружать пластины в Купола. Так что на вырученные у последнего клиента деньги Борецкий нанял местную шантрапу – грабителей. Что случилось дальше, мы знаем даже лучше Кучика. Кармограф эти малолетки украл, но решили заработать дважды: кинуть того, кто уже заплатил, и торгануть на черном рынке. Ну и очень не вовремя Степан Борецкий лишился своих способностей...

– Вовремя... – прервал Костя Данзара. – Он не случайно их лишился.

– Аня? То есть Будда?

– Угу. И с зеркалом у Туманова тоже она.

– Ну да, логично. Будда узнал, что кто-то нарушает созданный им порядок вещей, и исправил это.

– Но Кучик же уехал из Иванова еще до того, как Борецкого убили. Или нет?

– Да, уехал. Говорит, испугался. Борецкий, оказывается, его обманул: обещал взять кармографа у своих, в сангхе, тихо-мирно. Когда же Виктор прочел в прессе о том, что кармограф украл, а полиция ищет ивановских грабителей, смекнул, кто за этим стоит, и решил, что безопаснее свалить. За ним и так два Ордена гнались, так теперь еще мафия и полиция подключились! Вот уж Борецкий помог так помог!

Но податься Кучику было некуда. Друзей нет, тихого места, где можно все переждать, нет, что делать – непонятно. В растерянности он решил вернуться в Москву. Когда убегал из дома, вещей взял лишь на короткое путешествие, а оно затянулось.

– И тут мы с лекцией...

– Ага. Он не мог не клюнуть.

– А что Орден анагаминов?

– Ну у нас теперь есть имена и словесные портреты тех, кого знал Кучик. Двое из них, кстати, занимали руководящие посты в НИИ реинкарнации.

– Логично. Это ведь техноократическое крыло их Ордена, там специалисты многие жизни занимались изучением реинкарнации, трудились над созданием устройств для контроля над ней. Где же им еще работать? Не удивлюсь, если они и в Минреинкарнации есть.

– Насколько я понимаю, наши их уже ищут. Так, слушай, а ты все еще дома, что ли? – внезапно понял Данзар. – Заседание Совета через сорок минут! Ты не оффигел ли опаздывать?

Костя ругнулся, нажал отбой на телефоне, влез в черные хромовые сапоги, схватил пальто и выскочил из дома, на ходу застегивая пуговицы кителя. Впрочем, внутренне он был спокоен. Чего переживать? Что опаздывает на свой позор? В конце концов, вчера он купил на еще действующую безлимитную карту Ордена две бутылки отличного виски, их ему хватит, чтобы приглушить страдания. В любом случае у него навсегда останутся в памяти эти три безумных месяца сложной, но интересной жизни инспектором.

Жаль, он навсегда потерял Аню Ступину, женщину, с которой хотелось жить, дышать, улыбаться. Скоро потеряет и Данзара, друга, с

которым уютно пить и разговаривать, единственного, с кем он подружился помимо Женьки. Костя не верил в дружбу между бывшими коллегами. Она обычно довольно быстро сходит на «а ты помнишь?», а затем и вовсе прекращается.

Но он ни о чем не жалел. По итогу он приобрел нечто весьма ценное. И это даже не расположение Будды, из-за чего половина населения Земли сожрала бы его от зависти. И не знания о Куполах и конце света, из-за чего другая половина человечества перегрызет друг другу глотки. Пусть недолго, но он видел истинный мир, и это поменяло что-то в Костиной душе.

Вроде бы он остался тем же самым хмурым и нелюдимым беспамятным, но после того, как с него сняли шоры собственной кармы, внутри что-то сдвинулось. Костя чувствовал, как меняется. Будто тектонические плиты его личности начали движение, и к каким новым горам и океанам это приведет – пока не понятно. Но самое удивительное, что это радовало и вдохновляло. Будто он устал быть тем, кто он есть, устал от самого себя и ждал новой, улучшенной вариации.

Костя все же опоздал. На него зашикали, куда-то повели, приоткрыли створку высоких двустворчатых дверей в металлических заклепках и подтолкнули внутрь, шепнув, чтобы сел в уголок и не отсвечивал.

Со света попав в полумрак, в зал без окон, несколько долгих секунд он не видел ничего, наконец глаза уловили ряды стульев в том самом «уголке», где уже сидели несколько зрителей. Аккуратно ступая, стараясь не цокать по паркету сапогами, Костя пристроился рядом и начал смотреть действие.

В центре зала, будто на сцене, шло заседание, похожее на сцену из фантастического фильма про магов. Девять членов Совета, включая московского городского приора, в церемониальном облачении – мантиях с застежками в форме урбороса, сидели вокруг длинного стола, освещенного подвесными зелеными лампами, и что-то бурно обсуждали. Выглядело это настолько волшебно, что казалось нереальным, мантии сильно меняли облик людей, придавая им таинственности. Даже командор был неузнаваем.

Повестку дня Косте никто не дал, но основной вопрос и так понятен: новое знание от Будды. Горком пытался выработать единую

позицию, что делать в свете открывшихся фактов.

– Я вообще не понимаю, зачем магистр пошел в сангху! Если об этом знают буддисты – об этом знает весь мир! Еще раз повторю: нельзя выпускать эту информацию из стен Ордена! – сдержанно возмутилась Эльвира Рашидовна. В отличие от остальных даже в черной мантии она выглядела скорее бизнес-леди, чем членом тайного Ордена.

– Потому что нам уже надо объединяться. Что еще должно произойти, чтобы вы перестали держаться за местечковые интересы? – возразил молодой белобрысый парень. Костя вздрогнул. Это же Илья! Тот самый, с которым он ездил в ОПГ «Китай» за кармографом! А он-то, дурак, думал, что командор Управления безопасности – Владек Мазур! Переживал, что не понравился ему!

– И как вы собираетесь это делать, если они там даже на порог нас не пускают? – съязвила Эльвира Рашидовна.

– Потому что у них сидят такие же дуболомы, как вы!

– Так! Хватит! Успокойтесь уже оба. Ну что за детский сад устроили! – постучал ладонью по столу приор. Несколько дней назад Костя видел его на встрече с Тензином и Яном Вейшенгом, но тогда его больше интересовал магистр. Приор был совершенно лыс, будто каждый день брил голову. Говорят, у него нет даже ресниц и бровей, но с такого расстояния не разглядеть. Лет в тридцать запах смерти привел его на пожар, и он, тогда еще обычный реинкарнатор «скорой» помощи, обгорел. Ожоги прошли, даже шрамов не осталось, но с тех пор волосы не растут.

– Магистр попросил нас определиться и представить позицию нашего горкома, а отношения будете выяснять после заседания. У нас еще рассмотрение кандидата. Вы тут хотите до ночи сидеть? Давайте уже каждый выскажет, по кругу. Только, пожалуйста, кратко. Ваша позиция. Две минуты, не больше! Эльвира Рашидовна, начинайте.

– Однозначно за то, чтобы закрыть эту информацию. Если бы Будда хотел – он бы сам о ней рассказал...

– Так он и рассказал! Или, по-вашему, он лично к каждому должен прийти? Или письма по электронке всем отправить? – снова влез Илья.

– Илья Николаевич, я вас не перебивала! Вам тоже дадут слово, успокойтесь.

– Да как тут успокоиться, если вы все из-за своей паранойи подталкиваете мир к гибели! Вы что, не понимаете, какая начнется паника, когда Купола вдруг исчезнут, а люди не будут к этому готовы?!

– Если исчезнут! Если! Купола, может, и не исчезнут, а вы представляете, какая паника начнется, если все рассказать сейчас? Да это преступление!

– Ой, не преувеличивайте. Поохают, попереживают и начнут обсуждать что-нибудь еще. Купола-то стоят. Зато все адекватные люди начнут думать, что делать, и когда катастрофа произойдет, она не окажется внезапной.

– А вы не преуменьшайте! Это не падение курса рубля, это осознание конечности жизни, вот этой самой жизни!

– Ну коллеги! Нельзя же так! – вновь вмешался приор. – Дайте всем сначала высказаться.

– А по мне, так смысла в нашем совещании не больше, чем в попытках вернуть кукушке яйцо, – спокойно пробасил еще один член Совета. Костя повернул голову на знакомый голос и... обалдел. Почти спиной к нему, в торце стола сидел Данзар! Мозг отказывался верить глазам, настолько увиденное казалось невозможным.

– Вы что, хотите за Будду решить, что делать? Он еще сам не определился, а мы уже тут глотки дерем, – продолжал Данзар.

– И что же вы предлагаете? – заинтересовался приор.

– А ничего. Спокойно заниматься своими делами, не предпринимая никаких действий. Будда сам разберется, что делать. Предупредить ли людей, не предупреждать, или, может, еще чего придумает.

У Кости в голове крутилась одна мысль, за нее он и ухватился: «Вот почему птичка Туманова рядом с Данзаром светила оранжевым глазом». И вот откуда архивариус добывал такие ценные сведения, отмахиваясь, мол, «из архива». Из архива-то из архива, но допуск к данным у Данзара максимальный. Вот и ответы на странности, которые Костя замечал за другом. И зажигалка Кольчина... Глаз фантастического животного, направленный на Илью, на ней загорелся оранжевым. Так же как рамка на входе в московский горком, когда ее проходила Мирзоева. У всех троих одинаковый уровень доступа в Ордене: оранжевый. Что это? Уровень командора?

«Все это время я расследовал дело с членом Совета горкома Ордена и Буддой? Ну, охренеть теперь». – Безмерное удивление и эта

фраза заполонили Костю так, что ни о чем другом он не мог и помыслить.

Тем временем заседание подходило к концу. Сам того не замечая, слушая, но не слыша выступающих, Костя просидел «в уголке» почти час.

— А теперь переходим к финальной части нашей повестки, — произнес приор. — Сегодня мы должны решить, оставить ли кандидатом в члены Ордена Константина Юрьевича Колесова. Папка на него вам была разослана, но для тех, кто вдруг не знает: это он занимался делом Петмансона, и это ему Будда сообщил то, что мы сейчас обсуждали. Да, и он архат. Ну был, по крайней мере. Полагаю, уже поднабрал кармы, не так ли, Константин Юрьевич? Да вы выходите сюда, не стесняйтесь.

Костя шел будто на эшафот, по привычке надев маску невозмутимости, и, чтобы успокоиться, непроизвольно чеканил шаг. Он чувствовал себя солдатом на службе системы, и, как обычно, когда внешний настрой соответствовал внутреннему, на него снисходило спокойствие.

Очнувшись внутри круга света, он тут же сощурил глаза, будто Амгалан. «Интересно, это специально делается, чтобы кандидат стал растерянным и беспомощным?» — подумал он, на мгновение ощущив себя ребенком на утреннике в детском саду. Воспитательница вызвала его в центр круга, чтобы он рассказал стишок. Вот только сейчас не он будет говорить, а о нем. Так, будто его тут нет.

— Эльвира Рашидовна, вам как куратору начинать, — взмахнул рукой приор.

— Благодарю. Я постараюсь коротко, — поднялась она с места. — Константин Юрьевич у нас стал знаменитостью: и с Буддой разговаривал, и архатом был, и дело раскрыл. Вроде бы очевидно, что такую звезду нужно принять в Орден. Но давайте оценим сам процесс расследования. Ему приходит анонимка об уникальном человеке, члене страшного Ордена, стремящегося обойти закон реинкарнации, — о некоем Туманове. Заслуги самого Колесова в этом нет никакой, не он нашел этого человека, не он о нем узнал. Задача Колесова проста: на несколько часов задержать Туманова, всего лишь до приезда сотрудников Управления безопасности. Он ее проваливает. Проваливает напрочь. Пусть бы Туманов сбежал — мы бы нашли его,

но нет. Туманов умирает, причем прямо на руках инспектора. Далее. Еще один уникальный человек – Степан Борецкий. Орден охотился за ним несколько лет. И – какое совпадение! – Борецкий тоже умирает, не рассказав ничего. И вот вроде бы наконец инспектор чего-то добивается – Кучик клюет на приманку, приходит за кармографом, но... Колесов упускает прибор Петмансона!

– Вы забываете о силе, которая играла значительную роль в этом расследовании... – напомнил приор.

– О Будде? Нет, конечно, не забываю. Но получается, что все сделал именно он, а не Колесов. Может быть, примем Будду в наш Орден? Я не возражаю.

– Я вас понял, – кивнул приор. – Кто-то еще хочет высказаться?

Со своего места поднялся Амгалан.

– Эльвира Рашидовна, конечно, права, – начал он, и слабая надежда, жившая где-то на дне Костиного сердца, утонула во мраке. – Сложно оценивать действия кандидата, когда расследование, по сути, вел Будда. Но я скажу так: думаю, что ни у кого из инспекторов не получилось бы лучше. Никто не смог бы сохранить жизнь Туманову и Борецкому, если бы Будда решил, что они не достойны жизни. Никто не смог бы забрать прибор Петмансона, вырвав его из рук Будды. И я считаю, что самое главное в работе инспектора Ордена – это чутье. Инспектор спинным мозгом должен ощущать, где что-то не то и нужно копать, где промедление даже на время телефонного звонка недопустимо и где нужно рисковать. У Константина Юрьевича чутье есть. Я это знаю.

Эльвира Рашидовна бросила на Доржиева гневный взгляд, но его заметил, кажется, только Костя. Командор в это время глядел на приора.

– Спасибо, Амгалан Тумэнович. Кто-то еще хочет высказаться? По процедуре нужно два поручителя, один у нас уже есть, как я понимаю.

В зале воцарилась тишина. Костя примерно представлял, что сейчас происходит в головах у членов Совета. Они взвешивают все «за» и «против»: стоит ли принимать в Орден человека, отмеченного Буддой? Нужен ли им такой человек? Или же на всякий случай лучше держаться от него подальше? Наверняка тех, кто его опасается, много. Он бы и сам предпочел держать такого человека на расстоянии.

– Я готов за него поручиться. – Бас Данзара разнесся по залу, будто через усилитель. – Я с ним работал. И могу сказать, что это будет специалист высочайшего уровня. Да, Будда помогал инспектору в расследовании, но и инспектор помогал Будде в его расследовании. Я абсолютно уверен: без Кости Будда не нашел бы прибор Петмансона.

По залу пронеслись удивленные перешептывания.

– Константин Юрьевич – смелый человек. Очень смелый. Иногда даже чересчур. – Илья со стула подниматься не стал, слово не просил, а просто стал говорить. – Но он мне нравится. Пожалуй, я тоже за него поручусь. В конце концов, вы что, готовы отпустить архата на все четыре стороны? Да его сегодня же заграбастает себе сангха!

Перешептывания стали более явными, даже приор наклонился и что-то эмоционально прошептал в ухо соседу справа, потом – соседу слева.

– Благодарю. Больше выступлений не будет? – спросил приор. На несколько секунд воцарилась тишина, а затем раздался бас Данзара:

– Я хочу еще сказать кое-что. Вы все это знаете, а Колесов – нет. Но ему следует узнать об основном критерии отбора в инспекторы.

Костя вздрогнул. По спине поползли мурашки. Кажется, сейчас архивариус скажет о том, что членом Ордена может быть только буддист.

– Не всегда нам удается подбирать инспекторов в соответствии с базовым критерием, с тем, что установил создатель нашего Ордена, поэтому у потенциальных кандидатов приходится оценивать ум, внимательность, другие какие-то качества... словно мы набираем следователей в полицейский участок. Но все вы знаете, что инспектора ведет карма. Не мы выбираем – карма приводит беспамятного в Орден, особенно – инспектора. И наше дело – лишь увидеть ее. Давно к нам не приходили такие, как Колесов! Именно он снял слепок у Петмансона – и именно поэтому мы его и позвали для расследования, правда?

Мирзоева и Доржиев кивнули, но если командор энергично, то куратор – будто нехотя.

– Мне плевать, как Колесов ведет расследование, – пусть хоть лежит на диване и смотрит телевизор сутками. Главное – результат. А результат у него ошеломительный. Разве не так?

Тут уже закивали почти все члены Совета.

– Его карма – стать инспектором Ордена. Лично я это вижу очень хорошо. Удивительно, что у кого-то могут возникнуть в этом сомнения, – Данзар закончил речь и покосился на Мирзоеву.

– Никаких отводов не будет? – Приор выждал несколько секунд и продолжил: – Самоотвод?

Костя не сразу понял, что приор обращается к нему.

– Нет. – Язык вдруг стал непослушным, а горло пересохло. Несмотря на все заверения Данзара, Костя не верил, что его примут в Орден, и внутренне уже даже смирился с этим. Правда, это было до того, как он узнал, что Данзар – член Совета.

В торце зала, там, где, казалось, находится какой-нибудь чулан со швабрами, зажегся свет, и взору предстала огромная темно-зеленая портьера с вышитым на ней уроборосом, в погоне за хвостом образующим четыре лепестка – символом Ордена. Из-за сочетания темноты и пятен света увидеть зал целиком не представлялось возможным. Это создавало атмосферу таинственности и причастности к чему-то особому. Костю подвели к уроборосу, и как в тумане он повторил за приором слова клятвы:

– Я, Колесов Константин Юрьевич, клянусь делать все от меня зависящее для поддержания нынешнего порядка реинкарнации до тех пор, пока существуют Купола, карма и люди, нуждающиеся в перерождении. Я клянусь защищать их, оберегать их жизни и предоставлять свою помощь. Клянусь использовать свой дар ощущать смерть – во благо людей. Клянусь в любых ситуациях действовать во благо Ордена реинкарнаторов и системы реинкарнации, а также своих братьев и сестер по Ордену.

– Поздравляю! Мы возлагаем на вас большие надежды, – улыбнулся приор, и раздались аплодисменты. Оказывается, все присутствующие в зале сейчас стояли полукругом, на границе света и тени, приветствуя его.

Чип ему пока не вживили – рано. Но ему подарили еще девять месяцев, в течение которых он может уйти из Ордена в любой момент. Лишь затем он станет полноценным членом, без права выхода. Зато надели на запястье оранжевый браслет, сплетенный из узелков, завязанных специальным образом. Сзади кто-то набросил на плечи черную мантию с застежкой в форме уробороса, и лишь тогда Костя поверил во все происходящее.

К нему подходили, поздравляли, хлопали по плечу, жали руку, он невпопад кивал и благодарил, а сам уставился на Амгалана. Тот при всех, не скрываясь, обнял Мирзоеву. Эльвира Рашидовна вздрогнула, что-то спросила – до Кости донесся лишь ее удивленный возглас. Амгалан наклонился и зашептал ей на ухо. Костя не слышал что, но догадывался. Но почему только сейчас? Он был уверен, что командор уже давно снял свой обет безбрачия, сразу, как только узнал о разрешении от Будды. Почему Амгалан не сразу сообщил о своем освобождении возлюбленной, Костя не знал, но немного уже понимал своего командора. Амгалан не догадывался, какой мотив на самом деле двигал Мирзоевой, не знал, что она привнесла личную неприязнь в работу. Сам же он считал, что в таких вещах руководствоваться личными интересами нельзя. Рассказать ей, что благодаря Колесову они теперь могут быть вместе, – это значило повлиять на ее решение, на это Амгалан пойти не мог. Правильный у него командор.

– Я ж тебе говорил, не переживай! – хмыкнул Данзар, когда они вышли на улицу. Увы, шикарную мантию пришлось оставить внутри: все же не стоило показывать каждому встречному свою принадлежность к одной из самых закрытых организаций.

– Ты тот еще жук! – Костя шутливо ткнул его кулаком. – Столько времени молчал, что входишь в Совет!

– Эх, молодой ты еще, горячий. Вот поработаешь в Ордене, сам будешь молчать обо всем.

– Ну о том, что у меня дома стоит восемнадцатилетний виски, я молчать не буду! Надеюсь, меня не арестуют за нецелевку. Предлагаю поехать отметить.

– Поддерживаю! Если арестуют, то я за тебя заступлюсь! Скажу, была производственная необходимость! – заржал Данзар.

За время церемонии белые пушистые хлопья покрыли весь асфальт, не оставив ни сантиметра серого цвета, одели ветки деревьев, кустов, крыши домов, перила, лавочки и принялись за людей. На черной форме реинкарнатора образовались белые погоны, а вместо забытой в недрах офиса московского горкома шапки пушистые хлопья соорудили собственный головной убор. Природа облегченно вздохнула. Наконец-то выпал снег. Все шло по устоявшемуся веками порядку.

Примечания

1

2459 год по буддистскому летоисчислению соответствует 1916 году по григорианскому календарю. Начало летоисчисления буддийского календаря ведется с года ухода Будды Гаутамы в нирвану и опережает григорианское летоисчисление на 543 года.